

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)»

РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКАЯ КУЛЬТУРА В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник научных статей

**Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)**

(Москва, 24 марта 2026 года)

Том 1

Москва, 2026

Печатается по решению Ученого совета Факультета социально-гуманитарных технологий ФГБОУ ВО «МГТУ им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)» (протокол №8 от 26 марта 2026 г.)

Редактор

Котовчихина Наталия Дмитриевна — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры «Теория и практика непрерывного казачьего образования», директор Международного научно-методического центра по изучению литературного наследия М. А. Шолохова

Члены редакционной коллегии:

Юлина Галина Николаевна — доцент, кандидат педагогических наук, доцент;
Богатырева Светлана Николаевна — доцент, кандидат филологических наук, доцент;
Шишов Сергей Евгеньевич — профессор, доктор педагогических наук, профессор;
Калита Виталий Владимирович - доцент, кандидат психологических наук, доцент;
Положенцева Ирина Вениаминовна - доцент, кандидат экономических наук, доцент.

Рецензент

Борисова Елена Георгиевна — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков, ГАОУ ВО МГПУ

Русский язык и русская культура в мировом культурном пространстве: сб. науч. ст. по матер. Всероссийской научно-практической конференции (24 марта 2026 г.) с международным участием / под общ. науч. ред. Н. Д. Котовчихиной. Том 1. – Москва. 2026. – 157 с.

Настоящий сборник подготовлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Русский язык и русская культура в мировом культурном пространстве», которая проведена 24 марта 2026 года в МГТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ) в г. Москва. Материалы конференции охватывают широкий круг вопросов, связанных с рассмотрением роли и места русского языка и русской культуры в мировом культурном пространстве. В настоящее время это актуальная, сложная, дискуссионная проблема, так как на формирование отношения к русскому языку и русской культуре влияют политические, социальные и ряд других факторов, напрямую связанных с образованием молодежи. На конференции был актуализирован в качестве концептуального междисциплинарный научный подход, давший возможность объединить литературоведческие, лингвистические, исторические, методические, психолого-педагогические исследования на разных уровнях взаимопересечений.

Участники конференции особое внимание уделили вопросу о способах формирования у молодежи представления об эстетическом и нравственном потенциале русской культуры и русского языка – богатого и многофункционального, который передает молодому поколению традиции народа, и формирует представления о философской глубине русской истории и культуры. В ходе проведения конференции были рассмотрены: дискуссионный вопрос, широко обсуждающийся в мире: об активном внедрении искусственного интеллекта в разные сферы деятельности, в том числе в преподавание русского языка и литературы, а также вопрос о важной роли подвижничества в деле сохранения и продвижения русского языка и русской культуры в мировое культурное пространство. Цель сборника – познакомить широкие круги читателей с новыми методиками преподавания русского языка и русской литературы в школах и вузах разных регионов РФ и за рубежом, в формировании у молодежи стремления следовать традициям русской классики в деле сохранения русской культуры, ее сближения с лучшими образцами мировой культуры и искусства.

©ФГБОУ ВО Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет), 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Володихин Д.М......5

ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

Котовчихина Н.Д......6

О роли подвижников в деле сохранения русской литературы, сближения ее с культурой других народов

Алиева П.Ш......12

Аспекты перевода экзотизмов с русского языка на английский язык в повести Л. Н. Толстого «Казачи»

Андреев А.Н......17

Литература как ключевой фактор русской цивилизации

Бакурадзе А.Б......24

Рассмотрение проблематики православия как основы культуры российского казачества в учебно-методическом пособии «История казачества России»

Бурик В.Н., Ковалева Е.Л......30

Психологические и философско-эстетические особенности времени и пространства в художественных произведениях А. К. Толстого и ВЛ. С. Соловьёва

Ветлугина А.М......37

Перспективы интеграции пособия «Музыкальная культура казачества» в современные образовательные практики

Воителева Т.М......43

Роль русского языка в формировании национально-культурной идентичности личности

Гончарова И.В......47

Русский язык и русская литература в мировом культурном пространстве

Горюнова Н.В., Прокудина М.С......50

Патриотическая и воспитательная миссия русской культуры: на примере служения российского казачества

Давыдова О.А......57

Исконные слова с корнями – названиями другого государства (-Китай-)

Евгеньев Н.М......67

Канон и свободное творчество в современной академической музыке

Илчева Р.В......74

Молитва за царя. Ярославна XVIII века

Кот Ю.В......78

Определение понятия «русская культура» в контексте концепта «русский мир»

Кудряшов Б.О......84

Рассказ Сергея Воронина «В родных местах» (1959): полемика вокруг произведения как отражение противоречий эпохи «оттепели»

Манукян А.Д......90

Трансформация гуманитарного образования под воздействием искусственного интеллекта: от персонализации к этике со-субъектности

<i>Марченко О.Н.</i>	94
Формы взаимодействия школы с музеями в процессе преподавания предметов гуманитарного цикла	
<i>Николенко Е.Ю., Николенко Г.В.</i>	98
Цифровой тьютор и персональная среда: как искусственный интеллект расширяет образовательные траектории гуманитарных дисциплин	
<i>Пилипчук М.С., Нечипуренко О.Ю.</i>	104
Образ казачества в литературе и творческое наследие писателей-казаков: региональный аспект (на материале Ставрополя)	
<i>Самарская С.Н.</i>	108
Литература как памятник искусства (по материалам статьи Д.А. Гранина «Прописанные навечно»)	
<i>Скуднякова Е.В.</i>	112
Речевой портрет как средство создания образа героев (на примере рассказов Ю.П. Казакова)	
<i>Сотникова Н.Н., Солонина В.П.</i>	120
Казачий мир с его самобытными традициями, бытом и героической историей в творчестве писателей – казаков Ставрополя	
<i>Стояновский М.Ю.</i>	124
«Поединок наш необычаен до смешного». Евгений Базаров и Павел Кирсанов: дуэль как способ сближения	
<i>Федотова Л.Л.</i>	130
Русский язык на постсоветском пространстве	
<i>Фокеев А.Л.</i>	139
Фольклоризм русских писателей начала XIX века как неотъемлемый элемент их художественного творчества	
<i>Шафажинская Н.Е., Юлина Г.Н.</i>	144
Духовное и литературное творчество представителей отечественной культуры русского зарубежья	
МНЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА О МЕСТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
<i>Кожевников П.Г.</i>	151
Формирование позитивного образа России в современном информационном пространстве (взгляд американского журналиста)	

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые участники Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Русский язык и русская культура в мировом культурном пространстве».

Наши многолетние научные контакты имеют важный результат – к числу постоянных участников добавляются новые, представители разных регионов Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья. Увеличилось количество педагогов-практиков, которых волнует состояние русского языка и русской культуры в современном мире. Активно вовлекаются в научные исследования молодые ученые – аспиранты и магистранты, и, что очень отрадно, студенты и школьники. Значит русский язык и русская культура будут иметь надежную опору. Наша задача на сегодняшний день в том, чтобы постоянно осмысливать возможности новых путей сохранения и продвижения русского языка и русской культуры в XXI век, формировать те идеи, которые характеризуют изменения в научной парадигме лингвистики, литературоведении, культурологии, истории, обращать внимание на факторы, определяющие возможности развития русского языка и русской культуры и сближения их с мировой классикой. Совершенно очевидно, что будущее России в значительной степени зависит от того, удастся ли сохранить национальную культуру, нормативный русский язык и образование. Как утверждал Александр Блок, обращаясь к представителям науки и культуры: «Мы пришли не тосковать, не отдыхать. То чудесное слияние противоречивых чувств, мыслей и воли, которые носят имя человеческой души, обращено к будущему. И мы должны работать во имя этого будущего. Не должно стремиться к праздности, успокоенности, роскоши, почиванию на лаврах».

Блок называл это состояние Елисейскими полями. Обращаясь к своим современникам, он призывал: «Работайте, трудитесь, ищите, бойтесь Елисейских полей». А мне хочется добавить: «Не унывайте, ссылаясь на сложности. Давайте опираться на многовековой педагогический опыт и на традиции русской культуры. В них отразилась вся жизнь, история, материальная и духовная культура нашего народа.

Володихин Дмитрий Михайлович,
доктор исторических наук,
проректор по научной работе
МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

Котовчихина Н.Д.

О РОЛИ ПОДВИЖНИКОВ В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, СБЛИЖЕНИЯ ЕЕ С КУЛЬТУРОЙ ДРУГИХ НАРОДОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с сохранением русского языка и русской литературы, духовного наследия русского народа. Автор статьи обращается к творчеству одного из выдающихся русских писателей И.С. Тургенева как одного из подвижников в деле сохранения, продвижения русского языка и русской литературы в мировое культурное пространство.

Ключевые слова: русский язык, русская литература, подвижничество, сохранение и продвижение русского языка и русской литературы в мировое культурное пространство.

Kotovchikhina N.D.

ABOUT THE ROLE OF ASCETICS IN PRESERVING RUSSIAN LITERATURE AND BRINGING IT CLOSER TO THE CULTURE OF OTHER NATIONS

Abstract. The article is devoted to the problems related to the preservation of Russian language and Russian literature, the intangible heritage of the Russian people. The author of the article considers Russian writer Ivan Turgenev as one of the devotees in the preservation and promotion of Russian language and Russian literature in the global cultural space.

Keywords: Russian language, Russian literature, dedication, preservation and promotion of Russian language and Russian literature in the global cultural space.

Необходимость постановки вопроса о сохранении русского языка и русской культуры, в нашем случае русской литературы, в настоящее время очевидна. Причин достаточно много: социальные, экономические изменения, кризис нравственных ценностей, отразившийся в языковой культуре населения. Среди причин лингвисты, литературоведы, педагоги называют сокращение территорий функционирования русского языка в бывших союзных республиках, в некоторых из них (Прибалтика), идет активное вытеснение русского языка, а значит и русской культуры. В них он уже не является языком межнационального общения. В этом ученые видят серьезную проблему для государства. В общеобразовательных школах резко снизилось качество образования. С этим связан целый ряд проблем, в том числе негативные тенденции в культуре речи и не только среди молодежи, но и в средствах массовой информации, и в других официальных источниках [5]. Россия из страны читающей постепенно превращается в страну, в которой читающие молодые люди встречаются сравнительно редко. Ко всем перечисленным проблемам присоединилась еще одна. Бурное развитие технического прогресса вмешалось в человеческое сознание. Началось это сравнительно давно и было связано с широким использованием интернета, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Обилие информации, которую можно получить в готовом виде при минимальной затрате энергии – одна из составляющих этого процесса. В довершение к этому внимание молодежи поглотили гаджеты, в которых молодежь сидит практически круглосуточно. Все это касается не только России. Известный филолог-ученый Академии Наук Болгарии Радослава

Илчева Велчева справедливо подметила, что «мышка съела книжку». Все перечисленное резко отрицательно влияет на формирование личности молодого поколения и на отношение к русской культуре.

В последние годы ко всему перечисленному добавились большие достижения науки в области цифровизации и искусственного интеллекта. Наряду с положительными сторонами использования искусственного интеллекта в разных областях знаний, о чем пишут и говорят ученые за рубежом и в нашей стране, есть вопрос, который волнует очень многих людей: как сочетать успехи разработки искусственного интеллекта с человеческой душой и культурой, складывавшейся веками, как не утратить духовные основы, которые формируют человеческую личность: нравственность, ценности и смыслы жизни, что станет с русским языком, о котором сказано и написано так много чудесных слов. Например, Н.В. Гоголь сказал о русском языке «живой как жизнь». А останется ли он живым под давлением технического прогресса? А что станет с литературой и культурой? Д.С. Лихачев назвал культуру «огромным явлением, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения народом, нацией» [7, с. 94]. Все эти вопросы стоят перед лингвистами, литературоведами, педагогами.

Признавая заслуги искусственного интеллекта в разных областях знаний, педагогическое сообщество рассматривает его как вспомогательное средство при изучении русского языка и особенно литературы, учитывая, что эти дисциплины имеют дело с душой человека, тонко воспринимающей окружающий мир и нуждающейся в тесном взаимодействии с преподавателем, способном передать молодежи все оттенки чувств, вызываемых героями художественных произведений и окружающим их миром во всей полноте красок, звуков, ощущений. Об этом есть множество интересных работ. Ученые разных стран тоже выражают беспокойство по этому поводу. Эти процессы побуждают лингвистов, литературоведов, педагогов искать новые методы, формы, способы работы с текстами художественных произведений [5].

Сегодня подобный опыт необходимо накапливать, изучать, обмениваться наиболее интересными наработками в области способов и приемов, связанных с формированием у детей, начиная с дошкольного возраста, школьников и студентов интереса к русскому языку и литературе. В этом направлении уже накоплен интересный опыт: проведение конкурсов, олимпиад, участие детей и юношества в научно-практических конференциях старшего поколения. Представляется, что опыт включения в учебный план МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ) – негуманитарного вуза – дисциплины «Русская литература» также интересен и полезен. Но надо помнить, что в современной действительности без баланса между научными достижениями в области искусственного интеллекта и культурой трудно говорить о продвижении русского языка и русской литературы в мировое культурное пространство. Хочется верить, что этот баланс отыщут наши ученые. Интересных наработок, связанных с продуктивным использованием искусственного интеллекта в разных областях знаний уже довольно много. К процессу изучения необходимо привлекать молодежь. Наряду с этим детей с ранних лет необходимо приучать к тому, что они – будущие защитники и хранители русского языка и русской культуры и должны стремиться сохранить богатейшее наследие русского языка и русской культуры. Это очень сложная, но при большом старании возможная и почетная цель. Дети должны захотеть стать

подвижниками, способными продвигать русскую культуру в другие страны, а примеров подвижничества в России много. Приведем один из них. Иван Сергеевич Тургенев был не только прекрасным писателем, но и сумел покорить европейцев и открыть им удивительный мир русской литературы. Первая причина в высочайшей образованности писателя, в его блестящем знании русской литературы и литературы других стран. Много лет общаясь с Тургеневым, западные писатели высоко оценивали его, с уважением относясь к нему как к выдающейся личности, талантливому писателю, блистательному собеседнику. Тургенев открыл французам, а потом и представителям других культур неведомый им прежде русский мир. Французский писатель Ги де Мопассан оставил воспоминания, в которых писал о Тургеневе:

*«Не было души более открытой,
более тонкой и более проникновенной,
не было таланта более пленительного,
не было сердца более честного и благородного»
Ги де Мопассан.*

Он же указал на следующую причину значимости и популярности И.С. Тургенева в других странах. *«Он проводил нечто вроде сравнения между всеми литературами всех народов мира, которые он основательно знал, расширяя таким образом поле своих наблюдений и составляя две книги, появившиеся на двух концах земного шара и написанные на разных языках»* [8, с. 269]. Блестящая образованность, владение писателем образным, красочным литературным и народным языком сделали произведения И.С. Тургенева уникальными, а глубокое знание психологии людей и исторических процессов, проходивших в мире, уважение к другим культурам, признание их достоинств, при этом оставаясь русским писателем, позволили И.С. Тургеневу стать проводником русской культуры на Запад. На интересную особенность творчества Тургенева указывал проф. М.П. Алексеев, он писал *«Будучи переселенными на французскую, английскую, немецкую, испанскую, итальянскую почву, герои Тургенева не оставались там экзотическими растениями. Читатели всего мира узнавали и узнают в них родственные черты»* [1, с. 268]. И. С. Тургенев проник в глубины человеческой психологии и создал обобщенные черты героев своего времени. Он поднимал в своих произведениях важные общественные, нравственные, философские темы, которые волновали людей разных стран: о жизни и смерти, о правде и лжи, о любви, о молодости и старости, о драме «маленького человека», о нигилизме. В 1878 году И.С. Тургенев во Франции был председателем (вместе с В. Гюго) на Международном Конгрессе литераторов и выступал с речью о свершившемся наконец признании русской литературы в Европе. Участники Конгресса единодушно отметили выдающуюся роль Тургенева в этом процессе. В 1879 г. Тургеневу, первому из европейских литераторов, было присвоено почетное звание доктора гражданского права Оксфордского университета. Джеймс Брайс, королевский профессор гражданского права, представивший Тургенева ректору Оксфордского университета, в своей речи сказал о том, что *«Тургенев не уступает никому из выдающихся писателей нашего века»* [4, с. 243].

Ученые Болгарии писали: *«Тургенев глубоко и прочно был связан с болгарской культурой. В его творчестве нашли выражение политические и социальные коллизии Болгарии, что обуславливало его особое место в сознании болгар. Насчитывается*

большое количество переводов произведений И.С. Тургенева на болгарский язык. Его рассказы, повести романы, «Стихотворения в прозе» пользовались большой популярностью у читателей Болгарии. Отмечается, что «культурные слои болгарского общества видели в них источник реалистических эстетических концепций, необходимых для создающейся в Болгарии литературы». «Особенно интересуют нас его эстетические концепции, его нежный лиризм и тонкая душевная организация его героев», – писал В. Велчев. Одна из статей болгарских ученых заканчивалась словами: «Произведения И.С. Тургенева вошли глубоко в сознание болгарского народа, а его имя в историю болгарской культуры. Причина тому - общечеловеческая проблематика и универсальные творческие измерения писателя» [2, с. 97-107].

Интересно мнение известного американского писателя Генри Джеймса (1843-1916 гг.) Он был теоретиком американского романа, автором рассказов и путевых очерков, критиком и мемуаристом. У Джеймса было несколько статей, посвященных Тургеневу. В статье – рецензии на книгу повестей Тургенева «Вешние воды» и «Степной король Лир» Г. Джеймс писал, что Тургенев «велик не обилием написанного, а мастерством. Если по манере он реалист – исследователь, то по натуре – серьезный наблюдатель, в силу этого своего качества охватывает великий спектакль человеческой жизни шире, беспристрастнее, яснее и разумнее, чем любой другой известный нам писатель. Цель у него всегда одна – найти эпизод, персонажа, ситуацию, нравственно значимых. Он всегда пишет о человеческой душе, и в эту душу он старается заглянуть как можно глубже, хотя нередко смотрит через затемненное стекло. Он привержен прошлому и никак не может понять, куда движется новое. Американскому читателю подобное душевное состояние особенно понятно» [3, с. 17-20].

Тургенев, прекрасно владея несколькими языками, свободно говорил и писал на них, но свои художественные произведения писал на русском языке. К этому еще в детстве приучил своих сыновей отец. Тургенев навсегда запомнил письма отца, в которых были наставления детям: «Вы все мне пишете по-французски или по-немецки, а что пренебрегаете наш природный? Если в оном вы очень слабы, то меня это очень удивляет. Пора! Пора уметь не только на словах, но и на письме объясняться по-русски. Это необходимо!» [6, с. 224]. Наставления отца И.С. Тургенев запомнил на всю жизнь. Он активно пропагандировал за рубежом русскую классику, особенно творчество А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского. Много лет живя вдали от России, любя и зная европейскую культуру, И.С. Тургенев оставил миру слова, которые были подсказаны ему жизненным опытом и сердцем: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса» [9, с. 226].

Вопросы, связанные с сохранением русского языка и русской культуры, сегодня волнуют общественность, профессионалов-филологов и руководство страны. 25 марта 2026 года на совещании у Президента РФ В. В. Путина с Советом по культуре проходила дискуссия, во время которой каждый из участников представлял Президенту свои идеи и рассказывал о вопросах, которые их волнуют. Об опасных тенденциях отстранения литературы от молодежи под видом того, что «раньше были Толстой и Чехов, а сейчас их нет, делаются попытки лишить читателей интереса к

русской литературе, истории и культуре», – говорил писатель Захар Прилепин в интервью журналисту Даниилу Тарабукину 1 апреля 2026 г. [11]

В настоящее время к числу подвижников русской культуры, без сомнения, относится художественный руководитель Московского театра «Современник», народный артист РФ Владимир Машков. В своих публичных выступлениях он постоянно говорит «о магии печатного слова». 15 апреля 2026 г., готовясь отметить 70-летие театра «Современник», коллектив театра совместно с Российской Государственной библиотекой подготовил проект «Текст.Роль.Жизнь.»

В беседе с журналисткой Ольгой Шаблинской 10.04.2026г. В. Машков рассказал о своем видении «магии печатного слова». Каждая мысль, высказанная актером, заслуживает отдельного рассмотрения. Мы приводим лишь некоторые его высказывания, важные для темы «Роль подвижничества в деле сохранения русского языка и русской культуры». «Магия художественного текста» вошла в сознание Владимира в детстве, когда мама дала ему прочесть книгу в 1200 страниц – эссе Мишеля Монтеня. 12-летний мальчик мало что понял, прочитав ее, но книга навсегда вошла в его душу, покорила его вначале красотой художественного слова, а потом, на протяжении жизни уже взрослого человека заставляет вновь и вновь обращаться к ней, по-новому открывая глубину текста. Это был 1-й урок приобщения ребенка к серьезным книгам. А потом началось настоящее волшебство: знакомство молодого студента 1 курса Школы-студии МХАТ Владимира Машкова с загадочным текстом романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Роман вызвал в душе юного читателя множество аллюзий, ассоциаций, загадочных образов, картин. Как сказал В.Машков, «булгаковский роман вошел и в меня, и в мир вокруг, вызвал огромное впечатление.» Впечатление от знакомства с книгами у будущего актера и режиссера было настолько велико, что заставило его высказать важную мысль: «Для театра «Современник», для Союза театральных деятелей связь с книгой абсолютно необходима: театр невозможен без литературы». Ему оказались близки слова В. Шекспира: «Юность легка и энергична. Но она быстро проходит. И если юный человек не читал, он много пропустил. А, может быть, и всё».

Творчество Ф.М. Достоевского навсегда покорило В. Машкова. Его потрясла особая динамика образов писателя. Он сказал о Ф.М. Достоевском: «Человек, который может разорвать душу». Не удивительно, что в фильме «Идиот» по Достоевскому (режиссер В.Л. Бортко) В. Машков «на разрыв души» сыграл роль Рогожина. Актер, режиссер, общественный деятель Владимир Машков – подвижник, которого волнует судьба русской культуры, литературы и театра. Понятно обращение В. Машкова к президенту В.В. Путину с очень волнующим его вопросом, о постановке на сценах страны произведений русской классической литературы. В.М. Машков рассказал о том, что родственники некоторых писателей, уехав за рубеж, не дают права на постановку спектаклей по произведениям М.А. Булгакова и А.П. Чехова [10]. В. Машков прав. Это действительно серьезная проблема. Помимо того, что люди, любящие творчество этих писателей, лишаются возможности видеть спектакли по их произведениям, это, как и многие другие препятствия, чинимые иногда по недомыслию, а иногда намеренно, могут отдалить молодое поколение от русской классической литературы.

Рассмотрев вопрос о сложной ситуации, влияющей на современное состояние русского языка и русской литературы, мы пришли к выводу о том, что помимо других

мер по сохранению отечественной литературы и русского языка и их сближению с культурой других стран, необходима более активная позиция педагогической общественности. В аудиторию к детям и юношам должны входить опытные преподаватели-наставники, любящие и знающие русскую культуру, и бережно воспитывать поколение молодых людей, способных, следуя лучшим традициям писателей XIX – XXI веков, стать поколением подвижников отечественной культуры, способных сохранять русский язык и русскую литературу. Необходимо научить молодёжь любить культуру, красоту и значимость русского слова. Писатель А.С. Шишков утверждал: «Нам надлежит отыскать, собрать, представить в совокупности разные, рассеянные в летописях и в других старинных повествованиях верные свидетельства того, что предки наши были не дикие, что они имели законы, нравственность, ум, рассудок и добродетели».

Список литературы

1. Алексеев М.П. Русская литература и ее мировое значение. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение. 1989-1993. 547 с.
2. Владова И.И. И.С. Тургенев / Переводная рецензия на европейские языки в Болгарии, в 8 томах. Том 2. Русская литература. 2001.
3. Джеймс Г. Иван Тургенев // Роман-журнал XXI век. – 2002. №5(41). – С. 17-20.
4. Карантеева И.Л. Иван Сергеевич Тургенев в диалоге русской и французской культур // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. – №1. – С. 238 – 247.
5. Котовчихина Н.Д. Мировое значение русской литературы // Мир образования – образование в мире. 2014. № 1 (53). С. 113-116.
6. Литературная мысль. Пг-Л. 1922-1925. – Т. II. С. 224.
7. Лихачев Д.С. Культура как ценностная среда / Д.С. Лихачев. Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М.: Российский фонд культуры. – 2006.
8. Тургенев в воспоминаниях современников / Составитель, вступ. ст. и коммент. В.Г. Фридлянд. – М.: Правда. – 1998. – 327 с.
9. Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда. – 1987. 126 с.
10. Нефедова А. Сцена вопроса: Путин поддержал расширение программы «Пушкинская карта» / Известия: электрон. версия. 26.03.2026. URL: <https://iz.ru/2066402/alena-nefedova/stcena-voprosa-putin-podderzhal-rasshirenie-programmy-pushkinskaia-karta?ysclid=mnn318udrq870286088> (дата обращения 26.04.2026)
11. Тарабукин Д. Интервью с Захаром Прилепиным / Аргументы и Факты: электрон. версия, 01.05.2025. URL: <https://aif.ru/culture/person/-lobbi-ostalos-prilepin-liberaly-v-kulture-zametayut-temu-svo-prod-kover?ysclid=mnn4k2ywxn181719821> (дата обращения 26.04.2026)
12. Шаблинская О. Разговор с Владимиром Машковым на тему: «Люблю гадать на книгах» / Шаблинская О. / Аргументы и факты, 10.04.2026. №14.

Сведения об авторе

Котовчихина Наталия Дмитриевна — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики непрерывного казачьего образования, директор Международного научно-методического центра по изучению литературного наследия М.А. Шолохова, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: n.kotovchihina@mgutm.ru

Information about the author

Kotovchikhina Natalia Dmitrievna – Professor, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory and Practice of Continuous Cossack Education Department, Director of the International Scientific and Methodological Center for the Study of the Literary Heritage of M.A. Sholokhov, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: n.kotovchihina@mgutm.ru

АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЭКЗОТИЗМОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «КАЗАКИ»

Аннотация. В статье анализируются особенности передачи экзотизмов при переводе художественного текста с русского языка на английский язык. Материалом для исследования послужила повесть Л.Н. Толстого «Казачья» и ее перевод на английский язык, выполненный Луизой и Эйлмером Мод (Louise and Aylmer Maude). Рассматриваются основные стратегии перевода экзотизмов, классифицируются типы культурно-маркированных единиц и выявляются закономерности применения переводческих приемов. Научная новизна исследования заключается в системном анализе способов передачи этнографических, бытовых и социальных реалий в переводе произведения, занимающего ключевое место в творчестве Л.Н. Толстого, а практическая значимость в возможности использовать его результаты в курсах переводоведения, лингвострановедения и этнолингвистики.

Ключевые слова: экзотизмы, культурно-маркированные единицы, переводоведение, переводческие стратегии, форенизация, безэквивалентная лексика.

Alieva P. Sh.

ASPECTS OF TRANSLATING REALIA FROM RUSSIAN INTO ENGLISH IN LEO TOLSTOY'S NOVEL THE COSSACKS

Abstract. This article examines the peculiarities of translating exotic vocabulary when rendering a literary text from Russian into English. The research material is based on L.N. Tolstoy's novella "The Cossacks" and its English translation by Louise and Aylmer Maude. The paper analyzes the main translation strategies for exoticisms, classifies types of culturally marked units, and identifies patterns in the application of translation techniques. The scientific novelty of the research lies in the systematic analysis of methods for conveying ethnographic, everyday, and social realities in the translation of a work that holds a key place in Tolstoy's oeuvre. The practical significance of the work is determined by the possibility of using its results in courses on linguo-country studies, translation studies, and ethnolinguistics.

Keywords: exoticisms, culturally marked units, translation studies, translation strategies, foreignization, non-equivalent vocabulary.

Введение

Вопросы перевода культурно-специфической лексики привлекают внимание исследователей в силу своей сложности и многоаспектности. Художественный перевод, как акт межкультурной коммуникации, требует от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания реалий чужой культуры, умения передавать национальный колорит подлинника средствами иного языка.

Особое место в ряду безэквивалентной лексики занимают экзотизмы. Г.Л. Зеленин понимал экзотизмы как иноязычные слова, обозначающие реалии, чуждые носителям языка-реципиента и употребляемые для создания местного колорита [5]. Согласно определению О.С. Ахмановой, экзотизмы – это «слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских, и употребляемые для придания речи особого колорита». От собственно заимствований экзотизмы отличаются степенью освоенности языком: они воспринимаются как «чужие» и сохраняют связь с породившей их культурой [1].

Теоретической базой исследования послужили научные труды в области переводоведения и лингвострановедения О.С. Ахмановой, Л.С. Бархударова, В.С. Виноградова, С.И. Влахова, С.П. Флорина, В.Н. Комиссарова, А.Е. Супруна, Г.Д. Томашина, А.В. Федорова, А.Д. Швейцера и других ученых. Кроме того, в статье представлена классификация реалий и способов их перевода, предложенная С.И. Влаховым и С. Флориным в монографии «Непереводимое в переводе» [4], а также работы Г.Д. Томашина, посвященные лингвострановедческому анализу лексики [8].

Объектом исследования выступают экзотизмы в повести Л.Н. Толстого «Казачьи» и их передача в английском переводе, выполненном Луизой и Эйлмером Мод [6]. Выбор материала обусловлен высокой концентрацией культурно-маркированной лексики в повести, действие которой разворачивается на Кавказе, и она насыщена этнографическими, бытовыми и социальными реалиями казачьей и горской культуры.

Цель работы — выявить особенности перевода экзотизмов с русского языка на английский язык и установить закономерности применения различных переводческих стратегий при передаче культурно-специфической лексики.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе способов передачи экзотизмов в переводе повести «Казачьи» и в попытке выявить закономерности применения переводческих приемов при передаче различных реалий.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее основных положений и выводов в практике вузовского преподавания при чтении курсов лингвострановедение, переводоведение, этнолингвистика.

В ходе исследования применялись метод определения и выборки (для выявления экзотизмов в тексте повести), сопоставительный анализ (для сравнения оригинала с переводом) и описательно-аналитический метод (для классификации приемов передачи культурно-маркированной лексики).

Результаты исследования

В современном переводоведении и лингвистике не существует единого подхода к определению экзотизмов и их месту в ряду других иноязычных единиц. Экзотизмы тесно связаны с понятием «реалии», которое активно разрабатывалось в трудах отечественных исследователей.

Л.С. Бархударов относит реалии к безэквивалентной лексике, то есть к словам, для которых в языке перевода нет полных или частичных соответствий [2]. В.С. Виноградов определяет реалии как «специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия» [3].

Наиболее детальная классификация реалий предложена С.И. Влаховым и С. Флориным. Исследователи разграничивают реалии как объекты лингвистического и страноведческого анализа и предлагают разделять их на три группы:

- 1) географические – названия природных объектов, климатических явлений;
- 2) этнографические – предметы быта, одежда, пища, обычаи, обряды;
- 3) общественно-политические – административное устройство, военные термины, обращения [4].

В.Н. Комиссаров в своем учебнике по теории перевода рассматривает передачу безэквивалентной лексики как одну из ключевых проблем переводческой практики и

анализирует основные приемы, используемые при переводе таких единиц [7]. Г.Д. Томахин, разрабатывая лингвострановедческий подход к изучению лексики, подчеркивал, что реалии, или в нашем случае экзотизмы, являются носителями фоновых знаний и требуют особого внимания при межкультурной коммуникации [8].

Анализ теоретической литературы позволяет выделить следующие основные приемы перевода экзотизмов, которые будут использованы в настоящем исследовании:

– *транскрипция и транслитерация* – передача звуковой или графической формы слова средствами языка перевода – прием позволяет сохранить национальный колорит, но может затруднять понимание;

– *калькирование* – поморфемный перевод слова, создание нового словосочетания по модели исходной единицы;

– *приблизительный (функциональный) аналог* – подбор в языке перевода слова, выполняющего сходную функцию или вызывающего аналогичные ассоциации;

– *описательный перевод* – раскрытие значения экзотизма через развернутое пояснения.

– *контекстуальная замена или опущение* – отказ от передачи экзотизма в случаях, когда его значение не является ключевым для понимания текста.

Как отмечает Е.В. Белякова, выбор конкретного способа перевода зависит от ряда факторов: типа реалии, ее роли в тексте, степени известности носителям языка перевода, а также от общей переводческой стратегии (ориентация на «одомашнивание» или на сохранение чужеродности текста) [3].

Анализ перевода экзотизмов в повести Л.Н. Толстого «Казачьи»

Повесть «Казачьи» занимает особое место в творчестве Л.Н. Толстого. Созданная на основе кавказских впечатлений писателя, она воссоздает уникальный мир гребенских казаков с их укладом, обычаями, одеждой, жилищем. Текст повести насыщен экзотизмами, передающими особенности казачьей и горской культуры. Луиза и Эйлер Мод выполнили перевод, признанный одним из авторитетных англоязычных переводов произведений Л.Н. Толстого [6]. Рассмотрим основные группы экзотизмов, представленных в тексте, и проанализируем способы их передачи на английский язык.

Этнографические реалии (одежда, предметы быта). Обширную группу экзотизмов в повести Л.Н. Толстого «Казачьи» составляют названия предметов одежды и быта казаков. Рассмотрим фрагмент повести: «...в новом красном бешмете, обшитом галунами, и с балалайкой из травянки...». Перевод: «...wearing a new beshmet trimmed with gold braid; and he brought with him a balalayka which he had obtained beyond the river...». Во фрагменте представлены три экзотизма: *бешмет*, *балалайка* и *травянка*. *Бешмет* – верхняя распашная одежда казаков и горцев, поддевка под черкеску. Переводчики используют транскрипцию (*beshmet*), сохраняя звуковой облик слова. Отсутствие прямого эквивалента в английском языке делает этот прием наиболее оправданным, позволяя передать национальный колорит. Добавление уточняющего контекста (*trimmed with gold braid*) помогает читателю представить внешний вид предмета. *Балалайка* – русский народный инструмент, уже известный в англоязычном мире. Транскрипция (*balalayka*) здесь уместна и не требует пояснений. *Травянка* – узколокальная реалья, обозначающая, вероятно, местную породу дерева или тыкву-горлянку, из корой изготавливают музыкальные инструменты. Это слово не имеет даже приблизительного аналога в английском языке, и его значение не является ключевым

для понимания сцены. Переводчики опускают эту деталь, компенсируя ее глаголом *obtained beyond the river*, что передает общий смысл «редкости» или «необычности» инструмента, но нивелирует материальную специфику. В следующем примере экзотизмы обозначают продукты питания: «...кто чихиря кувшинчик, кто каймаку, кто мучицы...». Перевод: «...one a jug of chikhir, another some clotted cream, and a third a little flour» Чихирь – молодое кавказское вино. Слово передано с помощью транскрипции (*chikhir*), это погружает читателя в атмосферу кавказского быта, а нейтральное слово *jug* (кувшин) позволяет догадаться, что речь идет о напитке. Каймак – густые топленые сливки, традиционное блюдо тюркских и кавказских народов. Переводчики находят удачный функциональный аналог – *clotted cream* (очень густые сливки, традиционные в английской кухне, особенно Корнуолла и Девона). Способы приготовления продукта могут различаться, но консистенция и «статус» деревенского лакомства совпадают. Это пример удачной замены без искажения смысла и облегчающей восприятие текста.

Социальные и военные реалии. Повесть «Казачьи» писалась на фоне Кавказской войны, поэтому в ней много военных терминов и названий социальных групп. Например: «...Абреки рыскают в степи...» – «...Abreks canter about the plain...». Абрек – социально-историческая реалья, обозначающая у народов Северного Кавказа изгоя, ведущего войну с врагами, часто окруженного ореолом романтики и отчаянной храбрости. Для русского читателя XIX века это слово было понятно, для англоязычного – нет. Переводчики используют транскрипцию (*Abreks*), помещая слово в контекст, насыщенный другими реалиями кавказской жизни (аул, Терек, казаки), благодаря чему читатель интуитивно относит абреков к семантическому полю «враги/горцы». Однако глубина понятия (одинок-мстители, изгой, трагические фигуры) остается скрытой. В этом случае колорит перевешивает семантическую точность: читатель, ощущает опасность и чуждость, хотя точный социальный статус абреков для него скрыт.

Проведенный анализ применения переводческих стратегий Луизы и Эйлера Мод при передаче экзотизмов позволил выявить следующие закономерности.

1. *Приоритет сохранения национального колорита.* Ключевые социальные и этнографические реалии (*бешмет, чихирь, абреки*) передаются преимущественно с помощью транскрипции. Это соответствует стратегии форенизации — ориентации на сохранение «чужеродности» текста, погружение читателя в иную культурную среду.

2. *Контекстуальная поддержка транскрибированных единиц.* Почти все транскрибированные экзотизмы сопровождается нейтральным контекстом, помогающий догадаться о природе предмета/явления: *new beshmet trimmed with gold braid* (предмет одежды), *a jug of chikhir* (напиток), *abreks canter about the plain* (враги / всадники).

3. *Выборочная адаптация при наличии функционального аналога.* Когда в языке перевода есть функциональный аналог, не искажающий культурной специфики (*каймак – clotted cream*), переводчики используют его, облегчая восприятие текста.

4. *Опускание узлокальных деталей.* Второстепенные реалии, не влияющие на понимание общего смысла (*травянка*), могут опускаться, чтобы сохранить темп повествования и не перегружать текст избыточной экзотической лексикой.

Переводческую стратегию Л. и Э. Мод можно охарактеризовать как *умеренную форенизацию*: текст насыщается экзотизмами, создающими атмосферу кавказской жизни, но их введение дозируется и поддерживается контекстуальными подсказками, что позволяет сохранить баланс между аутентичностью и доступностью.

Заключение

Перевод экзотизмов в художественном тексте – сложная переводческая задача, требующая учета лингвистических и экстралингвистических факторов. Анализ перевода повести Л.Н. Толстого «Казачьи», выполненного Л. и Э. Мод, позволяет сделать следующие выводы:

1. В тексте повести представлены разные типы экзотизмов: этнографические (названия одежды, пищи, предметов быта), социальные и военные реалии, географические названия. Наиболее частотной является этнографическая группа.

2. Основными приемами перевода экзотизмов в рассматриваемом переводе выступают транскрипция (для ключевых культурно-маркированных единиц), функциональный аналог (при наличии соответствия в принимающей культуре) и опущение (для узколокальных деталей).

3. Выбор конкретного переводческого приема зависит от типа реалии, ее роли в тексте и наличия или отсутствия функционального аналога в языке перевода.

4. Общая стратегия перевода может быть охарактеризована как умеренная форенизация, позволяющая сохранить национальный колорит оригинала, не делая текст непроницаемым для англоязычного читателя.

Проблема перевода экзотизмов требует дальнейшего изучения, в частности, в сопоставительном аспекте (анализ разных переводов одного произведения) и в аспекте восприятия таких переводов иноязычными читателями. Результаты работы могут быть использованы в практике преподавания перевода и лингвострановедения, а также при подготовке комментариев к переводам русской классической литературы.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Белякова Е.В. Об особенностях перевода слов-реалий с английского языка на русский // Университет XXI века: научное измерение. — Тула: ТГПУ, 2025. — С. 45-49.
4. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. — М.: Международные отношения, 1980. — 340 с.
5. Зеленин Г.Л. Немецкая экзотическая лексика в русском языке XIX века (на материале литературных текстов и словарей): дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01/ Зеленин Г. Л. - М., 1991. - 296 с.
6. «Казачьи» на английском языке с переводом. Электронный ресурс: <https://linguabooster.com/ru/en/book/cossacks#page-24> (дата обращения: 23.02.2026.)
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
8. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. — М.: Высшая школа, 1988. — 239 с.

Сведения об авторе

Алиева Патимат Шапиулаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, МГУТУ К.Г. Разумовского (ПКУ). Email: patima.alieva@yandex.ru

Information about the author

Aliyeva Patimat Shapiulayevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). Email: patima.alieva@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. Цивилизационное противостояние России с Западом имеет форму идеологического (ценностного) конфликта, за которым стоит информационное противостояние индивида (интеллекта) и личности (разума). Качество ценностей определяется качеством управления смыслами, а качество управления смыслами определяется либо интеллектом, либо разумом. Литература в данном контексте выступает инструментом идеологической войны. Наша литература, лично ориентированная, предлагает высокие технологии в сфере духовного производства человека. Однако названные технологии не имеют статуса технологий, они не запатентованы, они не востребованы сегодня. Между тем к этим технологиям уже проявляется интерес Запад. В этой связи выдвигается ряд предложений, направленных на развитие указанных технологий.

Ключевые слова: Русская цивилизация, идеологический конфликт, управление смыслами, лично-ориентированная литература, ценностный конфликт, национальная идентичность.

Andreev A.N.

LITERATURE AS A KEY FACTOR OF RUSSIAN CIVILIZATION

Abstract. The civilizational confrontation between Russia and the West takes the form of an ideological (value) conflict, which is based on the information confrontation between the individual (intelligence) and the personality (mind). The quality of values is determined by the quality of meaning management, and the quality of meaning management is determined by either intelligence or mind. In this context, literature serves as a tool for ideological warfare. Our literature, which is personally oriented, offers high-tech solutions for the spiritual production of individuals. However, these technologies do not have the status of technologies, they are not patented, and they are not in demand today. Meanwhile, the West is already showing interest in these technologies. In this regard, a number of proposals have been put forward aimed at developing these technologies.

Keywords: Russian civilization, ideological conflict, management of meanings, personality-oriented literature, value conflict, national identity.

Прямое противостояние с Западом

Давайте поговорим о нашей литературе в контексте прямого противостояния, чтобы не сказать, войны, с коллективным Западом.

Прежде всего: не миф ли это самое «прямое противостояние»?

В рассуждениях будем исходить из того, что это не миф, а самая настоящая реальность – неприглядная, тревожная, во многом неопределенная в своей определенности. Аргументы системно и достаточно подробно изложены здесь [1].

Итак, вкратце о противостоянии, характер которого мы определим как *цивилизационное* (или идеологическое). Началось оно не сегодня и не вчера; смеем предположить, что началось оно еще до Крещения Руси, до принятия Русью христианства в 988 году и, конечно, задолго до Великого разделения Церквей, до разделения христианства на Западную (католическую) и Восточную (православную) ветви в 1054 году. И, разумеется, на несколько эпох раньше появления Британской Империи как мировой сверхдержавы (в XVI веке).

Вместе с тем мы полагаем, что цивилизационное противостояние не может быть сведено к богословскому и, шире, религиозному. Гносеологическая база

противостояния – ценности и смыслы, которые по понятным причинам долгое время существовали в формате религиозном.

Ценность (максимально приближенная к идеальной значимость объекта для субъекта) в гуманитарном измерении не существует как некая константа, как нечто всеми одинаково понимаемое и воспринимаемое; ценность появляется и существует как результат управления информацией – и, следовательно, смыслами.

Есть информация, а есть управление информацией. Это важнейший пункт в формировании ценностной ориентации, без уяснения которого невозможно разобраться в природе противостояния.

Мы формируем ценностное ядро нашей цивилизации с помощью информационных возможностей *разума*.

Коллективный Запад формирует ценностное ядро своей цивилизации с помощью информационных возможностей *интеллекта*.

В результате имеем две «гуманистические навигационные системы», которыми сегодня располагает человечество: одна из них функционирует на базе интеллекта, другая – на базе разума. Потенциал «навигационных систем», как и стоящий за ними потенциал гуманизма, очевидно разный. Различия интеллекта и разума важны не сами по себе (зафиксировали – и живем себе дальше, как ни в чем небывало); они являются инструментами в трактовке возможностей человека. Интеллект и разум по-разному меняют реальность. По-разному видят цели и задачи человека.

В результате интеллект (силами своих гуманитарных дисциплин) трактует человека как *индивид*, живущий по принципу кто силен – тот и прав. «Закон джунглей» является основным правилом индивида: *не в правде Бог, а в силе*.

Разум трактует человека как *личность*, которая живет по принципу *не в силе Бог, а в правде* (то есть, в высших ценностях культуры: в истине, добре, красоте, справедливости, свободе, любви).

Прямое противостояние России с Западом в плане информационном имеет форму противостояния разума и интеллекта, за которыми стоит противостояние индивида и личности.

Интеллект VS разум: именно так выглядит сегодня война, принимающая формы технологического, идеологического, экономического, информационного, психологического противостояния.

В конечном счете *Интеллект VS разум* принимает высшую форму противостояния – идеологическую.

Что такое идеология?

Идеология – это *учение о вере в идеи* (истинные или ложные), которые, обращаясь к каждому персонально, способны объединить общество, становясь при этом силой, предназначенной для изменения реального мира.

Вера в идею превращает нематериальную теорию в материальную силу. Грубым аналогом может служить переход одного вида энергии в другой, например, кинетической энергии в потенциальную.

Иначе говоря, механизмом превращения идеальной субстанции в материальную силу является вера. Вера в добро, красоту, истину. Дружбу. Любовь. Справедливость. В Россию (у нас). В MAGA (у них). В формуле вместо America можно поставить Great Britain – и далее по списку.

Прямое противостояние России с коллективным Западом означает сегодня цивилизационное, следовательно, идеологическое – ценностное – противостояние. Вера в свою правоту также обладает ценностным измерением.

Литература как инструмент идеологической войны

Когда возникает «высокая болезнь» «горе от ума», которую русская классическая литература смело квалифицировала как особый тип личности?

Способность воспринимать объект, существующий как звено в связи со всеми другими звеньями целостно устроенного универсума (способность к *дедуктивному мышлению*), – это еще не горе, а особенность мировосприятия личности. В горе горькое эту способность превращает то, что все остальные (индивиды) воспринимают мир иначе: они не видят связи всего со всем. А личность видит. И личности приходится жить в мире, где считается нормальным не быть личностью.

Модель личности «горе от ума» – это информационная модель нашей цивилизации, которая сделала ставку на ум как основной инструмент формирования своих ценностей. Мы, к сожалению, понимаем мир и человека значительно глубже, чем располагаем возможностями их изменить.

Модель индивида «удовольствие от интеллекта» (от восприятия объекта, существующего как самостоятельная, отделенная часть целого, что не соответствует принципу устройства нашего мира) – это модель Западной цивилизации, которая сделала ставку на интеллект. Их цивилизация, к сожалению, понимает мир и человека в значительно более упрощенном варианте, чем они являются в действительности, и это не позволяет Западу попытаться изменить идеологию человека.

Мы умнее их – и в этом наша беда.

Они глупее нас – и в этом их и наша беда.

В качественном отношении (управление высшими культурными ценностями) мы их превосходим, в количественном (эффективность манипуляции смыслами, умение создавать *управляемый ценностный хаос*) мы им уступаем.

Мы всегда качеством выше, количеством пожиже.

Из века в век.

Возникает колоссальный идеологический зазор, который и является источником противостояния цивилизаций. Все остальное – следствия из этого главного, информационного по своей природе, пункта.

Войны цивилизаций, судя по всему, неизбежны: это не наш выбор, это наша реальность. Война – это способ жизнедеятельности интеллекта, нравится это нам или нет. Мы живем в эпоху, когда мира нет и не может быть. К сожалению. И здесь нет виноватых, если не считать виноватой информационную природу человека. [1] Но поскольку социум не может не искать виноватых (ибо принцип «прав – виноват» является базой морали), давным-давно изобретено неписаное, однако же свято соблюдающееся правило, определяющее отношения сторон: «у сильного всегда бессильный виноват». Sic.

Короче говоря, индивид как среда обитания личности – это не про вину, а про информационную ловушку, хотя личности, да и всем остальным, от этого не легче.

Какие формы неизбежных на сегодня войн наиболее актуальны?

Войны по степени важности для судеб цивилизации можно разделить на гибридные, информационные, идеологические.

Менее всего изучены войны идеологические – войны ценностные, войны за умы и души. К ним мы и обратимся.

Главное, что следует знать про войны идеологические: ценности и их качество определяют не веление и хотение (как хочется думать сильным-всесильным мира сего); качество ценностей определяет качество управления смыслами, а качество управления смыслами определяет либо интеллект (получите низкое качество), либо разум (получите высокое качество). Кто это когда-нибудь поймет, тот и победит. [2]

Ergo: идеологическая война – это война интеллекта против разума. *Интеллект VS разум*: ничего личного, никаких хотений, ничего субъективного.

Здесь я позволю себе нечто вроде иллюстрации сказанному – скажу несколько слов об английском детективном сериале «Endeavour» («Индевор»), 2012 – 2018. В нашем прокате сериал из девяти сезонов идет под названием «Молодой Морс». Он задуман и реализован как приквел к знаменитому сериалу «Инспектор Морс», созданному с 1987 по 2000 на британском телевидении.

«Endeavour». Сериал как сериал; на первый взгляд, ничего необычного. Добротный британский детектив (действие которого происходит в начале 1960-х), а именно: со своим фирменным стилем, где загадочные убийства (часто серийные) чрезвычайно запутанны и продуманны. Это всегда головоломка, игра ума, дедуктивные озарения.

Неизменный британский колорит, тщательно прописанный во всех деталях и на всех уровнях. Действие происходит в знаменитом университетском городке Окфорд (соответственно, зрителя бесконечно балуют впечатляющими видами, пейзажами, архитектурой). Костюмы, манера держаться, говорить, пить неизменный эль, виски, завтракать – атмосфера времени, нравов, пабов, вечеринок, светских раутов выдержаны до мелочей. Да, сэр; нет, сэр; безусловно, сэр.

Английский юмор, английская сдержанность, чувство собственного достоинства, английская дотошность и внимание к мельчайшим деталям (от частного к общему: метод индукции никто не отменял) – все, как вы любите и к чему вас давно приучили. Само собой – качественная игра актеров (этим сейчас никого не удивишь), привычная уже многоплановая структура сюжета (каждая новая серия – новая детективная история; вместе с тем, в проекте присутствует и развивается сквозной сюжет, объединяющий героев и сериал в некую сагу – семейно-психологическую, личностную). Все это в совокупности составляет образ старой доброй Англии, несколько чопорной, однако высокоморальной. Даже присутствие расистских черт в обыденной жизни (из песни, то есть из эпохи, слова не выкинешь) авторы сериала умело выворачивают в пользу приверженности британцев демократии и прогрессу.

Словом, *в рамках информационной войны* сериал продвигает тот миф, тот образ Англии, который делает ее лидером в культуре. Ровно по такой же технологии работает мегауспешный проект «Гарри Поттер». Но в сериале есть и нечто необычное. Детектив сержант Индевор Морс, ведущий самые сложные и тонкие дела, демонстрирует поистине уникальные, чтобы не сказать, гениальные, интеллектуальные (дедуктивные, как сказали бы во времена Шерлока Холмса) способности. Да и в остальном Морс уникален: получил добротное образование в Оксфорде, не чужд латыни и литературе, знает русский язык (что-то новенькое для «британки», не находите?), обожает оперу, постоянно (!) слушает пластинки с оперными записями Вагнера, поет в хоре.

Словом, интеллеktуал и эстет. Учившийся «понемногу чему-нибудь и как-нибудь». Необычное имя «Индевор» (Endeavour) у полицейского Морса в сериале означает в переводе с английского «стремление», «устремление», «старание» или «попытка». С одной стороны, оно дано в честь парусника «HM Bark Endeavour», на котором плавал первооткрыватель капитан Джеймс Кук, поклонником которого был отец Морса. (Кстати, именем «Endeavour», также в честь корабля Д. Кука, был назван первый американский пилотируемый многоразовый космический корабль, созданный в 1991 году.) Мать была из квакеров, дававших детям «имена по добродетелям». А с другой стороны, Индевор – имя, означающее особую добродетель. Устремление ввысь, *per aspera ad astra* (чрез тернии к звездам), стремление совершить невозможное, почти неосуществимое на Земле. Это так по-русски. Вдохнем и запомним это.

Полицейский Морс блестяще пользовался методом дедукции (привет Холмсу, само собой; но сначала бы привет началам диалектики, которой так блестяще пользовались русские «лишние», вы не находите?): он умел искусно идти от общего к частному или, иначе, частное воспринимать как момент общего. Но главная особенность личности (*sic!*) Индевоора Морса заключается вовсе не в умении пользоваться методом дедукции; главное в том, что он в соответствии с методом воспитал в себе волю к истине. А вот это уже исключительно по-русски.

Как такой умный человек, эстет и максималист, оказался в полиции?

Несмотря на свои способности, он не особенно удачлив в карьере; скорее, наоборот – он к этому и не стремится, чем явно выделяется среди коллег. Служить бы рад, прислуживаться тошно? Со временем мы понимаем: Морс (без пафоса и деклараций) подвижнически служит истине, добру и красоте. Любви. Дружбе. Да, он не без слабостей (что, скорее, красит его безупречный рыцарский образ, очеловечивает его – как, например, Онегина). Но истина и добро для него – абсолютный приоритет. И когда Индевор понимает, что мир устроен так, что он, молодой Морс, в нем нежизнеспособен со своими идеалами, он просто выпадает из жизни. Перестает жить в прежнем, личностном, формате. Он, типаж с байронической родословной, действительно устремлен к высшим ценностям культуры.

Никого не напоминает?

Совершенно верно: это тот самый «лишний человек», тип которого был блестяще открыт и разработан русской литературой. Только онегинский тип (без лишней русской приставки «онегинский») был скрытно (шпионаж и детектив – дело святое, исконно джентльменское: «британка гадит» – это формула, ключ к их сознанию) перенесен на почву современную, в современный культурный контекст.

«Endeavour» как блестящая операция в идеологической войне: как вам такое?

Если называть вещи своими именами, то следует сказать определенно. В идеологической, ценностной войне британцы начинают перехватывать у нас инициативу. Мы стесняемся своих онегинских и печориных, которые также страдали от горя от ума. Позорная мелодрама С. Андреасяна «Евгений Онегин» тому подтверждение. На очереди позорный кинокомикс «Война и мир». Если так и дальше пойдет, то скоро просвещенный мир станет ссылаться на «Endeavour» и ему подобную продукцию, а не на Пушкина или Л. Толстого.

Почему британцы перехватывают инициативу? В чем это проявляется?

Дело в том, что умный человек (наше открытие, на которое прилепили лэйбл «Endeavour») при всех симпатичных нюансах и тонкостях объявляется нежизнеспособным субъектом.

Мы делаем ставку на личность, а они личность романтизируют – и тут же дьявольским образом объявляют нежизнеспособной. Они обнуляют нашу культурную ставку. Играют далеко на опережение.

Но! Если из онегинского типа выйдет что-то путное, называться этот тип в мировом культурном сознании будет Endeavour. Так или иначе, все имиджевые бонусы будут у них. Кто не побоялся и не постеснялся вывести образ чудака, Индевора, современного донкихота как вечную точку отсчета в делах человеческих сегодня, когда над Онегиным принято смеяться (особенно в богоспасаемой России)? Кто задает тренды в культуре и торит дорогу в неизведанное?

Англичане, сэр. Безусловно, сэр.

Англия и дедукция – близнецы-сестры?

Персоноцентризм, наше открытие, наши *высокие технологии в сфере духовного производства человека*, которые мы даже не запатентовали, начинают явочным порядком уходить на Запад?

Именно так. На войне как на войне. Или мы пощады ждем?

Не все британцы индеворы. Не все англичане настолько русские, какими пытаются выглядеть.

Какая литература нам нужна?

У гуманитарного открытия *управлять смыслами с помощью ума, а не интеллекта*, есть свой культурный статус, а именно: если называть вещи своими именами, открыты *высокие технологии в сфере духовного производства человека*.

Эту высокую технологию открыла русская литература [4].

А теперь спросим себя: почему названные нами технологии не востребованы сегодня, почему они даже не имеют статуса технологий? Почему они бесхозны? Почему у Таблицы Менделеева есть автор, а у высоких технологий – нет? Почему они ничьи и как бы валяются под ногами (пока их не изволят прибрать к рукам англичане, например)?

Потому что во всех сферах социальной жизни тотально доминирует индивид, потому что личность не эффективна в современном типе социума.

Именно поэтому преобладает литература индивидоцентрическая, а не персоноцентрическая. Личность никому не интересна, и технологии, связанные с производством личности, тоже никому не интересны. До поры до времени (но это тоже сегодня никому не интересно, кроме англичан).

Мы вступили в эпоху великого культурного парадокса: известно, какую литературу считать образцовой, однако мы знаем также, что персоноцентрическая литература не может быть востребована в обществе, которое «заточено» под потребности индивида.

Литература, которая служит идеологической опорой нашей цивилизации, в нынешних условиях идеологического противостояния развиваться не имеет никаких шансов. Литература, идеологически нам крайне необходимая, не выгодна рынку и обществу, как лишнее колесо в телеге жизни.

Что толку спорить о том, совместима ли персонцентрическая литература с капиталистическим типом отношений, где законы рынка определяют ценность феноменов?

Сегодня важнее другое. Мы должны и рынок (экономический базис) развивать, чтобы сохранить свою цивилизацию, и поддерживать литературу, которая в рынок не вписывается, – чтобы сохранить свою цивилизацию.

Это задача для ума, не для интеллекта. Ни перед кем в мире такая задача не стоит, а перед нами стоит. Цивилизация, которая породила Пушкина, в ответе за ценности личности. Если не мы, то кто?

Вопрос «что делать?» не стоит, ибо ясно, что делать: развивать свою литературу.

В повестке дня вопрос «как это сделать?»

Недавно я написал отчаянное эссе «Хранилище судного дня, или Милосердие паче справедливости», пока что нигде не опубликованное (никому не интересно). В этой работе я сформулировал принципиальный подход к обозначенной проблеме.

В существующих условиях наша (читай – персонцентрическая) литература вряд ли поможет рынку, книжной индустрии; а вот индустрия может и должна помочь литературе. С помощью господдержки, если считать дело процветания цивилизации делом государственным.

Что предлагается?

1. Во-первых, я исхожу из того, что у нас почти нет персонцентрической литературы, почти исчезло литературное образование, культивирующее подход к литературе как инструменту формирования личности, и почти нет людей, осознающих сложность ситуации, в которой волею судеб, обстоятельств и собственных ошибок мы оказались.

2. Во-вторых, я исхожу из того, что это еще не повод ставить крест на нашей литературе (и, следовательно, цивилизации: надеюсь, связь литературы и цивилизации в нашем контексте очевидна). Я исхожу из того, что таких поводов в принципе не существует. Существуют воля к жизни, воля к победе и воля к истине.

Или – воля к смерти, мортидо, стремление к саморазрушению.

3. Очевидно, нужен асимметричный ответ, социокультурное ноу-хау, если угодно. От нас его не ждут, но дать его необходимо.

4. Надо создать оазис, очаг, кластер (объединение однородных элементов в ступок, монолит), где наши дела литературные должны решаться так, как они должны решаться у нас, – вопреки императивам рынка и индустрии, в логике культуры.

5. Что должен включать в себя кластер, реализующий проект «Личность и литература» (назовем его так)? Энтузиастов-патриотов цивилизации, университетскую программу, литературный журнал, устойчивое и гарантированное внимание общественности к проекту, госзаказ.

6. Проект «Личность и литература» не только и не столько про литературу; это одно из ответвлений идеологического проекта, в рамках которого необходимо прорабатывать информационно-идеологический *профиль личности*, совместимый с императивами нашей цивилизации.

7. Профиль личность необходимо масштабировать, быстро и неотвратно. Это забота государства-цивилизации.

8. Так победим. Вера нам в помощь.

Список литературы

1. Идеология как феномен культуры и цивилизационный ресурс России: Монография / А.Н. Андреев – М.: Снежный ком, 2023. – 300 с. – <https://mgutm.ru/2023/12/11/professor-kafedry-fsfgt-vypustil-monografiyu-ob-ideologii/> (дата обращения 26.04.2026)
2. Литература как способ управления смыслами. Книга критических статей о литературе / А.Н. Андреев. – М.: Литрес, Союз писателей России, 2025 – 491 с. – <https://www.litres.ru/book/anatoliy-andreev/literatura-kak-sposob-upravleniya-smyslami-kniga-kritiche-73061053/> (дата обращения 26.04.2026)

Сведения об авторе

Андреев Анатолий Николаевич – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: a.andreev@mgutm.ru

Information about the author

Andreyev Anatoly Nikolayevich – Professor, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Pedagogy and Psychology of Vocational Education Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: a.andreev@mgutm.ru

Бакурадзе А.Б.

РАССМОТРЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ПРАВОСЛАВИЯ КАК ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА В УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОМ ПОСОБИИ «ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА РОССИИ»

Аннотация. В статье обосновывается необходимость включения в учебно-методическое пособие «История казачества России» материалов о православии как духовной основе российского казачества. Автор показывает место данных материалов как в разделах пособия, посвященных культуре казаков, так и в других разделах данного пособия. В публикации делается вывод, что одной из ключевых идей учебно-методического пособия «История казачества России» является идея определяющего влияния православной веры на мировоззрение казаков, что проявлялось как в их ценностно-смысловой сфере, так и в повседневной деятельности.

Ключевые слова: российское казачество, православие, культура российского казачества, Бог, Русская Православная Церковь, вера, духовная основа, учебно-методическое пособие «История казачества России».

Bakuradze A.B.

CONSIDERATION OF THE ISSUES OF ORTHODOXY AS THE BASIS OF THE CULTURE OF THE RUSSIAN COSSACKS IN THE TEXTBOOK "HISTORY OF THE COSSACKS OF RUSSIA"

Abstract. The article substantiates the need to include materials on Orthodoxy as the spiritual basis of the Russian Cossacks in the textbook "History of the Cossacks of Russia". The author shows the place of these materials both in the sections of the manual devoted to the culture of the Cossacks, and in other sections of this manual. The publication concludes that one of the key ideas of the textbook "The History of the Cossacks of Russia" is the idea of the determining influence of the Orthodox faith on the worldview of the Cossacks, which manifested itself both in their value-semantic sphere and in their daily activities.

Keywords: Cossack, Orthodoxy, culture of the Russian Cossacks, God, Russian Orthodox Church, faith, spiritual foundation, educational and methodical manual "History of the Cossacks of Russia".

Бытие казачьих сообществ с момента их возникновения определялось основным видом деятельности казаков – воинской деятельностью. Поэтому культура казачества в своем генезисе имеет воинскую доминанту, что находит свое выражение как в высших духовных ценностях, так и бытовых традициях казаков [2, с. 63].

Известно, что казачество не является единственным в истории институтом мужских военных сообществ в мире. Такие институты существовали у различных народов и в различных государствах. Причем, также как все они, казачество испытывало не только периоды подъема, но и периоды спада. К последним следует отнести эпоху правления Петра Великого, когда вольное российское казачество превратилось в сословие Российской империи, и советский период, когда казачество стало частью советского народа, потеряв свою правовую субъектность. Однако только казаки сумели создать, сохранить и развить уникальную культуру, которая нашла свое проявление как в военном деле, так и в искусстве, педагогике, семейно-бытовых отношениях и других аспектах человеческой жизнедеятельности. Что определило такую живучесть культуры российского казачества?

Ответ на этот вопрос невозможно получить, опираясь исключительно на материалистические позиции, поскольку в приведенных выше периодах истории казачества России основа его бытия подверглась коренным изменениям. И если в эпоху Петра Великого и его преемников – российских императоров и императриц восемнадцатого века эти изменения не были критичными для казачества как социальной общности, так как казаки выполняли значимые государственные функции и выступали в качестве самостоятельных субъектов экономической деятельности, то в период СССР казачество не имело места в структуре советского общества, как и не было у него специальных государственных функций, которые бы выполняли преимущественно казаки. В советское время логика материализма неизбежно должна была бы привести казачество как социальную общность к ликвидации, ибо, руководствуясь материалистическим постулатом, если нет базиса, то нет и надстройки. Но мы видим иную картину – возрождение казачества, начавшееся еще в период позднего Советского Союза.

Данное обстоятельство со всей очевидностью обращает внимание казачеведов и всех интересующихся феноменом российского казачества на духовные основы мировоззрения казаков, базисом которых выступает православие. Оно определяло как общественное, так и индивидуальное сознание казаков, что формировало духовный стержень казачества и характеризовало его культуру как православную. В проведенном нами исследовании ценностей казачества, отмечалось, что этот духовный стержень был столь прочен, что не разрушился в период Советской власти. Он определенным образом видоизменился, сменив логику с идеологемы «вера – идея» на идеологему «идея – вера», что стало результатом разрешения противоречия между патриархальными ценностями казачества и ценностью социальной справедливости, которую отстаивала Советская власть и которая всегда была ментально близка казакам. К концу 1930-х годов казаки, в большинстве своём, приняли эту ценность как ведущую в структуре идеологемы «идея – вера». [3, с. 74]

При рассмотрении культуры казачества в учебно-методическом пособии «История казачества России» наряду с изучением влияния на нее бытия казаков как воинов, достаточно подробно представлены православные аспекты казачьей культуры.

Этому способствовало включение в авторский коллектив учебно-методического пособия «История казачества России» иерея Тимофея Чайкина, ответственного секретаря Синодального комитета по взаимодействию с казачеством РПЦ.

Приобщение к православию имело решающее значение для формирования целостного характера культуры казачества и определило ход развития его уникальных черт. Они воплощались в жизненном укладе казаков, их воинском патриотическом служении, традициях семейного воспитания, строительстве храмов, создании многочисленных монастырей, почитании икон, подвигах святых из казачьих родов. Казаку-воину были близки нравственные основы православной веры с её принципами справедливости, благочестия, соборности. Православие не противоречило и исконным понятиям вольного казачества, к числу которых относились свободолюбие, стремление к независимости, мужество и взаимовыручка казачьего братства [4, с. 121].

Очевидно, что вера и церковь играли существенную роль в сплочении казаков перед лицом разнообразных угроз и боевых задач, которые в различные эпохи приходилось решать российскому казачеству. Нельзя не согласиться поэтому с председателем Синодального комитета Русской Православной Церкви по взаимодействию с казачеством митрополитом Ставропольским и Невинномысским Кириллом, который утверждает, что: «Длительное пребывание казаков в военных походах делало неотъемлемой частью их духовной и воинской культуры постоянные просьбы к Богу, Царице Небесной и святым о милости и заступничестве» [4, с. 122].

При этом в учебно-методическом пособии, методологической основой которого выступает диалектический подход, отмечается, что бытие казаков, определяемое воинским служением, обусловило специфику исповедания казачеством православия, которая предопределила синтез православных ценностей и почитание воинских традиций. Отсюда признания казаков себя «воинством Христовым», «воинством Пресвятой Богородицы», почитание как святых икон, так и передаваемого из поколения в поколение личного оружия.

Несмотря на то, что с конца 1990-х годов в основные общеобразовательные программы по ряду школьных предметов вошли темы, посвященные православию, появился учебный предмет «Основы религиозной культуры и светской этики» с образовательным модулем «Православие», во многих школах православные священники достаточно активно участвуют во внеурочной деятельности, знания о православии подавляющего большинства поступающих в вузы абитуриентов являются фрагментарными и в основном ограничиваются сведениями об отдельных православных обрядах и праздниках. Это обстоятельство не способствует решению задач формирования традиционных ценностей российского общества [1].

Параграф о культуре доимперского периода развития российского казачества учебно-методического пособия «История казачества России» в значительной степени посвящен рассмотрению православия как духовного стержня казаков и различных его проявлений в казачьей культуре. Это необходимо для осознания обучающимися роли православия в жизни казака и казачки, помогая систематизировать, как правило, бессистемные знания студентов о православии и православной культуре.

Рассматривая культуру воинской деятельности казаков, в пособии подчеркивается, что успех или поражение в бою они напрямую связывали с праведной или грешной жизнью. Поэтому проводы казаков в поход должны были сопровождаться

общим напутственным молебном Святителю Николаю Чудотворцу, который покровительствует всем, кто отправляется в дорогу. Они заблаговременно освящали свое оружие, доспехи и снаряжение, молили Господа помочь им в сражении и даровать победу. Существовала традиция, согласно которой каждый казак брал с собой в поход небольшую икону или молитвенник, а на груди рядом с крестом носил образ Божией Матери-Заступницы. Перед битвой казаки обязаны были молиться, значительная их часть продолжала поститься, хотя в боевых условиях посты соблюдать необязательно.

Казак исходил из того, что обладание «казачьей волей» обязывает его быть воином, отстаивающим «вольную жизнь». Такая жизнь является результатом не только его личных усилий и усилий его товарищей, оно получена казачеством по «воле» Бога. А это означало, что казак не просто воин, а «воин Христа», обязанный защищать не только и не столько свою личную «волю», сколько веру православную. Веря, что душа человека бессмертна, казаки не сомневались – душа воина, убитого за правое дело, за веру Христову, за слабых и обиженных (а именно за них принес свою искупительную жертву Христос), непременно попадает в рай. Понимание своей особой роли – защиты православной веры и Родины, делала казака неустрашимым в сражениях. Вера в то, что Бог всегда с ними, оберегая каждого казака, никогда не оставляла казачество, определяя его образ жизни как «Христова воинства».

Для понимания мировоззрения казаков доимперского и имперского периодов истории казачества важно учитывать, что казаки, не обладая современными знаниями, объясняли многое происходившее с ними и вокруг них исключительно Божьей волей, заступничеством Богородицы, поддержкой святых. Многим атаманам приписывались сверхъестественные особенности, которыми их наделил Бог. К примеру, по казачьему преданию он наделил атамана Михаила Черкашенина способностью заговаривать ядра так, чтобы они не наносили никакого урона оборонявшимся.

Религиозность казачества, имевшая причиной особенности его бытия как военизированной общности, особенно проявлялась в тот момент, когда казак находился на грани смерти, например, во время боя. Очень часто в это время он приносил обеты, связанные с обязательством в случае удачного исхода сделать что-то особо угодное Богу, Богородице и святым: построить церковь в честь своего святого заступника, возвести поклонный крест, регулярно молиться тому или иному святому. Такая религиозность, передаваемая из поколения в поколение, закреплялась и в общественном сознании казачества, и в индивидуальном сознании того или иного казака. «Если моему прадеду (деду, отцу) помогал определенный святой, то и меня он будет поддерживать и наставлять», – такой логикой часто руководствовались казаки.

Перечисленные факты и их интерпретация приводятся в первом из разделов параграфа, посвященного культуре российского казачества доимперского периода, озаглавленном «Православие как духовный стержень культуры казачества». Затем в пособии рассматриваются православные праздники как элементы культуры казаков, поскольку с первых лет существования казачества жизнедеятельность казачьих сообществ во многом определялся их годовым циклом.

Приступая к написанию пособия, его редакционная коллегия провела микроисследование среди студентов первокурсников очной формы обучения МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), которым предлагалось в свободной форме подготовить небольшой текст о том, что они знают о православных праздниках и перечислить

наиболее важные из них. Всего в исследовании приняли участие 254 студента всех факультетов университета. Анализ его результатов показал, что лишь 8 респондентов (3,2% опрошенных) в той или иной мере описали иерархию православных праздников. Большинство (184 студента или 72,4% опрошенных) ограничились перечислением наиболее известных праздников (Пасха, Рождество Христово, Троица) с кратким упоминанием об их смысле и совершаемых в дни этих праздников обрядах. Почти 20% опрошенных (50 студентов) просто перечислили от 1 до 4 православных праздников, а 12 студентов (4,4% опрошенных) не смогли написать ничего.

Практически все участники микроисследования высказали желание освоить знания о православии, включая студентов, относящих себя к иным конфессиям (ислам, буддизм, иудаизм). Полученные результаты побудили редакционную коллегию учебно-методического пособия «История казачества России» включить в его структуру разделы «Православные праздники в культуре казачества», «Небесные покровители казачества, святые из казачьих родов, казачьи монастыри и наиболее почитаемые казаками иконы доимперского и имперского периодов истории казачества». Эти разделы подводят обучающихся, использующих пособие, к выводу об укорененности православного мировосприятия в общественном сознании казачества, о чем свидетельствуют многочисленные внешние признаки, к числу которых с полным правом можно отнести активное строительство и обустройство казаками православных храмов и монастырей; следование казаков и казачек православным нормам в повседневной жизни, проявлявшееся в соблюдении постов, праздновании православных праздников, почитании православных святых и чудотворных икон [6].

Тема православия является одной из сквозных в учебно-методическом пособии «История казачества России». Так, рассматривая последствия освоения казаками Сибири и Дальнего Востока, авторы пособия подчеркивают, что казачество несло с собой не только культуру ведения хозяйства и новые знания, но и православные идеалы, составлявшие основу их духовной жизни. Выступая носителями православной веры, казаки способствовали её распространению за пределами европейской части России, используя при этом исключительно мирные средства, что выгодно отличало их от многочисленных западных проповедников, без сомнения уничтожавших людей, которые не желали становиться христианами.

В разделе «Особенности воспитания и семейных отношений в казачьей среде» отмечается, что процесс воспитания в казачьих семьях определялся не только особенностями служения казачества, но и православной верой. Важное значение казаки придавали крестным родителям своих детей, в чьи обязанности входило духовно-нравственное воспитание своих крестников и крестниц.

В разделе «Фольклор и песенная культура казаков» пособия значительное внимание уделено духовным стихам и песнопениям. Казаки исполняли духовные стихи, которые отражали представления исполнителей о нравственных законах жизни казачества и взаимодействовали с разными жанрами фольклора [5, с. 33]. Чаще всего духовные стихи и песни исполнялись в Великий пост, на Пасху, в дни двенадцатых и великих праздников, при отправлении различных православных ритуалов. Во всех духовных стихах прославляется стойкость в православной вере казаков и восхваляется Святая Русь. Ведущей темой духовных стихов казаков является тема Страстей Христовых, связанная с образом Святой Девы Марии, и тема поддержки Богоматерью

казачества. Среди казачьих духовных стихов часто встречаются повествования о деяниях особо почитаемого казаками Егория Храброго (Георгия Победоносца). [7, с. 12] При этом значительная часть духовных стихов казаков носит философское содержание, повествуя об истоках православного казачьего мировоззрения.

В разделе «Жилища казаков и казачья кухня» авторы пособия отмечают, что самой большой комнатой казачьего куреня был зал, игравший роль гостиной, его доминантой был красный угол с иконами и лампадами. Отмечая особенности казачьей трапезы, внимание обучающихся обращается на то, что ей всегда предшествовала молитва, которую читал глава семьи, а при наличии за столом священника – сам батюшка. Казаки строго соблюдали православные посты, что определяло их рацион.

В разделе пособия «Жизнь и деятельность казаков в послевоенном Советском Союзе» указывается, что несмотря на господство коммунистической идеологии, одним из постулатов которой был атеизм, казаки в подавляющем своем большинстве совершали таинство крещения своих детей, освящали куличи и пасхи. Нередки были случаи, когда казачье население ставило перед властными структурами вопросы, связанные с сохранением православных храмов и приходов.

Рассматривая процесс возрождения казачества в современной России, в учебно-методическом пособии рассказывается о деятельности Синодального комитета по взаимодействию с казачеством Русской Православной Церкви, главными целями которого является духовное просвещение и окормление казаков. Отмечается, что в настоящее время каждое первичное, районное (юртовое), отдельское (окружное) казачье общество имеет своего духовника, а войсковое – войскового священника. Они приобщают казаков и членов их семей к богослужениям и церковным праздникам; содействуют в духовно-нравственном и культурно-патриотическом воспитании детей и молодежи; консультируют атаманов по религиозным вопросам; служат примером веры в Бога и благочестия для казаков. Обучающиеся подводятся к мысли о том, что такая деятельность соответствует многовековым традициям российского казачества.

Таким образом, рассмотрению проблематики православия как духовной основы жизни казаков отведено ключевое место при изучении культуры казачества в учебно-методическом пособии «История казачества России». При этом основной упор сделан на показ влияния православной веры на мировоззрение казаков, что проявлялось как в их ценностно-смысловой сфере, так и в повседневной деятельности.

Список литературы

1. Базовые ценности россиян. Круглый стол ВЦИОМ и журнала «Апология». – Режим доступа: http://www.manwb.ru/articles/world_today/contemporary/ (дата обращения 14.02.2026).
2. Бакурадзе А.Б. Содержание и структура ценностей казачества: ценности-цели, ценности-средства и ценностные ориентации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2022. - №2. – С. 61 – 69.
3. Бакурадзе А.Б., Комаров А.П. Ценности казачества: содержание, динамика и их влияние на социальные процессы в России. – М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), 2022. – 224 с.
4. История казачества России: учебно-методическое пособие. – М.: Наука, 2025. – 411 с.
5. Котовчихина Н.Д. Казачий фольклор как исторический фактор в формировании культуры казачества // Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия общественных наук. – 2023. – №2. – С. 29–50.
6. Котовчихина Н.Д. Мировое значение русской литературы // Мир образования – образование в мире. 2014. № 1 (53). С. 113-116.
7. Медведева М.В. Духовные стихи русского народа. – М.: Русская песня, 1998. – 56 с.

Сведения об авторе

Бакурадзе Андрей Бондович – доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики непрерывного казачьего образования, МГУТУ имени К. Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: bondovich@mail.ru

Information about the author

Andrey Bondovich Bakuradze – Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Theory and Practice of Continuous Cossack Education Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: bondovich@mail.ru

Бурик В.Н., Ковалева Е.Л.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. К. ТОЛСТОГО И ВЛ. С. СОЛОВЬЁВА

Аннотация. В 2025-м году исполнилось 150 лет со дня кончины А. К. Толстого и 125 лет со дня ухода из жизни Вл. С. Соловьёва. Психологическое и мировоззренческое содержание философов, поэтов и писателей проявляется и выражается в созданных ими текстах, в том числе, в текстах художественных произведений. В контексте анализа образной системы времени-пространства Вл. С. Соловьёва мы принимаем предположение, что на мировоззрение философа, в частности, на его восприятие и отражение в художественном творчестве времени-пространства оказали большое влияние творческое наследие и жизненный путь графа А. К. Толстого. Личностные пространства бытия этих незаурядных людей своей эпохи имели значимые точки пересечения. Художественное восприятие, отражаемое в художественном, в частности в литературном творчестве, охватывает и выражает время и пространство во всей полноте эмоционально-ценностных отношений, что релевантно предложенному А.А. Ухтомским и разработанному в XX веке его последователями психологическому понятию хронотопа. По утверждению М.М. Бахтина пространственно-временные отношения в произведении художественной литературы всегда ценностно и эмоционально окрашены, что позволяет анализировать и сравнивать их в контексте аксиологических и аффективных категорий. В статье рассматриваем психологические и философско-эстетические особенности сходства и индивидуальных различий в хронотопе, пространственных и временных (темпоральных) образов и мотивов, выраженных в художественных произведениях графа А. К. Толстого и философа Вл. С. Соловьёва. Методами исследования служили: качественный контент-анализ пространственных и временных образов и мотивов в художественных произведениях авторов (*пространство географическое, время историческое, власть, божественная любовь, любовь к женщине.*); библиографический и биографический анализ.

Ключевые слова: А. К. Толстой, Вл. С. Соловьёв, психология пространства-времени, хронотоп, время, темпоральность, пространство, образы, мотивы, мировоззрение, философское мировоззрение, София, софиология.

Burik V. N., Kovaleva E.L.

PSYCHOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL-AESTHETIC PECULIARITIES OF TIME AND SPACE IN THE LITERARY WORKS OF A. K. TOLSTOY AND V. S. SOLOVYOV

Abstract. The year 2025 marks the 150th anniversary of the death of A.K. Tolstoy and the 125th anniversary of the death of V.I.S. Solovyov. The psychological and ideological content of philosophers, poets, and writers is manifested and expressed in the texts they created, including in

works of fiction. In the context of our analysis of V.I. Solovyov's figurative system of space-time, we accept as fact the well-founded assumption that the philosopher's worldview, in particular his perception and reflection of time-space in his artistic work, was greatly influenced by the creative legacy and life of Count A.K. Tolstoy. The personal spaces of existence of these two extraordinary people of their era also had significant points of intersection. Artistic perception, reflected in artistic work, particularly literary creativity, encompasses and expresses time and space in the full range of emotional and value-based relationships, which is relevant to the psychological concept of chronotope proposed by A. A. Ukhomsky and developed by his followers in the 20th century. According to M. M. Bakhtin, spatio-temporal relationships in a work of fiction are always value- and emotionally charged, allowing them to be evaluated and compared in the context of axiological and affective categories. This article examines the psychological, philosophical, and aesthetic similarities and individual differences in the chronotope, spatial, and temporal images, and motifs expressed in the works of Count A.K. Tolstoy and philosopher V.I. Solovyov. The research methods used were: qualitative content analysis of spatial and temporal images and motifs in the authors' works (geographical space, historical time, power, divine love, love for a woman, etc.); bibliographic analysis; and biographical analysis.

Keywords: A. K. Tolstoy, V. S. Solovyov, psychology of space-time, chronotope, time, temporality, space, images, motives, worldview, philosophical worldview, Sophia, sophiology.

Пространственно-временной континуум в художественном тексте базируется на психологическом и философско-эстетическом осмыслении бытия, обусловленном авторским мировоззрением. Единство пространства и времени получило название хронотоп [4]. Данный термин, изначально предложенный А. А. Ухтомским в 1925 г. [9; 10] на сегодняшний день широко применяем в психологии, в литературоведение его ввел Михаил Михайлович Бахтин [1], который справедливо считал, что пространственно-временные отношения всегда ценностно и эмоционально окрашены. Владимир Петрович Зинченко, в свою очередь указывал на то, что человек субъективирует пространство и время, разъединяет, объединяет их, трансформирует, превращает одно в другое, создаёт своё собственное пространство и время жизни, ее хронотоп. Хронотоп – это живое синкретическое пространство и время [3]. Семантика хронотопа выражается в художественном контексте. Темпоральность (от лат. tempora «времена» ← мн. ч. tempus «время») в рамках современного научного сознания понимается как специфическая взаимосвязь моментов времени и временных характеристик, динамика изменений тех явлений и процессов, качественная особенность которых обусловлена социокультурной спецификой человеческого существования; временная сущность явлений [2].

Художественные произведения обладают собственным оригинальным стилем и содержанием, несут в себе индивидуальную апперцепцию, психологизм и философский смысл, что позволяет говорить о психологическом и философском контексте литературных произведений.

Целью работы является рассмотрение психологических и философско-эстетических аспектов выражения хронотопов Алексея Константиновича Толстого и Владимира Сергеевича Соловьёва в рамках их художественного творчества.

Методами исследования: качественный контент-анализ пространственных и временных (темпоральных) образов и мотивов в художественных произведениях авторов (*пространство географическое, время историческое, власть, божественная любовь, любовь к женщине и др.*); библиографический и биографический анализ.

Новизна исследования состоит в сравнительном анализе ряда психологических и философско-эстетических аспектов, выраженных в художественных произведениях обоих мыслителей, которые мыслили неординарно и были увлечены философией, мистицизмом и поэзией.

А. К. Толстой и Вл. С. Соловьёв были идеалистами, христианами, тема сакрального для них была высоко значима. Вл. С. Соловьёв – мистически-религиозный философ. По линии отца происходил из семьи священнослужителей. Род Вл. С. Соловьёва принадлежал к среде великорусского крестьянства, но затем перешел в духовное сословие. Его дед, протоиерей Михаил Васильевич Соловьёв служил настоятелем в храме Воскресения Слоущего в Москве (церкви, расположенной в районе Остоженки) и был законоучителем Московского коммерческого училища. Строгость и авторитет отца философа, поэта и публициста, знаменитого историка С. М. Соловьёва, в семье были непререкаемы. Вера Вл. С. Соловьёвым рассматривалась как высшая потребность жизни. В своем художественном творчестве как Вл. С. Соловьёв, так и граф А. К. Толстой многократно обращались к религиозным темам. Поэзия А. К. Толстого проникнута религией, а религия, в свою очередь, – поэзией. В качестве примера можно обратиться к поэме «Иоанн Дамаскин», где проявляются идеалистические убеждения А. К. Толстого, его склонность к мистицизму; отметим, что герой действует в далеком прошлом: годы жизни преподобного Иоанна Дамаскина – около 675–753 / 780 [2].

Историческое пространство. Граф А. К. Толстой был близок ко двору императора, при этом его историко-философские мотивы неординарны и интересны. В художественном творчестве А. К. Толстого присутствовало пространство Запада, он был уверен, что славянство – часть западной культуры. Привязанность писателя, мыслителя и поэта к домонгольскому периоду русской истории, когда Киевская Русь и Новгород обладали широкими международными связями, были одной из причин создания им таких романтических баллад, как, например, «Песня о Гаральде и Ярославне», «Боривой», «Роман Галицкий» и другие. Для Вл. С. Соловьёва, отец которого, С. М. Соловьёв, тоже был близок ко двору, поскольку преподавал историю сыновьям императора Александра II, Россия и Западная Европа — нераздельные части одного культурного целого, призванного объединить человечество; западничество – путь к общечеловеческой культуре через освоение ценностей Запада, и это путь к всеединству. Поэзия составляет сравнительно небольшую, но интересную часть наследия Вл. С. Соловьёва. В его поэзии пространство Запада выражается больше через критику собственного пространства: «Город глупый, город грязный! Смесь Каткова и кутьи, Царство сплетни неотвязной, Скуки, сна, галиматьи ...» [6].

Власть. Обратимся к психологии и философии власти и ее выражению в хронотопах авторов. Индивидуальный пространственно-временной фрагмент картины мира А. К. Толстого эксплицируется в особом «славянском мире», основу которого составляет демократия Новгородской республики, в которой поэт видел сочетание славянского и европейского. Свобода Новгородской демократии, по мнению А. К. Толстого, была уничтожена татарами во времена ига, а впоследствии наследием ига – деспотией Ивана Грозного. История же славян имеет, по его мнению, не азиатские корни, а западные, и поэтому Великий Новгород, Киевская Русь, Московское царство являются в текстах А. К. Толстого элементами хронотопа, а не просто

обозначением времени или места. Образ пророка в поэзии Вл. С. Соловьёва можно рассматривать как одну из составляющих всемирной теократии. Пророчества обращены в будущее, в то время как идеал философии власти А. К. Толстой ищет в прошлом, хронотопы, связанные с философией власти, имеют разную направленность.

Время – настоящее, историческое, мифическое (темпоральность). Отметим наличие нескольких, по крайней мере, двух времен в хронотопах авторов: у Вл. С. Соловьёва это современное ему время и фантастическое, нездешнее время, время Всеспасения. У А. К. Толстого, кроме того времени, в котором он живет, присутствует время прошлого, а также мифическое время. В поэме «Иоанн Дамаскин» [8] встречаются и времена, и пространства, и миры:

*... Зачем не в то рожден я время,
Когда меж нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Он шел на жизненном пути!
Зачем я не могу нести,
О мой Господь, Твои оковы,
Твоим страданием страдать,
И крест на плечи Твой приять,
И на главу венец терновый! ...*

А. К. Толстой противопоставляет времена: «не в то ... время» «рожден я», обозначает и «время, Когда меж нами, во плоти», и пространство: «пыльный след ... шагов» и – главное – обозначает присутствие Бога, сакрального времени и пространства. Любовь к Богу священна: «О мой Господь, моя надежда, / Моя и сила, и покров!» [8].

Вл. С. Соловьёв полагает возможным достижение вечности в пределах земной реальности путем софийного преобразования мира, его хронотоп устремлен в будущее. Вл. С. Соловьёв отводит особую роль пророкам; им открывается течение встречного потока энергии спасения. Для автора сновидения значимы и в профетическом плане. Так актуализируется восточнохристианская доктрина спасения, предполагающая совместное сотериологическое действие, со-деяние (сорботничество, синергию) Бога и человека. В софиологии как оригинальном направлении русской философии эта тема была осмыслена наиболее полно именно в творчестве Вл. С. Соловьёва. Условие осуществления Всеединства, Богочеловечества, теократии, софийного преобразования мира – встреча двух противоположных, энантиодромия: Бог и мир движутся навстречу друг другу посредством Софии. В образе пророков соединяются миры и реальности, пророки получают вести и откровения из будущего и сами принадлежат уже не одному миру и являются проводниками, связывающими мир земной, дольний с миром горним, небесным и божественным. Пророки прозревают будущее и его предсказывают людям по воле высших сил. Вл. С. Соловьёв и сам обладал визионерским даром. В качестве одного из примеров проявления пророческого дара Владимира Соловьёва можно рассмотреть строки из стихотворения «Пророк будущего», написанного в 1886 году [6]:

*А когда порой в селение
Он задумчиво входил,
Всех собак в недоумение
Образ дивный приводил.*

*Но, органами правительства
Быв без вида обретен,
Тотчас он на место жительства
По этапу водворен.*

Не возникает сомнений в достоверности пророчества. Производит глубокое впечатление, поражает и изумляет написанное в 1894 году пророчество о панмонголизме. Стихотворение Вл. С. Соловьёва «Панмонголизм» приведено здесь не полностью [6]:

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно.*

*Когда в растленной Византии
Остыл Божественный алтарь
И отреклся от Мессии
Иерей и князь, народ и царь, –*

*Тогда Он поднял от Востока
Народ безвестный и чуждой,
И под орудьем тяжким рока
Во прах склонился Рим второй.*

<...>

*Пусть так! Орудий Божьей кары
Запас ещё не истощён,
Готовит новые удары
Рой пробудившихся племён.*

*От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.*

<...>

*О Русь! Забудь былую славу:
Орёл двуглавый сокрушён,
И жёлтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамён ...*

Тема любви в творчестве обоих авторов занимает центральное место. Любовь в поэзии А. К. Толстого – гармоническое начало, дающее смысл и порядок всему творению [7; 8].

*И вещим сердцем понял я,
Что все рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К нему вернуться жаждет снова;
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия
Неудержимо к Божью лону;
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало.*

<1851 или 1852>

*Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще – неволя недолга, –
В одну любовь мы все сольемся
вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные берега!*

<1858> [7].

Это метафизическая модель Вселенной. Хронотоп А. К. Толстого отличается сложной структурой, что находит отражение в неповторимой архитектонике его поэтических текстов. Роль сновидений значима [7, с. 153].

*Для всех тревог бесследно умер я
И ожил вновь в сознание бытия...
Тут пронеслось как в листьях дуновенье,
И как ответ послышалось мне:
Задачи то старинной разрешенье
В таинственном ты видишь полусне!
То творчества с покоем соглашенье,
То мысли пыл в душевной тишине...
Лови же миг, пока к нему ты чуток, –
Меж сном и бдением краток промежуток!*

<1875>

Любовь к женщине полна тайной, стихотворение написано предположительно в 1851 году [7, с. 158]:

*... Среди шумного бала, случайно
Среди шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты ...*

А. К. Толстой описывает свои грезы, сон, состояние между реальностями [7, с. 159]:

*И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!*

Вл. С. Соловьёв писал об А. К. Толстом, что любовь открылась ему как сущность всего существующего, что было выражено в хронотопе автора.

Для Вл. С. Соловьёва любовь пронизывала жизнь и мировоззрение на всех уровнях и сферах, была одним из главных и основополагающих принципов всей его деятельности, проявлялась и в философии, и в поэзии, и в мистике, и в личной жизни; концепция Софии Небесной имела как теологические основания, так и поэтические истоки в лирических произведениях софийного цикла. Вл. С. Соловьёв указывал, что «мистика сочетается с эстетикой в теургическом единстве религиозного творчества» [5, т 1, с. 139]. Образ Софии универсален и пронизывает все мировоззрение философа, невозможно разграничить образы Небесной Софии и земной женщины. Примечательно, что в поэме «Три свидания» философ понимает Софию и как женщину, в которую влюблен, и как вечную подругу, существующую в бесконечности [6, с. 125]:

*Заранее над смертью торжествуя
И цепь времен любовью одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
Но ты почувешь трепетный напев ...* <26-29 сентября 1898>

Земные черты присутствуют и в образе Туринской Эвы, обращаясь к которой, автор пишет: «Газели пустынь ты стройнее и краше, И речи твои бесконечно-бездонны» [6, с. 66], и в адресате четверостишия <Из Платона> [6, с. 180]: «На звезды глядишь ты, звезда моя светлая! О быть бы мне небом, в широких объятиях / Держать бы тебя».

Божественная любовь – основное содержание теургической поэзии.

В поэзии Вл. С. Соловьёва центральная **софийная** тема, мир небесной любви противостоит обманчивому миру теней, суетных тревог [6, с. 93]:

*Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?* <1892>

Вл. С. Соловьёв мистически понимал Небесную Софию, любовь, бесконечной и в пространстве, и во времени, любовь пронизывает мир, А. К. Толстой в своем

творчестве также выражает бесконечность любви, близость любви к женщине к Божественной любви. Таким образом характеризуется хронотоп любви [6, с. 79]:

*Друг мой! Ныне, как бывало,
Мы любовь свою отпели,
А вдали зарею алой
Вновь лучи её зардели.* <1887>

Существует много интересных параллелей в биографиях представленных нами авторов. Как известно, в молодости граф А. К. Толстой полюбил жену полковника Софью Андреевну Миллер (урожденную Бахметьеву), посвятил ей, наряду с другими поэтическими произведениями и знаменитое, положенное на музыку П. И. Чайковским и ставшее жемчужиной русского вокала стихотворение «Средь шумного бала», ждал союза с ней 13 лет и вступил с нею в брак. Предметом идеальной, возвышенной, многолетней любви Вл. С. Соловьёва стала Софья Петровна Хитрово, внебрачная дочь С. А. Миллер (в браке С. А. Толстой, вдовы графа А. К. Толстого), официально записанная в документах как племянница, дочь брата Миллер. Чувства А. К. Толстого и Вл. С. Соловьёва были долгими, глубокими и сильными; обратим внимание, что имя обеих женщин, ставшим адресатами их чувств и любовной лирики – Софья, что может говорить о семиотической и семантической близости их идеального образа любимой.

В заключение отметим значительную близость в выражении психологических и философско-эстетических аспектов во временных (темпоральных) и пространственных образах и мотивах, воплощенных в художественных произведениях А. К. Толстого и Вл. С. Соловьёва.

Хронотопы обоих мыслителей выходят за рамки современного им времени: А. К. Толстой больше обращен к прошлому, в то время как Вл. С. Соловьёв — к будущему. Более всего их хронотопы близки в выражении веры и любви; можно отметить, что и здесь образ Иоанна Дамаскина А. К. Толстым взят и относится к прошедшему времени, а образ пророка Вл. С. Соловьёва — к будущему, где любовь вездесуща и пронизывает весь мир. Исследования этой темы представляются перспективными. Анализ художественных произведений в плане выраженности в них психологического и философского контекста, в том числе и через образы и мотивы хронотопа, времени и пространства, требует дальнейших исследований.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит. 1975. – С. 234-407.
2. Большая российская энциклопедия 2004–2017 (электронный ресурс). – [4https://old.bigenc.ru/](https://old.bigenc.ru/) (Дата обращения 10.01.2025).
3. Зинченко В. П. Хронотопия сознательной жизни // Сознание и творчество. М., 2010.
4. Остапенко А. А. Хронотоп как перекресток прошлого и будущего, настоящего и... «понарошечного» // Культурно-историческая психология, № 1, 2010. С. 2 -6.
5. Соловьёв В. С. Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. М., 2001.
6. Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. — Л.: Советский писатель, 1974. – 350 с.
7. Толстой А. К. Лирические стихотворения (электронный ресурс) – http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_k/text_0080.shtml (Дата обращения 10.04.2026).
8. Толстой А. К. Поэмы (электронный ресурс) – http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_k/text_0120.shtml (Дата обращения 10.04.2026).
9. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб., 2002.
10. Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996.

Сведения об авторах

Бурик Виталий Николаевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Частного образовательного учреждения высшего образования «Балтийский Гуманитарный Институт». E-mail: vburik2007@mail.ru

Ковалева Елена Львовна – магистрант Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского. E-mail: decabr1712@mail.ru

Information about the authors

Burik Vitaly Nikolaevich – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Psychology at the Private Educational Institution of Higher Education “Baltic Humanitarian Institute”. E-mail: vburik2007@mail.ru

Kovaleva Elena Lvovna – Master's Student at the Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky. E-mail: decabr1712@mail.ru

Ветлугина А.М.

УДК 398.87+ 37.03

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ПОСОБИЯ «МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАЗАЧЕСТВА» В СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация. Цель данной статьи — исследовать возможности и перспективы интеграции пособия «Музыкальная культура казачества» в современные образовательные практики как инструмент формирования культурной идентичности и междисциплинарного обучения в школьных и вузовских программах.

Ключевые слова: казачество, музыкальная культура казачества, этнопедагогика, казачий фольклор, актуализация традиций.

Vetlugina A.M.

PROSPECTS FOR INTEGRATING THE «MUSICAL CULTURE OF THE COSSACKS» MANUAL INTO MODERN EDUCATIONAL PRACTICES

Abstract. The purpose of this article is to explore the possibilities and prospects for integrating the «Musical Culture of the Cossacks» manual into modern educational practices as a tool for fostering cultural identity and interdisciplinary learning in school and university curricula.

Keywords: Cossacks, Cossack musical culture, ethnopedagogy, Cossack folklore, updating traditions.

В последние годы казачество в России вызывает интерес уже не только с точки зрения исследователя-историка, но и практика-педагога. Как пишет кандидат исторических наук Щупленков О.В. от того «Насколько четко будут выявлены вопросы целеполагания и целесодержания казачьего компонента в системе российского образования зависит эффективность воинского и патриотического воспитания современного молодого поколения» [9]. Мысль о значимости казачьей традиции для России выражалась значительно раньше, например, Лев Николаевич Толстой в своих дневниках писал: «Будущность России – казачество: свобода, равенство и обязательная военная служба каждого... Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности Эту

истину понимает одинаково ученый русский и мужик, который говорит: «Пусть запишут нас в казаки, и земля будет вольная. Эта идея имеет будущность» [7].

Одна из важнейших и актуальнейших ценностей казачества – так называемая «российскость» (термин, используемый В. Б. Виноградовым), о которой говорят С.Н. Лукаш и К.В. Эпоева в своей статье «Педагогика казачества: новая жизнь в российском культурно-образовательном пространстве». Имеется в виду объединительная функция, которую многонациональное казачество выполняло со времен своего появления. Авторы статьи даже выдвигают тезис о «создании некой евразийской общности – российского суперэтноса» [8]. Выкристаллизованные веками традиции казачества могут стать основой новых концепций в области этнопедагогики, а также успешно внедряться в учебный процесс гуманитарных вузов и даже обычных средних школ. И очень важно, чтобы в процессе обучения теоретические знания подкреплялись достаточным количеством практики, чтобы традиция из музейного экспоната стала частью повседневной жизни студентов и школьников, значимым элементом формирования их личности. На первый взгляд может показаться, что эта задача невыполнимая, поскольку традиции казачества закладывались очень давно, когда быт людей был совершенно иным, но истинные ценности остаются актуальными в любое время, важно только определить область, через которую они будут наилучшим образом транслироваться. Одной из таких областей в традиции казачества, несомненно, является музыкальная культура. При всей специфичности казачья музыка обладает широким спектром воздействия, ее хорошо воспринимают не только русские люди самых разных культурных слоев, но и иностранцы. Казачьи хоры в Европе всегда имели огромный успех. Л. Бетховен сделал обработку казачьей песни «Ехал казак за Дунай», по свидетельству биографа Л. В. Кириллиной, на его рабочем столе даже присутствовали два пресс-папье с фигурками казаков.

В настоящее время музыкальная культура казачества переживает возрождение, которое трудно переоценить. Фактически из небытия на концертную эстраду выходят настоящие древние фольклорные казачьи напевы, некогда вытесненные авторскими городскими романсами на казачью тему. В XXI столетии появилось большое количество музыкальных коллективов, которые ставят своей целью воссоздание аутентичной манеры пения, а также старинных песен и других жанров фольклора. В ряду подобных ансамблей стоит отметить «Казачий кругъ», «Братину», «Покров», «Бузулук», «Казачью удаль», «Старину», «Чапуру», «Вольный Дон» и многие другие. Такое изрядное количество подобных коллективов говорит не только о высоком спросе, но и о доступности этого вида искусства для широких масс. Именно сейчас казачье пение может снова стать «народным» в значении уже не изначальной принадлежности, а нынешней широкой распространенности. Но для этого необходимо провести определенную работу с населением. Проще всего и логичнее начать эту работу с молодежи через сферу образования [2].

В современных российских школах фольклор изучается с первого по восьмой класс, но речь не идет о глубоком погружении в традицию, а тем более – практических попытках ее воссоздания. Лучше обстоят дела в гуманитарных вузах, но и там, если говорить об изучении музыкальной культуры казачества, чаще всего преподаватели ограничиваются беглым знакомством в рамках курса «Народная художественная культура», или близких по смыслу дисциплин (исключение здесь составляет МГУТУ

им. К.Г. Разумовского (Первый казачий Университет), где казачьей традиции уделяется особое внимание). Разумеется, педагоги работают по учебному плану, но даже те из них, кто хотел бы углубить изучение данной темы, – сталкиваются с нехваткой учебной литературы. В то же самое время, казачья музыкальная культура хорошо изучена и описана, существует множество исследований, но все они, как правило, касаются какого-либо одного аспекта в таком многообразном явлении, как казачья музыка. Ярким примером может послужить учебно-методическое пособие «Фольклор казаков-переселенцев и его использование в творчестве современных певческих коллективов» [11] (М.М. Яхонтова) или учебное пособие «Исторические песни линейных казаков Терека и Кубани». (Белецкая, Е.М., Великая, Н.Н) [2]. Уже по названиям этих трудов видна некоторая локальность их охвата. Но сегодня появляются новые пособия, отвечающие современным запросам. Очень своевременным и актуальным стал выход в свет книги Н.М. Евгеньева «Музыкальная культура казачества». Этот труд адресован вузам, главным образом – студентам-гуманитариям всех форм обучения. Он уже внедрен в систему преподавания МГУТУ им. Разумовского, используясь в рамках курса общекультурного модуля «Традиции российского казачества» кафедры «Философия и культурология». Это пособие позволяет достаточно широко посмотреть на казачий музыкальный фольклор, в том числе, в историческом контексте и перспективе сегодняшней актуализации.

Рассмотрим данное пособие подробнее, оно включает семь глав с введением и заключением. Отметим ясный язык изложения, не перегруженный специальными терминами, что делает текст доступным для читателей – и музыкантов.

Большую часть введения автор посвящает происхождению казачества и его роли в истории и культуре России. Эту роль трудно переоценить. Казаки, начиная с XVI века активно участвовали во всех крупных войнах нашей страны. Портреты казаков, их быт неоднократно описывались в русской литературе, в том числе – в произведениях Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, М. А. Шолохова и других писателей.

В определенных исторических реалиях сложились уникальные особенности казачьего музыкального фольклора – явления не только русского, но и российского, ведь в составе казачества с самых ранних времен присутствовали представители очень многих национальностей. Это народы Кавказа, сибирские этносы, греки, татары, башкиры и многие другие.

Н.М. Евгеньев также рассматривает казачью музыкальную культуру через призму личности истинного казака – прежде всего, воина. Автор отмечает преобладающую служебную тематику казачьих песен и определяет данную традицию, как военно-общинную [5].

Во введении рассматриваются этапы становления и развития казачьей музыки от XV столетия до наших дней с характеристикой жанровых особенностей и упоминанием выдающихся коллективов. Вниманию уделяется и творчеству казаков-эмигрантов.

Часть введения посвящена истории изучения казачьей музыки, где, автор перечисляет имена исследователей и выстраивает систему изучения по основным пунктам. Это определение понятия казачьего фольклора, принципы жанровой классификации произведений и знание стилевых региональных особенностей.

Основная часть пособия состоит из семи глав, в каждой главе разбирается определенная составляющая казачьего фольклора от описания музыкальных

инструментов и манеры пения до расшифровки нотных записей. В конце каждой главы находятся вопросы по теме и обширный список вспомогательной литературы.

Первая глава повествует о вокальной традиции, как основополагающей у казаков. Автор показывает отличие казачьих песен от великорусского песенного фольклора. В частности, отмечаются ритмические и мелодические особенности, передающие ритм конной скачки. Другой особенностью в сравнении с другими видами русского фольклора, является преобладание мужского пения. Разбираются региональные манеры, например, уникальный донской «дишкант» – особый импровизационный высокий напев без слов, который как бы «нанизывается» на песню, наподобие инструментального наигрыша. Н.М. Евгеньев не ограничивается историко-теоретическими аспектами данного явления, в первой главе поднимаются практические вопросы, например, проблема постановки голоса для исполнения казачьих песен. По мнению Евгеньева, казачья вокальная манера не тождественна русской фольклорной манере. В некоторых жанрах, в том числе, в строевой песне, необходима очень сильная звучность, которая достигается использованием резонансных вокальных техник, близких к оперным. Рассматривая вокальную составляющую казачьей музыкальной культуры, автор затрагивает тему фонетики языка и проблему эстрадного видения казачьей песни. В главе упомянуты значимые певцы и вокальные коллективы, исполняющие казачий музыкальный фольклор [5].

Вторая глава посвящена музыкальным инструментам казачьей культуры. Начинается она с истории русской народной инструментальной музыки в целом, включая ее самые драматичные страницы, связанные с запретом скоморошества и массовым уничтожением домбр и гусель.

В области инструментальной музыки казаки также проявили самобытность, используя необычные инструменты (в том числе, самодельные) или необычные инструментальные сочетания. Так, для казачьей музыкальной культуры свойственно заимствование инструментов у других народов, проживающих по соседству, но казаки используют эти инструменты по-своему. Заимствуются и классические музыкальные инструменты, такие, как медные духовые и барабаны. В пособии рассказывается о всех основных казачьих инструментах, начиная с донского рылея – разновидности колесной лиры. Интересен факт близкого родства рылея с европейским органиструмом, но еще более важна связь с колесной лирой. Этот инструмент на рубеже XIX-XX веков был широко распространен на Западе и Юго-Западе России для аккомпанемента духовному стиху. Обычно, на лирах играли странники, так называемые, калики перехожие, тексты часто разрабатывали библейские сюжеты или включали религиозно философские размышления. В советские годы, в рамках борьбы с религией, этот богатейший пласт культуры умышленно замалчивался. У казаков он также присутствует, правда репертуар казачьих лирников гораздо шире упомянутых калик перехожих: от всевозможных эпических, лирических, воинских песен до шуточных и плясовых.

Среди самодельных духовых инструментов автор пособия называет кавал и его уменьшенные варианты – кавалики. Также казаки изготавливали басоля – струнный смычковый инструмент, немного похожий на виолончель, и дюдюк (родственный армянскому дудуку), заимствованный у турок. Казаки охотно использовали фабричные балалайки и домры. На танцах в начале XX века часто можно было услышать тембр кларнета, на свадьбах – барабан и медные духовые. Евгеньев описывает сигнальные

инструменты, прежде всего, колокола, которые часто делали из захваченных неприятельских пушек. В заключение главы автор приводит самую распространенную из систем классификации музыкальных инструментов – Хорнбостеля и Закса, – вполне применимую к казачьему инструментарию.

Следующая глава посвящена жанрам казачьей музыки, начиная с перечисления научных подходов к этой теме и систем классификации жанров, заканчивая перечислением и анализом самих жанров, где кроме разнообразных вокальных форм рассматриваются также синкретические театральные действия, сопровождаемые музыкой, например, вертепы. Подробно разбирается свадебный обряд. В отдельный пункт выделена жанровая система мужской казачьей музыки [5].

Православие – неотъемлемая часть казачества. Автор не только разбирает духовные жанры, но и дает важную историческую справку о духовной жизни казаков: о связи их с монастырями, участии их в постройке церквей, постоянной практике храмового пения и т. п.

В заключительной части этой главы Евгенийев затрагивает тему присутствия в казачьей песне русской классической поэзии. Профессиональные стихи начали входить в музыкальное творчество казаков примерно с середины XIX века. Среди подобных образцов есть творения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Прекрасные народные романсы написаны на слова Е. П. Гребенки и Н.Н. Туроверова. Последний был одним из организаторов «Кружка казаков-литераторов» [6].

Последующие главы – более «музыковедческие», хотя и здесь язык книги не перегружен музыкальными терминами, используются лишь самые необходимые. Автор рассматривает, как устроено казачье многоголосие и вычленяет разные типы фактуры, анализирует типы аранжировок, в том числе, поздние. Интересна пятая глава, в которой казачья музыкальная культура подается как часть российского музыкального процесса, разбирается ладовая составляющая. Автор высказывает идею о родстве старинных казачьих песен со знаменным распевом.

В шестой главе разбирается музыкальная форма казачьих песен, отмечается зависимость формообразования от текста, но также и некоторая самостоятельность, например, прием так называемого «перехвата» в тираде – распространенной форме казачьего музицирования.

Последняя глава поднимает проблему нотации казачьих песен. Нотная запись любого фольклора, к сожалению, не передает всех тонкостей манеры исполнения. Тем более, ноты не фиксируют культурный контекст того или иного фольклорного направления. Но в сочетании с аудиозаписью, ноты очень помогают профессиональным певцам воспроизвести напевы наиболее аутентично. Автор пособия дает краткий экскурс в историю собирания казачьих песен, перечисляет также важнейшие песенные сборники.

Заключение труда Евгенийева полностью устремлено в будущее. Оно посвящено актуализации казачьей музыкальной культуры в XXI веке. Автор подчеркивает опасность чрезмерной популяризации за счет сращения казачьих песен с поп-музыкой, которая нивелирует уникальность казачьей культуры. При этом, по его мнению, цитирование казачьего музыкального материала в академической музыке не представляет опасности в плане утраты аутентичности. Говорит Евгенийев и о теме возникновения новых казачьих песен. Они появляются, в том числе, в контексте

современной воинской службы казаков. Факт современного казачьего творчества, несомненно, позитивен, ведь в нем продолжает жить и развиваться традиция.

Пособие Н.М. Евгеньева охватывает все возможные ракурсы взгляда на казачью музыкальную культуру, начиная с этимологии слова «казак», заканчивая анализом манеры пения и музыкальных инструментов. Книга идеально подходит как основной материал для спецкурса по музыкальной культуре казачества, и как вспомогательный материал по курсу «Народная художественная культура», «История и теория народной художественной культуры», «Этноинструментоведение», «Этнокультурология», «Этнопедагогика» и других смежных дисциплин. Также возможно фрагментарное изучение пособия в средней школе, в рамках курса внеурочной деятельности. Например, в курсе «Традиционная культура кубанского казачества», используемом в некоторых средних школах Краснодарского края. Еще одним очень важным полем деятельности для внедрения этого пособия могут стать кадетские учебные заведения.

Студенты и школьники, изучившие данное пособие, смогут достаточно уверенно ориентироваться в музыкальной культуре казачества, особенно, если добавить к изучению аудиоматериалы и сборники песенных текстов. Идеально было бы разработать аудио приложение к данному пособию. Возможно, в будущем так и случится, но и в сегодняшнем варианте книга «Музыкальная культура казачества» дает необходимое знание об очень важной российской социокультурной общности, которая, как говорится в другом пособии «История казачества России», «создала уникальную культуру и особый образ жизни, базирующийся на православных ценностях, сочетающий в себе патриотизм и ориентацию на свободу. История российского казачества – это неотъемлемая часть истории нашей страны».

Список литературы

1. Бакурадзе, А. Б. История казачества России / А.Б. Бакурадзе, Е.В. Годовова, Р.Н. Евдокимов [и др.]. – М.: Наука, 2025. – 411 с.
2. Белецкая Е. М., Великая Н. Н. Исторические песни линейных казаков Терека и Кубани (дореволюционный период): учебное пособие. – Армавир: АГПУ, 2016. – 191 с.
3. Виноградов, В. Б. Российскость как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // Российскость в истории Северного Кавказа. – Армавир, 2002. – С. 3–11.
4. Володихин, Д.М. История российского казачества: учебное пособие для студентов-гуманитариев / Д. Володихин, Н. Иртенина, А. Музафаров, Ю. Пыльцын. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Снежный Ком, 2024.
5. Евгеньев, Н. М. Музыкальная культура казачества: учебное пособие для студентов-гуманитариев. – М.: Снежный Ком, 2026. – 148 с.
6. Золотая коллекция музыкального фольклора казаков России: в 2 т. / редакторы-составители: Л. И. Белогурова, И. А. Никитина. – М.: Министерство культуры Российской Федерации, Российская академия музыки им. Гнесиных, Благотворительный фонд Фридриха Липса, 2023–2024.
7. Из дневника Л. Н. Толстого // История Кубани в русской художественной литературе. Вторая половина XIX — начало XX в.: хрестоматия к интегрированному учебному курсу для школ, гимназий, лицеев и вузов. — Армавир, 2004. — Ч. II. — С. 58–59.
8. Лукаш, С. Н. Педагогика казачества: прошлое и настоящее Юга России: монография. — Ростов-на-Дону. – 2008. – 320 с.
9. Щупленков О. В. К вопросу о системе казачьего образования и воспитания // Альманах «Казачество». — 2016. — №17 (4). — С. 20–28.
10. Щуров, В. М. Жанры русского музыкального фольклора: учебное пособие для музыкальных училищ: в 2 ч. – М.: Музыка, 2007.
11. Яхонтова М. М. Фольклор казаков-переселенцев и его использование в творчестве современных певческих коллективов: учебно-методическое пособие / М. М. Яхонтова; науч. рук. Т. В. Тищенко. — Орёл: Орловский государственный институт культуры, 2016.

Сведения об авторе

Ветлугина Анна Михайловна – научный сотрудник Международного научно-методического центра по изучению литературного наследия М.А. Шолохова, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: ennushka@mail.ru

Information about the author

Anna Mikhailovna Vetlugina - Research Fellow at the International Scientific and Methodological Center for the Study of the Literary Heritage of M.A. Sholokhov, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: ennushka@mail.ru

Воителева Т.М.

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о роли русского языка в формировании национально-культурной идентичности личности.

Обучение русскому языку как инструменту идентичности личности представляет собой сложный и многогранный процесс, включающий в себя погружение в культурные контексты, традиции, историю и менталитет народа.

Ключевые слова: национально-культурная идентичность, русский язык, родной язык, национальная картина мира.

Voiteleva T.M.

THE ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE FORMATION OF PERSONAL NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY

Abstract. The article discusses the role of the Russian language in shaping an individual's national and cultural identity.

Learning Russian as a tool for personal identity is a complex and multifaceted process that involves immersing oneself in cultural contexts, traditions, history, and the mentality of the people.

Keywords: national and cultural identity, Russian language, native language, national worldview.

Перемены, произошедшие в России и в мире в последние десятилетия, отражаются в процессе обучения, поскольку образование является одним из важнейших элементов системы социальной сферы государства, обеспечивающей процесс получения знаний человеком.

В условиях многонациональной России, многообразия ее культур и народов система образования способствует развитию национального самосознания обучающихся, чувства любви к своему языку, родной культуре. Ведущую роль в формировании и воспитании личности, развитии ее морально-нравственных качеств и творческих способностей, в приобщении к отечественной и мировой духовной культуре играет филологическое образование, составной частью которого является русский язык. Язык отражает характер исторического и интеллектуального развития народа, являясь материальной и духовной ценностью общества, составной частью культуры, формирующей национальное самосознание, достоянием всех людей, принадлежащих к обществу [1]. По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и об

отношении к социальным и гражданским ценностям. «Истинная любовь к своей стране немислима без любви к своему языку» (К. Паустовский).

Родной язык является основой формирования гражданской и культурной идентичности личности. В нем проявляется весь национальный характер, отражается, как в средстве общения данного народа исчезают индивидуальности и проявляется общее. Именно родной язык воспроизводит богатую историю, традиции, менталитет и духовные ценности народа, которые передаются от поколения к поколению через литературу, музыку, искусство и повседневное общение. [7]

В понятие «национальная идентичность» входит осмысление *традиционных ценностей*, таких как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [8].

Ядром формирования идентичности, определяющей мировоззрение и поведение членов нации, является *национальная картина мира*, которая представляет собой «неотъемлемый компонент национального характера» [9, с. 57]. Картина мира как ментальное образование требует специфических форм воплощения, одной из которых выступает *язык*. Это достояние всех людей, принадлежавших к одному обществу, источник единства и духовности народа, действующий на протяжении всего существования человеческого общества. Он объединяет людей, регулирует их межличностное общение, координирует их практическую деятельность, формирует индивидуальное сознание человека, служит материалом художественного творчества.

Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта, который рассматривал язык как мир, существующий между миром внешних явлений и внутренним миром человека. По утверждению отечественных лингвистов Е.М. Верещагина, В.В. Колесова, В.Г. Костомарова, В.Н. Телии и других ученых, – языковая картина мира – это особенности родной культуры народа, отразившиеся в языке, национальное мирозерцание и мироощущение окружающей действительности с ее образами, понятиями и символами. «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [6, с. 16]. Именно язык выступает важным средством сохранения и передачи национальной идентичности, отражая культурные ценности, традиции, влияя на мировоззрение личности и особенности восприятия мира. По утверждению А.А. Леонтьева, «Язык, как и все другие человеческие способности, входит в социальный опыт человечества, развивается вместе с человеческим обществом и усваивается каждым отдельным человеком только благодаря общению с другими людьми» [5, с. 3].

Актуальность проблемы приобщения личности к общечеловеческим ценностям в курсе родного (русского) языка определяется современным контекстом социализации, позволяющей человеку стать полноценным членом общества. Обучаясь родному языку, человек не только овладевает средством коммуникации, но и

становится частью большого культурного сообщества, которое объединяет миллионы людей по всему миру.

К источникам формирования национальной идентичности следует отнести освоение родного языка как духовной ценности и национального достояния народа, создание широкого культуроведческого фона путём включения разнообразного экстралингвистического материала о разных городах России, народных промыслах, исторических событиях и великих личностях России, а также широкое использование произведений художественной литературы [2, с. 25-30].

Особое значение в формировании представления о родном языке как национальном достоянии народа приобретает работа над безэквивалентной лексикой, которую невозможно перевести на другой язык одним словом, так как данное явление, предмет в других культурах отсутствует. К безэквивалентной лексике относятся предметы национальной кухни, народной одежды, географические названия, слова из области фольклора (тулуп, окрошка, балалайка, самовар, матрешка, гармонь, красна девица, крестины, Кощей Бессмертный; первый блин – комом, бить челом и др.) [3].

В народнопоэтических произведениях чувства человека предавались иносказательно – через поэтические *символы*-скрепы, которые охватывают все сферы жизни человека и природы. Например, хлеб рассматривался как символ достатка, изобилия, материального благополучия, шум леса, листьев – символ печали; девушка ассоциировалась с березой, утицей, лебедушкой и т.д.

Важным аспектом визуального восприятия действительности, имеющим национально-историческую и культурную обусловленность, считалась **символика цвета**. Выбор цвета всегда имел большое значение как в бытовой, так и в обереговой традиции. С давних пор красный и белый цвет – это любимые цвета в одежде русского человека. Красный цвет – цвет жизни, символ огня, красоты, силы: *Красно солнышко, дающее жизнь; Лето красное – торжество жизни*. Белый цвет – символ чистоты, непорочности: *Без правды жить – с бела света бежать; Белую ворону и свои заклюют*. Черный цвет символизирует, зло, печаль, утрату: *Черную душу и мылом не отмоешь*.

Своеобразный взгляд русского народа на окружающий мир отражается в образных выражениях родного языка – **фразеологизмах**, в которых заложена информация об укладе жизни, быте, традициях и обычаях, о веровании русского человека. Понимание смысла фразеологических единиц, умение ими пользоваться в речи также способствует формированию национально-культурной идентичности, усиливает роль родного языка как средства объединения нации, является важным компонентом формирования языковой личности: *во всю Ивановскую; заткнуть за пояс, засучив рукава, спустя рукава* и др. Величайшим достоянием русской духовности, передающим эмоционально-экспрессивную оценку разных жизненных явлений, являются **пословицы и поговорки**, в которых, по выражению Д.С. Лихачева, содержится «русскость» нашей души: *На чужой стороне и весна не красна, Черную душу и мылом не отмоешь. Что посеешь, то и пожнешь*. Широко используются в народе пословицы о языке: *Не спеши языком, торопись делом. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Что написано пером, того не вырубишь топором* [3].

Важными элементами национальной идентичности являются русская литература и искусство. Чтение произведений классиков русской литературы (А.С. Пушкина, Ф.М.

Достоевского, Л.Н. Толстого и др.) и знакомство с произведениями искусства помогают глубже понять душу русского народа, его стремления и мечты. Художественное слово вызывает у читателя яркий эмоциональный отклик, способствует сохранению русской национальной ментальности, пониманию духовных ценностей, самобытности национальной культуры. Эти цели становятся основой современного образования.

Важную роль в формировании и сохранении национальной идентичности играет родной язык как феномен национальной культуры, способствуя укреплению культурного наследия и взаимопонимания между людьми разных национальностей, осознанию своей принадлежности к определённой культуре, что является важным аспектом личностного и социального развития человека. Сохранить родной язык – значит сохранить уникальную самобытную культуру народа, его возможность самоопределения как особого этноса. *«Речь идет о сохранении, ни больше ни меньше, национальной идентичности, о том, чтобы быть и оставаться народом со своим характером, со своими традициями, со своей самобытностью, не утратить историческую преемственность и связь поколений. Для русских это означает быть и оставаться русскими. Но и не только в этом роль русского языка. Роль русского языка в такой многоликой, многонациональной, красивой стране, как Россия, еще и в том, чтобы создавать единую российскую нацию, быть языком межнационального общения»* [4].

Список литературы

1. Артамонова Е.И. Модернизация педагогического образования России в условиях XXI века / Язык и актуальные проблемы образования: Научные труды IV Международной научно-практической конференции / под ред. Е.И. Артамоновой, О.С. Ушаковой. – М.: ИУУ МГОУ, 2019. – С. 3-9.
2. Воителева Т.М. Русский язык как инструмент культурной идентификации личности // Язык и актуальные проблемы образования: Научные труды Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Международной академии наук педагогического образования / под ред. Е. И. Артамоновой. В 2-х частях. Ч.1. – М.: МАНПО, 2025 – 425 с.
3. Воителева Т.М. Reflection of the national linguistic world view in the school course "Russian as a native language" / E3S Web of Conferences 210, 18107 (2020)
4. Выступление Президента РФ В.В. Путина на Съезде Общества русской словесности 26 мая 2016 г. – URL: <https://www.patriarchia.ru/article/97645> (дата обращения 12.10.2025)
5. Леонтьев А.А. Путешествие по карте языков мира. – М.: Просвещение, 1990. – 148 с.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособ. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011.
7. Положенцева И.В. Правовые основания языковой политики в Российской Федерации / В сборнике: Русский язык – живой как жизнь. Сборник материалов в рамках проведения мероприятий, направленных на поддержку, сохранение и распространение русского языка. Москва, 2018. С. 60-65.
8. Указ Президента РФ от 9.11.2022 № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей” [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 10.01.2026).
9. Чернявская Ю. В. Народная культура и национальная традиция. – Минск, 1998.

Сведения об авторе

Воителева Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор, Государственный университет просвещения. E-mail: voitelev@yandex.ru

Information about the author

Voiteleva Tatyana Mikhailovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the State University of Education. E-mail: voitelev@yandex.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается роль русского языка и литературы как фундаментальных составляющих мирового культурного и интеллектуального пространства. Выступая с позиции школьного учителя, подчеркиваю важность сохранения гуманистического кода русской классики. В работе исследуются особенности русского языка, феномен «всемирной отзывчивости» литературы XIX века (Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов). Особое внимание уделяется вызовам современности и необходимости защиты национального культурного наследия.

Ключевые слова: русский язык, русская литература, мировое культурное пространство, гуманизм, преемственность, духовное наследие.

Goncharova I.V.

RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE IN THE GLOBAL CULTURAL SPACE

Abstract. This article examines the role of Russian language and literature as fundamental components of the global cultural and intellectual space. Speaking from the perspective of a school teacher, I emphasize the importance of preserving the humanistic code of Russian classics. The work explores the characteristics of the Russian language and the phenomenon of the "global responsiveness" of 19th-century literature (F. Dostoevsky, L. Tolstoy, A. Chekhov). Particular attention is given to contemporary challenges and the need to protect national cultural heritage.

Keywords: Russian language, Russian literature, world cultural space, humanism, continuity, spiritual heritage.

Принимая на себя смелость рассуждать о роли русского языка и литературы в мировом пространстве, я неизбежно начинаю с малого – с того тихого момента в школьном классе, когда после прочтения финальных глав «Преступления и наказания» или разбора духовных исканий Пьера Безухова в кабинете повисает особая тишина. Эта тишина – не отсутствие мысли, а её предельная концентрация. В этот момент школьник перестаёт быть просто «потребителем образовательных услуг» и становится причастным великой духовной традиции. Именно здесь, в школе, начинается тот путь, который ведет в университетские аудитории, а затем – в интеллектуальную элиту, которая может поведать миру о нашем великом, могучем языке и глубокой, эмоциональной литературе.

Сегодня мы живём в эпоху, когда вопрос о месте русской культуры в мире звучит не просто как теоретическая тема, но как жизненный вызов. Попытки «отмены» или дискриминации русской культуры, которые мы наблюдаем на мировой арене, заставляют нас заново осмыслить: что же именно мы несём человечеству? Как справедливо отмечает директор Института мировой литературы РАН Вадим Полонский, в периоды политической русофобии традиционно отмечается рост интереса к русской литературе, срабатывает своеобразный механизм компенсации: «Политическая русофобия рождает культурную русофилию» [6]. Почему без русской мысли мировая культура рискует потерять свою устойчивость?

Русский язык — это уникальная общезначимая система. Будучи одним из богатейших языков мира, он обладает поразительной способностью к синтезу. Как справедливо отмечают современные исследователи, например, в научных работах, опирающихся на труды Ю.Н. Караулова и М.М. Бахтина, наш язык выступает ключевым фактором гуманитарной интеграции и межнационального диалога, формируя единое культурное пространство [1]. В мировом контексте русский язык традиционно выполняет роль «языка-посредника». Это язык великой науки и философии, язык, на котором были сформулированы законы периодической системы элементов и принципы освоения космоса. Однако главная ценность нашего языка заключается в его «совестливости». В русском языке понятия «правда» и «истина» согреты человеческим теплом, справедливостью, воплощенными в жизнь. Для учителя в школе русский язык — это инструмент формирования личности, для мира — это уникальный способ структурирования реальности.

Говоря о литературе, мы, прежде всего, вспоминаем пророческие слова Ф.М. Достоевского о «всемирной отзывчивости» русской души. Наша классика никогда не была замкнутой в узконациональных рамках. Напротив, она всегда была открыта миру, впитывая достижения европейского и восточного гения, но переплавляя их в нечто совершенно новое. Почему в XIX веке русская литература совершила стремительный рывок, став из «ученицы» европейских традиций их законодательницей? Ответ кроется в особом гуманистическом пафосе.

Достоевский первым в мировой литературе заглянул в «подполье» человеческой души, предвосхитив экзистенциализм, психоанализ и все философские коллизии XX века. Фридрих Ницше признавал, что Достоевский был единственным психологом, у которого он мог чему-то научиться; именно у русского классика философ позаимствовал идею богочеловека, увидев в его произведениях то, на что способны «люди из низов» [5]. Томас Манн, Вирджиния Вулф, Альбер Камю — вся мировая интеллектуальная мысль прошлого столетия выросла из «проклятых вопросов» Ивана Карамазова. Камю признавался, что «Бесы» были одним из произведений, которые сформировали его, и потрясение от встречи с этим романом длилось десятилетиями [5].

Лев Толстой предложил миру новый эпос. Его «Война и мир» — это не просто исторический роман, а модель существования человечества. Идеи Толстого о ненасильственном сопротивлении злу легли в основу философии Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга. Как отмечается в культурологических исследованиях, его философско-публицистические работы, переведенные на главные европейские языки, создали ему репутацию пророка и «потрясателя основ», а его учение, вобравшее в себя западные и восточные влияния, было экспортировано обратно на Запад, найдя там благодатную почву [4].

Антон Чехов произвел тихую революцию, которую мировое искусство осознает до сих пор. Он научил нас видеть трагедию в обыденности. Без Чехова немислим современный мировой театр, от Беккета до Пинтера. Чехов относится к наиболее значимым в мире драматургам, он создал новые принципы драматического языка, оказав огромное влияние на европейский, американский, азиатский и африканский театр. Китайский писатель Го Можо подчеркивал, что влияние Чехова на новую литературу и искусство Китая поистине огромно, а его манера письма оказалась на редкость близкой восточному читателю [7].

Трагический двадцатый век стал испытанием для русской культуры, но и временем её небывалой экспансии. Русское зарубежье, «первая волна» эмиграции по всему свету разнесла семена русской культуры. Владимир Набоков стал уникальным примером писателя, который, сменив язык, не сменил культурного кода, привнес в англоязычную литературу русскую метафизическую глубину [2]. Внутри страны, в условиях жесточайшего идеологического давления, русское слово продолжало свою миссию спасения духа. Александр Исаевич Солженицын в «Архипелаг ГУЛАГ» описал историческую трагедию и заставил мир задуматься о природе тоталитаризма, совершив акт морального очищения, повлиявший на сознание миллионов людей [3].

Иосиф Бродский, выступая с Нобелевской речью, подчеркнул, что литература – это не приложение к истории, а её цель. Он доказал, что русский язык способен синтезировать классическую античность, английскую метафизику и русскую духовность, создавая новое глобальное поэтическое пространство. В Нобелевской лекции он сформулировал ключевое кредо поэта: «язык не является его инструментом, а он — средством языка». Как отмечают исследователи, изгнание стало для него величайшей возможностью стать не только русским, но и всемирным поэтом [2].

Сегодня роль русского языка и литературы в мировом пространстве – это роль адвоката человечности, напоминание миру о том, что человек сложнее любой схемы, что страдание может очищать, а милосердие выше справедливости. Попытки вычеркнуть русскую культуру из мирового канона обречены на провал, потому что невозможно вынуть фундамент, не разрушив всё здание. Нельзя понять европейскую музыку без Чайковского и Рахманинова, современную живопись без Кандинского и Малевича, театр без Станиславского, и, конечно, мировую мысль без Пушкина.

Наше наследие – это не застывший музей, а живая, пульсирующая энергия. Мы, педагоги, являемся проводниками этой энергии. Русский язык и литература делают нас интересными и нужными миру вне зависимости от политики. Пока в мире читают «Братьев Карамазовых», пока звучат стихи Цветаевой и музыка Прокофьева, Россия остается духовным полюсом человечества. Пусть наши усилия служат одной великой цели: процветанию нашего слова, которое, по завету Анны Ахматовой, мы обязаны сохранить «чистым и свободным». Ведь в начале было Слово, и в конце, когда осядет пыль эпох, останется именно оно — великое, вечное, русское.

Список литературы

1. Гафурова С. Русский язык – мост, соединяющий народы: научный и социокультурный анализ [Электронный ресурс] // zenodo.org. 27 апреля 2025. – URL: <https://zenodo.org/records/15289132> (дата обращения 20.04.2026)
2. Гений одиночества. Иосиф Бродский [Электронный ресурс] // shukshina.blogs.donlib.ru. – 24 мая 2020. – URL: <https://shukshina.blogs.donlib.ru/genij-odinochestva-iosif-brodskij/> (дата обращения 20.04.2026)
3. ИА Красная Весна. Эксперт о Солженицыне: он оскорбил Победу [Электронный ресурс] // rossaprimavera.ru. – 15 декабря 2018. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/df5b2088> (дата обращения 20.04.2026)
4. Из России мессия: толстовство на западный манер / Газета «Культура» [Электронный ресурс] // portal-kultura.ru. 25 августа 2024. – URL: <https://portal-kultura.ru/articles/books/363978-iz-rossii-messiya-tolstovstvo-na-zapadnyu-maner/> (дата обращения 20.04.2026)
5. Как Федор Достоевский изменил мир [Электронный ресурс] // livelib.ru. – 25 октября 2021. – URL: <https://www.livelib.ru/articles/post/87556-kak-fedor-dostoevskij-izmenil-mir> (дата обращения 20.04.2026)

6. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. На заседании Совета Федерации выступил директор Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН В. Полонский [Электронный ресурс] / council.gov.ru. – 27 января 2026. – URL: <http://council.gov.ru/events/news/172315/> (дата обращения 20.04.2026)

7. Чеховедение [Электронный ресурс] / ru.wikipedia.org. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B5%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B> (дата обращения 20.04.2026)

Сведения об авторе

Гончарова Ирина Викторовна – учитель русского языка и литературы МОУ СОШ № 2.
E-mail: goncharova-oki@mail.ru

Information about the author

Goncharova Irina Viktorovna – Teacher of Russian Language and Literature at Secondary School No. 2. E-mail: goncharova-oki@mail.ru

Горюнова Н.В., Прокудина М.С.

УДК 316.74

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ И ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: НА ПРИМЕРЕ СЛУЖЕНИЯ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Аннотация. Одна из самых актуальных проблем нашего времени — кризис ценностей, особенно ярко проявляющийся среди молодёжи. Для России вопрос патриотического воспитания как ключевого фактора формирования системы ценностей, нравственных и политических убеждений, приобретает особую значимость. Патриотическое воспитание, основанное на традициях российского казачества, имеет большое значение для развития личности гражданина и защитника своего Отечества. Казачья культура подчёркивает такие ценности, как мужество, преданность, долг перед Родиной и уважение к традициям. Она также акцентирует внимание на патриотизме, любви к родной земле и готовности защищать её интересы. Казачья культура имеет большое значение для становления личности гражданина и защитника Родины, передавая ценности, развивая навыки и укрепляя патриотические чувства. Внедрение программ патриотического воспитания, основанных на этих принципах, позволит повысить гражданскую активность и стремление защищать общественные интересы.

Ключевые слова: патриотизм, традиционные ценности, казачья культура, патриотическое воспитание, религия, гражданственность, личность, Отечество.

Goryunova N.V., Prokudina, M.S.

PATRIOTIC AND EDUCATIONAL MISSION OF RUSSIAN CULTURE: ON THE EXAMPLE OF THE SERVICE OF THE RUSSIAN COSSACKS

Abstract. One of the most pressing issues of our time is the crisis of values, which is particularly evident among young people. For Russia, the issue of patriotic education, as a key factor in shaping a system of values, moral principles, and political beliefs, is of utmost importance. Patriotic education, based on the traditions of the Russian Cossacks, plays a crucial role in developing the individual as a citizen and defender of their homeland. The Cossack culture emphasizes values such as courage, loyalty, duty to one's country, and respect for tradition. It also emphasizes patriotism, love for one's homeland, and a willingness to defend its interests. Cossack culture is of great importance for the formation of a citizen's personality and the defense of the Motherland, passing on values, developing

skills, and strengthening patriotic feelings. The implementation of patriotic education programs based on these principles will increase civic engagement and the desire to protect public interests.

Keywords: patriotism, traditional values, Cossack culture, patriotic education, religion, citizenship, personality, Fatherland.

Одной из наиболее острых проблем современности является кризис ценностей, особенно обострившийся в молодежной среде. Для России проблема патриотического воспитания как важнейшего фактора формирования системы ценностей, нравственных и политических принципов становится особенно актуальной. Мы проанализируем содержание патриотического воспитания на основе традиций российского казачества, его государственную направленность и организационные элементы.

В ноябре 2022 года Президент России подписал Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5]. Документ закрепляет нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности. 25 января 2023 года был подписан Указ «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики», который направлен на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей [6]. Эти законы являются основаниями для государственного планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и определяют систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации констатируется возрождение традиционных российских духовно-нравственных ценностей и консолидация общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм [4]. Сохранение традиционных ценностей названо одним из национальных интересов на долгосрочную перспективу. Для России особенно актуальной становится проблема патриотического воспитания как важнейшего фактора формирования системы ценностей, нравственных и политических принципов, социального чувства, содержанием которого является любовь и преданность Отечеству. В современном, усложняющемся мире наблюдается усиление негативных тенденций, в том числе «размывания» суверенитета, кризиса традиционных ценностей, деструктивного воздействия информации. Их последствия особенно опасны для сложных по своим

внутренним параметрам государств и для наиболее восприимчивой и мобильной части общества – молодежи, что признается в российских официальных документах [7].

Исследование 70 млн аккаунтов российских интернет-пользователей в возрасте от 18 – 35 лет, проведённое негосударственным институтом развития «Иннопрактика», показало, что сегодня у молодёжи недостаточно сформированы ценности патриотизма и единства народов России. Именно традиционные ценности, по мнению руководителя спецпроекта Лаймы Лемэр, наиболее важны для существования стабильного и осознанного общества. Предупреждение и минимизация таких рисков являются обязанностью различных учреждений, в том числе организаций образования, деятельность которых немыслима без аксиологической составляющей – духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания обучающихся.

Сегодня основные каналы доставки цифрового контента принадлежат иностранным компаниям. Современные социальные сети, видеохостинги и поисковые системы могут оказаться высокоэффективным средством информационно-психологического влияния, формируя и направляя определённую информационную повестку, насаждая чуждую российскому народу и разрушительную для нашего общества систему идей и ценностей или деструктивную идеологию. Идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей – деструктивной идеологии, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству.

Для любящего родину человека очевидна опасность идеологии, которая предполагает упразднение неповторимых национальных и культурных особенностей народов нашей страны и несет в себе очевидную угрозу нового универсального тоталитаризма [7, с. 182]. Патриотическое воспитание, основанное на традициях российского казачества, играет важную роль в формировании личности гражданина и защитника Отечества. Казачья культура воплощает в себе ценности мужества, преданности, долга перед Родиной и уважения к традициям. Она акцентирует внимание на патриотизме, любви к родному краю и готовности к защите его интересов.

Одним из ключевых аспектов казачьей культуры является уважение к труду и самоотверженность в служении обществу. Казаки известны своей готовностью прийти на помощь в трудные времена, защищать мирное население и территорию страны. Эти качества становятся важным образцом для подражания и вдохновляют молодежь на активное участие в жизни общества. Казачьи обычаи, песни, танцы, истории и легенды передаются из поколения в поколение, сохраняя и укрепляя национальную идентичность и чувство гордости за свою страну. Это культурное наследие стимулирует гражданскую активность, участие в общественной жизни и защиту общественных интересов. В глобализованном мире межкультурное взаимодействие играют важную роль, сохранение и развитие казачьей культуры помогает сохранить уникальные черты национальной идентичности, обогатить общественный диалог и укрепить взаимопонимание между различными культурными группами.

Роль казачьей культуры в патриотическом воспитании заключается в передаче традиций и ценностей, а также в формировании активного гражданского статуса и готовности к защите Отечества. [3] Высокий уровень патриотического сознания призван стать фактором гражданской консолидации и повышения геополитической

конкурентоспособности России. Многонациональный характер российского общества, особенности территориально-административного деления, различие в политическом и социально-экономическом положении его регионов бросают вызов существующей системе патриотического воспитания, которая не отвечает современным социальным реалиям и не учитывает особенности менталитета современной молодежи. Сегодня в российском обществе очевидна потребность в развитии идей активной гражданской позиции, инициативного поведения и гражданского участия молодежи.

Проблема патриотического и нравственного воспитания всегда была в центре внимания государства, общества, ученых и педагогов. Вопросы патриотического воспитания тесно связаны с обеспечением социальной стабильности, укреплением государства, духовной безопасностью страны, созданием системы непрерывного образования, направленного на духовно-нравственное развитие личности [4].

Патриотическое воспитание в современной России представляет дело государственной важности; лишь немногие аспекты нравственного воспитания в последнее время привлекали пристальное внимание со стороны государственных чиновников и педагогов-практиков. Приоритетность патриотического воспитания была подчеркнута конкретными государственными патриотическими программами с серьезным бюджетным финансированием, такими как государственная программа "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы" [1] и Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование», рассчитанный до 2024 г.

Как отмечается в Концепции, патриотизм – это особая форма самореализации и социального поведения граждан, основными критериями которой являются любовь и служение Отечеству, обеспечение суверенитета России, ее национальной безопасности и устойчивого развития. Это чувство должно быть смыслом жизни для всех социальных групп и слоев. Социальная конструкция современного российского патриотизма строится на базе исторических корней; она представлена как принципиальная черта своеобразного русского национального характера, основными чертами которого являются гуманистическая направленность, соборность и упорядоченность, примат коллективных начал, веротерпимость, особая любовь к русской природе.

Патриотическое воспитание, как часть общеобразовательного процесса, представляет собой планомерную и целенаправленную деятельность институтов государства и гражданского общества, включающую функциональные, социальные, организационные и другие аспекты, пронизывающую все сферы жизни – социально-экономическую, политическую, духовную, и все структуры, влияющие на образование, культуру, историю, государство и нацию.

В современной России дискуссия о патриотизме приобрела большую актуальность, рост патриотического сознания декларируется государством как необходимое условие гражданской консолидации русской нации и неотъемлемая часть становления сплоченной и уверенной в себе России, способной усилить его конкурентоспособность на мировой арене. Социологи отмечают изменение ценностного содержания понятия «патриотизм» в молодежной среде. Многие молодые люди готовы виртуально демонстрировать патриотизм или осуществлять свою патриотическую деятельность, соответствующую рыночной этике. Эмпирические исследования показывают, что индивидуальные цели остаются на первом плане по

сравнению с локальными или национальными проблемами. Вербально выраженный патриотизм молодежи часто сочетается с желанием покинуть страну, чтобы избежать жизненных трудностей, нищеты и «невыгодности». Патриотизм становится «услугой», которую молодые граждане готовы оказать своей стране за символическую или материальную плату, «обязательная» или «бесплатная» форма патриотизма, такая как служба в армии, не находит поддержки среди молодежи.

Все вышеперечисленные особенности российского патриотического дискурса находят яркое отражение в государственной системе патриотического воспитания, представляющей собой символический идеологический барометр общества. Фактическое усиление интереса государственной власти и гражданского общества к патриотическому воспитанию, видимый возврат к прежним воспитательным практикам обосновывают необходимость оценки и анализа системы патриотического воспитания, особенно с точки зрения ее основного «потребителя» – россиян.

В настоящее время, когда в общественной жизни наблюдается возрождение интереса к патриотическому воспитанию молодежи, основная тяжесть этих трудов должна ложиться на образовательную систему государства. В то же время любовь к отечеству в православном понимании является любовью не только к своему народу, как к хранителю вековой православной культуры и благочестия, но и любовь и уважение ко всем другим народам, населяющим наше государство, ибо в этом заключается исполнение заповеди о любви к ближнему. Для православного христианина ближний – это человек, который совсем не обязательно должен разделять наши религиозные убеждения, хотя ближним он от этого не перестаёт быть.

Россия – многонациональная и поликонфессиональная страна. Отмечая особую роль православия в становлении и укреплении традиционных ценностей, необходимо отметить, что и ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан.

Религиозная сторона патриотизма в русском его проявлении должна считаться определяющей в процессе воспитания молодежи. Без религиозной составляющей патриотизма невозможно объяснить многие проявления этого чувства в истории нашего государства. Религиозные начала жизни сформировали особый менталитет русского народа. По мысли современных исследователей этнографии, в ходе исторического процесса в среде простого народа термин «русский» приобрел характер не столько этнический, сколько конфессиональный и был почти синонимом слова «православный». [2, с. 504] Патриотизм православного христианина должен быть действенным. Он проявляется в защите отечества от неприятеля, труде на благо отчизны, заботе об устройении народной жизни, в том числе путем участия в делах государственного управления. Христианин призван сохранять и развивать национальную культуру, народное самосознание» [8, с. 38].

Религия оказывает огромное влияние на становление и развитие личности, она формирует целостное мировоззрение, чёткое представление о смысле своей жизни. Наше государство считает, что религия является важной частью современного общества. Строятся новые церкви, в школьные программы вводятся предметы, посвящённые религии. Благодаря информационной политике государства, молодёжь

стала интересоваться религией, при этом она готова отмечать праздники всех конфессий, придерживаться общеэтических норм и правил. Религия всегда существует в конкретном культурно-историческом контексте и зачастую служит основой для создания различных культур и даже цивилизаций. Религиозные ценности органично входят в национальную культуру народа. При этом отношении молодёжи к религии неоднозначно. Хотя значительная часть людей придерживается религиозных традиций, но другая относится к духовенству скептически либо равнодушно.

В системе ценностей казачества первое место справедливо отводят православной вере. Православие пронизывало многие стороны жизни казачьего войска, станичной общины, семьи. Казачество хранит самые высокие духовные и нравственные ценности. Православие определяло жизненный путь казака с первого дня земной жизни, от крещения до отпевания при отходе его в мир иной, формировало мировоззрение и весь ежегодный круг обрядов. Основу морально-нравственных устоев казачества составили десять Христовых заповедей. Приучая детей к соблюдению заповедей Господних, родители по-простому поучали их. Таким образом, православная религия определяла всю жизнь казака с рождения и до самой его смерти.

Русская православная церковь всегда видела в казаках защитников Православия. Церковь окормляет казачество повсеместно и контролирует на самом высоком церковном уровне. Высший Церковный Совет Русской Православной Церкви 9 сентября 2015 года принял Концепцию Русской Православной Церкви по духовному окормлению казачества, в которой сказано: «Казачья служба духовно коренится в ясном чувстве принадлежности к Православной Церкви, осознании личной ответственности перед Богом, активном участии в жизни приходской общины. На поддержание такой духовной основы казачьей жизни и направлена деятельность Русской Православной Церкви по духовному окормлению казачества». [3]

Реализация патриотического воспитания на основе традиций российского казачества включает в себя несколько ключевых аспектов. [3]

1. Обучение и пропаганда казачьих ценностей. Широкое распространение знаний о ценностях казачьей культуры, таких как мужество, преданность, уважение к традициям и готовность к служению обществу. Это может осуществляться через образовательные программы, медиакампании, культурные мероприятия и т. д.

2. Поддержка казачьих обществ и организаций. Государственная поддержка казачьих обществ и организаций, которые играют важную роль в сохранении и передаче культурного наследия. Это может включать финансовую помощь, организацию культурных мероприятий, развитие казачьих школ и т. д.

3. Интеграция казачьей культуры в образовательный процесс. Включение элементов казачьей культуры в учебные программы школ и вузов для формирования патриотических чувств и гражданской ответственности у студентов.

4. Организация патриотических и казачьих мероприятий. Проведение праздников, выставок, концертов и других мероприятий, нацеленных на прославление казачьей культуры и истории, чтобы поддерживать чувство гордости за родину.

5. Поддержка казачьей молодежи. Создание программ поддержки и развития казачьей молодежи, направленных на формирование их гражданской и патриотической активности, а также на развитие лидерских качеств.

б. Межкультурный обмен. Организация мероприятий и программ межкультурного обмена, чтобы укрепить взаимопонимание и диалог между различными культурными группами, включая казачью культуру.

Реализация этих мер поможет укрепить патриотические чувства граждан и подготовить активных защитников Отечества, вдохновленных казачьими ценностями и традициями. В рамках казачьей культуры формирование личности гражданина и защитника Отечества осуществляется через передачу и укрепление определенных ценностей, обычаев и исторических навыков. Казачья культура пропагандирует уважение к традициям, истории и ценностям, таким как мужество, преданность, долг перед Родиной и готовность служить обществу. Через обучение и практику этих ценностей человек укрепляет свою гражданскую идентичность и готовность защищать свою страну. Казаки и их традиции всегда отличались готовностью служить обществу и приходить на помощь в трудные времена. Поддержка таких принципов формирует в человеке готовность к самоотверженному служению и участию в жизни общества.

Казачья культура, являясь частью великой русской культуры, воспитывает любовь к родной земле и готовность защищать её интересы. Через песни, легенды и обычаи передается чувство гордости за свою страну и народ, что способствует формированию патриотических чувств. Казачья культура часто связана с лидерством и ответственностью перед обществом [9]. Участие в казачьих мероприятиях и общественных инициативах способствует развитию лидерских качеств и гражданской активности. Традиционно казаки обладают навыками выживания и защиты своей территории. Обучение таким навыкам может укрепить чувство уверенности в себе и готовности к защите своего Отечества. В целом, казачья культура играет важную роль в формировании личности гражданина и защитника Отечества через передачу ценностей, развитие навыков и укрепление патриотических чувств. Реализация программ патриотического воспитания на основе этих принципов поможет укрепить гражданскую активность и готовность защищать общественные интересы.

Список литературы

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы»
2. Громько М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000.
3. Калита В.В., Положенцева И.В. Системные принципы поддержки и развития культуры казачества в условиях современной социокультурной среды России / В сборнике: Церковь и казачество: соработничество на благо Отечества. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2025. С. 177-184. – EDN: VANWHS
4. Положенцева И.В., Аралова Е.В., Кащенко Т.Л., Юлина Г.Н. Философские основы духовности. Сер. Научная мысль. Москва, 2021. 262 с. – DOI: 10.12737/1111368
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»
6. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808»
7. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»
8. Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., 2000.
9. Шафажинская Н. Е., Юлина Г. Н. Специфика становления этнокультуры и этнопсихологии казачества в исторической ретроспективе и современности. – М. – 2021.

Сведения об авторах

Горюнова Наталья Викторовна – заместитель декана факультета социально-гуманитарных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: n.gorynova@mgurm.ru

Прокудина, Марина Сергеевна – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: m.prokudina@mgutm.ru

Information about the authors

Goryunova Natalia Viktorovna – Deputy Dean of the Faculty of Social and Humanitarian Technologies, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: n.gorynova@mgurm.ru

Prokudina Marina Sergeevna – Senior Lecturer of the Pedagogy and Psychology of Vocational Education Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: m.prokudina@mgutm.ru

Давыдова О.А.

ИСКОННЫЕ СЛОВА С КОРНЯМИ – НАЗВАНИЯМИ ДРУГОГО ГОСУДАРСТВА (-КИТАЙ-)

Аннотация. Статья посвящена лексемам русского языка с корнями –*китай-* (*китаец, китаист, китайка* и др.), а также словам, заимствованным из европейских языков, в которых корень –*китай-* представлен в другой огласовке: *-син-, -шин-, -чайн-* и др. Наряду с непосредственными заимствованиями из китайского языка (*чай, женьшень, дао* и др.) они существенно пополнили лексический состав и имеют в современном русском языке многочисленные дериваты. В составе нашего языка есть слова с названиями китайских городов (*шанхай, нанка, пекин* и др.)

Ключевые слова: исконная лексика, заимствование, китаизм, освоение заимствований, толковый словарь.

Davydova O.A.

NATIVE WORDS WITH ROOTS ARE THE NAMES OF ANOTHER STATE (-KITAY-)

Abstract. The article is devoted to lexemes of the Russian language with the roots –*kitay-* (*kitaec* (Chinese), *kitayra* (cloth), etc) as well as words borrowed from European languages in which the root –*kitay-* is represented in a different pronunciation: *-sin-, -shin-, -chine-, etc.* Together with direct borrowings from the Chinese language (*chay* (tea), *zenshen* (ginseng), *dao* (tao), etc.), they have significantly expanded the lexical composition and have numerous derivatives in modern Russian. Our language contains words with the names of Chinese cities (*shanghai, nanka, pekingese*, etc.)

Keywords: native vocabulary, borrowing, Sinoism, mastering borrowings, explanatory dictionary.

Как известно, русский язык относится к тем языкам, которые, кроме исконной лексики в ее постоянном развитии, активно пополняется за счет заимствований, причем из самых разных, порой очень далеких по родству языков: *гейзер* [исланд. *geyser*] 1. ‘Источник вулканического происхождения, выбрасывающий через определённые промежутки времени фонтаны горячей воды и пара’ / ‘О том, что действует как такой источник’. 2. ‘Трубка с колпачком, позволяющая автоматически выпускать избыточный пар из сосуда с кипящей водой’ [2]; *гусар* [венг. *Huszar*] ‘В российской

армии и армиях некоторых стран 17 – 20 вв. Солдат или офицер из частей лёгкой кавалерии'[2]; *як* [тибет. *jad*] 'Крупное жвачное рогатое млекопитающее с длинной шерстью (обитает в высокогорных районах Центральной Азии; используется как вьючное и верховое, а иногда как молочно-мясное животное)' [2] и др. Часто слова, особенно из «экзотических» языков, попадают в русский язык не непосредственно, а через языки-посредники: *зомби* [англ. *zombie* из африкан. *zumbi* амулет, талисман]. 1. 'В поверьях населения Западной Африки и Антильских островов: оживлённый в помощью колдовства мертвец, полностью лишённый человеческих чувств и выполняющий любые приказания своего хозяина'. 2. *Разг.* 'О человеке, готовом слепо, без рассуждений исполнить волю других людей' [2].

В данной публикации мы рассмотрим слова, связанные с Китаем, но не непосредственные заимствования из китайского языка [4] (*чай, женьшень, хунвейбин* и др.), а связанные с китайским языком, историей страны, то есть имеющими корень - *китай-* и его эквиваленты в других европейских языках.

Прежде всего, о названии страны. Если обобщить разные источники, то русское название произошло от наименования территории северо-восточных провинций современного Китая, Внутренней и Внешней Монголии, где находились земли, захваченные воинственным кочевым племенем *кидани*. Через монголов слово, название народа, попало на Запад, где им обозначили северную часть расколотого тогда Китая, южная часть территории именовалась *Чин* (*Чина*). Северный Китай обозначали словами *Китайя, Сатай, Хатай, Кидани*. Южную часть – *Чин, Цинь, Син, Чжина, Манзи, Манци*. Россия, имевшая отношения со страной по сухопутному пути через северо-западные земли, восприняла название *Кидани*, которое, преобразовавшись в монгольских, а потом тюркских языках, сначала приобрело вид *Катай*, потом *Китай* стал обозначением для всей страны. Считается, что слово известно в русском языке с XV в. [18].

В каких же русских названиях есть отголоски названия страны. В современных больших академических словарях зафиксировано 10 лексем с корнем -*китай-*: *китаевед, китаеведение, китаист, китаистика, китайский, по-китайски, китайцы, китаец, китаянка, китайчонок* [16, 5: 976 – 977; 1, 8: 82 – 84], причем, в выходящем сейчас словаре словарные статьи большинства слов изменены и расширены, особенно лексема *китайский*. Приведены устойчивые сочетания слов: *китайский болванчик* 'Традиционное фарфоровое изделие – сидящая мужская фигурка с ритмично покачивающейся головой'; *китайский фарфор* 'Высший сорт фарфора, изготавливаемый в Китае; посуда из этого фарфора'; *китайский фонарь (фонарик)* 'Фонарь (фонарик), каркас которого обтянут разноцветной полупрозрачной бумагой'; *китайский чай* 'Сорт чая, первоначально привозившегося из Китая'; *китайские тени* 'Движущиеся изображения, силуэты, получаемые на какой-л. поверхности (экране), получаемые с помощью проекционных устройств, приспособлений' [1, 8: 83]. В предыдущем издании словаря были еще *китайский орех* 'То же, что земляной орех' (в говорах *китайские орехи* 'Грецкие орехи' [14, 13: 24] и *китайская тушь* 'Сорт водяной краски, главным образом черной' [16, 5: 977]. В русских говорах закрепились устойчивые сочетания: *китайский жемчуг* 'Крашенный перламутр'; *китайский рубль* 'Условная цена товаров в Китае без наложения таможенной пошлины, приблизительно относится к русскому рублю как 3: 1'; *китайский сахар* 'Леденец' и *китайский*

сарафан ‘То же, что китаечник’ (*китаечник* ‘Сарафан из ткани китайки; кососшитый сарафан из одноцветной ткани’ [14: 13: 241].

В современном русском языке несколько фразеологизмов с компонентами, имеющими рассматриваемый корень: *китайская, тарабарская грамота* ‘О чем-л. недоступном пониманию, совершенно непонятном, незнакомом’ [1, 4: 375]. Они отражены во фразеологических словарях: *китайская тарабарская грамота* ‘Что-либо совершенно непонятное, в чем трудно разобраться’ [21: 119]; *Разг.* ‘Что-либо трудное или недоступное для понимания’ [19]; *китайские церемонии* *Шутл.* или *ирон.* ‘Излишнее, преувеличенное проявления вежливости, чрезмерное проявление условностей’ [1, 8: 83]; *Шутл, ирон.* ‘Излишнее проявления вежливости, излишние условности в отношениях между людьми’. [21: 514]; *Шутл. Ирон.* ‘Чрезмерная вежливость, излишние условности в отношениях между людьми’ [19]; *китайская стена* ‘О полной изолированности от внешних влияний (от названия древней стены, отделявшей Китай от Монголии)’ [1, 8: 83]; ‘Непреодолимая преграда, полная изолированность от кого-либо или чего-либо’ [21: 455]; *Экспрес.* ‘Непреодолимая преграда, изолирующая от кого-либо или чего-либо’ [19]. Этот фразеологизм используется и как экономический (банковский) термин: *китайская стена* ‘Условное название действий, мероприятий, проводимых брокерской фирмой для предотвращения излишнего распространения конфиденциальной информации’ [13], *китайская стена (Chinese wall)* ‘Воображаемый информационный барьер между различными отделами компании, например между отделом формирования рынка фондовой брокерской фирмы и ее брокерским отделом’ [20.]. Характерен фразеологизм и для уголовных жаргонов: *китайская стена* *Шутл.-ирон.* 1. *Жарг. арест.* ‘Основное ограждение ИТУ’. 2. *Разг.* ‘Кремлёвская стена’. 4. *Жарг. угол., мол.* ‘Безвыходное положение’. > От названия колоссальной каменной стены в северном Китае, протянувшейся на 6000 км [9].

Во фразеологических словарях отражено устаревшее название: *китайская трава* *Устар.* ‘Чай’ [19] и новый фразеологизм: *белый китаец* ‘Сильнодействующий синтетический наркотик белого цвета’ [11: 1, 806]; жаргонный фразеологизм *скинуть (задвинуть, загнать) китаюку* кому *Жарг. Ж/д* ‘Выдать пассажиру использованное постельное белье’. Возможно, по сходству цвета кожи китайцев и нестиранного белья (желтому) [9: 287]. И диалектный фразеологизм *Китай поднимается. Влад. неодобр.* ‘Готовится что-то недоброе, приходит несчастье’ [14, 13: 240].

Все ли это слова и выражения с корнем –*китай* -, которые существовали в русском языке? Конечно, нет. В разные годы словарями отмечены еще слова: *китайщина* ‘Мертвящий, узкий национализм, страх перед иноземным, крайний консерватизм, преклонение пред традицией’ [8: 417], новые: *китаефил* ‘Любитель всего китайского (языка, культуры, обычаев и т.п.)’ [11: 806]; *китайскоговорящий* ‘Говорящий на китайском языке, использующий китайский язык в качестве основного при общении с людьми других национальностей’ [11: 807] и др. и устойчивые выражения для обозначения коронавирусной инфекции COVID-19: *китайская чума, китайский вирус, китайский коронавир, китайский коронавирус* [15,1: 161].

В любом языке, в том числе и в русском, есть слова и выражения с корнями, названиями стран, их частей, их городов и жителей, которые связаны с указанными названиями только этимологически: *альяска* *разг.* ‘Утеплённая куртка на меху’ [6];

турка ‘Небольшой, сужающийся кверху сосуд с длинной ручкой для варки кофе; джезва’ [2]; *шотлэндка* ‘Ткань с рисунком в клетку из цветных нитей’ [2] и др.

Таким словом с корнем *–китай–* является одно из ранних по времени появления слово *китайка*. Если первоначально его значение было связано с названием страны-производителя, что отражали словари начала XIX в.: ‘Ткань из хлопчатой бумаги, происходящая началом своим из Китая’ [17: 174], то в конце XIX в. ткань производили в России и уже экспортировали в Китай: ‘Гладкая бумажная ткань синего, красного и зеленого цветов, выделяемая в Москве и Казани для отправления в Китай’ [12: 247]. Первый советский академический словарь отразил одно слово с двумя значениями: 1. ‘Плотная, преимущественно синяя ткань, первоначально шелковая, ввозившаяся из Китая, потом хлопчатобумажная, производившаяся в России’. 2. ‘Морозоустойчивый вид яблони с небольшими плодами’ [16, 5: 976]. Теперь в словаре два многозначных слова: *китайка* 1. ‘В старину – шелковая ткань, ввозившая в Россию из Китая’. 2. ‘Плотная, хлопчатобумажная ткань, обычно синего цвета, производившаяся в России’; 2. *китайка* 1. ‘Морозоустойчивый вид яблони с небольшими плодами’. 2. ‘Плоды такой яблони’ [1, 8: 82]. Если второе слово впервые зафиксировано в академическом словаре 1956 г., но первое известно много веков и отражено уже в материалах древнерусского языка И.И. Срезневского, а потом во всех толковых словарях XIX – начала XXI в.

Первое слово представлено большим количеством примеров в корпусе русского языка в текстах разных стилей и жанров: *Мы видели, что главные произведения, из Китая в Россию привозимые, суть товар бумажной, то есть китайки и дабы (даба – ‘Китайская бумажная ткань (преимущественно синего цвета)’ [1,4: 485]; сейчас оценивается как устар. [от китайск. dabu — грубый холст]; Устар. ‘Китайская бумажная ткань (обычно синего цвета)’ [2]. – О.Д.), чай, шелковые ткани и шелк сырец и сученой; мы видели, что **китайки** и чай употребляемы не токмо в Сибири, но и в России, что шелк почти единственно расходился на Московских мануфактурах, что дабы, фанзы (фанза ‘Китайская шелковая материя, напоминающая тафту’ [16, 16: 1243]. – О.Д.) все почти расходились в Сибири, а голи и прочей шелковой товар отвозился частью в Россию, частью расходился в Сибири. [Радищев А.Н. [Письмо о китайском торге] (1792)]; *Разложил на столе подарки: сукна на шубу, черный платок драдедамовый (драдедам ‘Старинное тонкое сукно’ [1, 5: 356]), **китайки** на сарафан, икры бурак, сахару голову, чаю фунт, своих пчел сот меду. [Мельников-Печерский П.И. В лесах. Кн. 1-ая (1871)]; Она была разодета в яркий сарафан из **китайки** с желтыми разводами по красному полю и кокетливо закрывала нижнюю часть лица концами красного кумачного платка, кое-как накинутого на голову. [Мамин-Сибиряк Д.Н. Три конца (1890)] и др. [10].**

Исследователи русской моды отмечали; «Ткань широко использовалась в среде крестьянства, городской бедноты для шитья сарафанов, рубах, а также покрытия шуб, шушунов» [7: 128]. Вполне закономерно, что *китайкой* называли и сарафан, сшитый из этой ткани: *Он – в суконной поддевке и в картузе, надвинутом на брови, она – в кубовом платке, в синей **китайке** с оловянными пуговками на золотисто-желтой прокладке от груди до подола. [Гладков Ф.В. Повесть о детстве (1948)] [10] и др., но чаще всего такой сарафан назывался однокоренными словами: *китаечник* ‘Сарафан, сшитый из китайки’ [17: 174], у Даля: *китайник, китаечник, китаечница* [5], сейчас в*

словаре русских говоров: *китаечник* 1. ‘Сарафан из ткани китайки; кососшитый сарафан из одноцветной ткани’; а также *китаечница*, *китайник*, *китайничек*, *китайка*, *китаечна*, *китайня* [14, 13: 240-241]. Закономерны прилагательные со значением ‘Сделанный, сшитый из китайки (в 1-м знач.)’, которые сейчас расцениваются как устаревшие: *китайчатый Устар.* ‘Относящийся к китайке (китайка 1), сшитый и нее’ [1, 8: 84]; *китаечный Устар.* ‘То же, что китайчатый’ [1, 8: 82], а в говорах еще *китайковый*, *китайный* и *китайчовый* [14, 13: 240].

Из уже приведенных примеров видно, что предметом торговли с Китаем были разные виды материи, вместе с товарами в русский язык вошли их названия – китайские слова, которые просуществовали в русском языке несколько веков: *китайка*, *даба*, *фанза*. В эту группу входит и слово *нанка* ‘Сорт грубой хлопчатобумажной ткани из толстой пряжи желтого и других цветов’ [16, 8: 350-351]. Ткань мало чем отличалась от *китайки*, что отмечали лексикографы: ‘Бумажная ткань, начально китайская, почему и называлась также китайкою’ [5]. Измененную в новом академическом словаре дефиницию ‘Плотная хлопчатобумажная ткань, обычно буровато-желтого цвета, используемая для изготовления наждачного полотна, при пошиве меховых изделий, головных изделий и т.п.’ [1, 11: 254] вряд ли можно признать удачной, так как *нанка* шла на пошив недорогой, очень прочной одежды, о чем свидетельствует большое количество примеров употребления прилагательного *нанковый* в национальном корпусе: *Барин уже ехал возле него, одетый, на дрожжах – травяно-зеленый нанковый стюртук, желтые штаны и шея без галстука, на манер купидона!* [Гоголь Н.В. Мертвые души (1842)]; *Служили в теплой церкви, о чем можно было догадаться по сидевшему около ее входа слепому старику-монаху, в круглой скуфейке и худеньком черном нанковом подряснике, подпоясанном ремнем.* [Писемский А.Ф. Тысяча душ (1858)]; *И одеться ему было не во что: один вицмундир и двое брюк, из которых одни нанковые для лета, — вот весь его гардероб.* [Гончаров И.А. Обрыв (1869)]; *Дома Таусья ходила в синем нанковом сарафане с обшитыми желтой тесемочкой проймами.* [Мамин-Сибиряк Д.Н. Три конца (1890)], причем *нанковую* одежду носили и далеко не бедные персонажи: *В воскресенье он (Н.В. Гоголь. – О.Д.) пил кофий с нами и приходил в полном параде, в светло-желтых нанковых панталонах, светло-голубом жилете с золотыми пуговицами и в темном синем фраке с большими золотыми пуговицами и в белой пуховой шляпе.* [Смирнова-Россет А.О. Из «Воспоминаний о Гоголе» (1877)]. [10].

Нам же слово *нанка* интересно тем, что оно образовано от названия китайского города *Нанкин*, видимо, название ткани пришло в русский язык из французского: «Из франц. *pankin* или нем. *Nanking* от названия кит. города <...> Совершенно очевидно обратное образование из *нанкин*, которое могло быть понято как прилагательное на -ин. [8]; *нанка* Франц. *pankin*, от названия города Нанкина в Китае. [1, 11: 254].

В русском языке есть еще несколько слов, образованных от названий китайских городов – *Шанхай*. Наиболее полно структура слова в субстандартном русском языке представлена в словаре жаргонизмов: *шанхай* 1. Угол. ‘Воровской притон’ 2. Жарг. ‘Пивная без сидячих мест’ 3. Жарг. ‘Окраина города, застроенная хаотично’ [9]. Представляется, что значение ‘Район города (обычно окраинный), хаотично застроенный трущобами’ вышло за пределы жаргона и пополнило просторечье или даже близкие к нему слои разговорного языка. Об этом, на наш взгляд,

свидетельствуют довольно многочисленные (более чем у десяти разных авторов) употребления: *Там покажут добрые люди. Четыре кирпичных блока, десять барачков, остальное – «шанхай». Это и будет Рудногорск. Дорожка, значит, тово?.. Скатерть! — сказал водитель «фургона».* [Владимов Г. Большая руда (1961)]; *Сначала шли мимо построенных без всякого плана, разваливающихся домишек. Это наши шанхай. Скоро будет снесен.* [Афанасьев О. Шестидесятник (1982) // «Ковчег», 2012]; *Или известные всюду «шанхай» и «копай», послевоенные спутники расконвоированных зон? Улочки лихо запутаны, словно следы беглеца. Хаты поналяпаны с лихорадочной быстротой и навек – их делали из фанеры, камней, случайных деревьев да необожженной глины, самана. Третье поколение шахтеров растет в них.* [Комаров В. Высшая проба абсурда // «Огонек». № 13, 1991]; *Трущобное место, где я поселился, звалось **Шанхаем** — видать, по количеству домиков и домишек, прилепленных друг к другу.* [Березин В. Свидетель // «Знамя», 1998]; *В 1805 году архитектор А.Д. Захаров начал создавать единый комплекс Адмиралтейства, придав ему – взлетим еще повыше, смотрите – форму растянутой в ширину буквы П. <...> Что было на месте этого неопрятного **Шанхая**, скрытого от прохожих забором министерства обороны? Там шли каналы, питавшиеся невской водой, располагался Корабельный двор, мастерские и склады верфи... [Каралис Д.Н. Взлетим над городом, друзья! // «Невское время», 2002] и др. [10].*

Некоторые из авторов пытались привести историю, оправдывающую этимологию китайского названия: *Вечером, когда мрак покрывал **Шанхай**, по его закоулкам бродили «шанхайцы» с резинами, гирьками, ножами. Кстати, почему «Шанхай»? Это когда матросня и солдаты с русско-японской войны возвращались домой, они в насмешку прозвали трущобы этой части города Шанхай, китайский город, и многие из них здесь окончили свою жизнь, прерванную гирькой, кистенем, кинжалом.* [Чивилихин В.Д. Дневник (1942)]; *Со всех концов нашей земли стекаются люди в Донбасс. И первый вопрос у них: где жить? Китаец Ли Фан-ча слепил себе на пустыре жилье из глины и соломы; а потом стал лепить комнатки, одну к другой, как соты, и сдавать их внаем, пока пришлые люди не поняли, что незачем снимать комнатки у Ли Фан-чи, можно слепить свои. Так образовался обширный район лепящихся друг к другу мазанок, — этот район назвали «**Шанхаем**». Потом такие же мазанки-соты возникли вдоль всей балки, разделяющей город, и на пустырях вокруг города, и эти гнезда мазанок стали называть «**шанхайчиками**» [Фадеев А.А. Молодая гвардия (1943)] и др. [10].*

Впрочем, в разных городах словом *Шанхай* могли называться разные объекты: *Покупают в Иркутске в «**Шанхае**». Так называется вещевого рынок, по-старому барахолка, расположившийся по обочинам рынка продовольственного, крытого.* [Распутин В. Нежданно-негаданно (1997)]; *В одном только Ташкенте за Боткинским кладбищем располагался целый городок православных ссыльных, который местные жители называли «**Шанхаем**». Там в сараях, шалашах и землянках жили более трех тысяч священников и монашествующих. По свидетельству очевидцев, в этот «Шанхай» каждый день приходила группа мусульман-узбеков, раздававших пищу и одежду, а ведь за помощь ссыльным их самих могли репрессировать.* [митроп. Владимир (Иким). А друзей искать на Востоке (2001)] и др. [10]. Признаки шанхаев: хаотичность и густонаселенность. Как образно выразился один из современных

блогеров: «В русскоязычном обществе исторически со словом "шанхай" часто связывают неблагополучные районы на окраине города, скопище хаотичной самовольной застройки, неизведанные лабиринты внутренних дворов, притонов, где царит подпольная торговля, разврат и преступность, так называемые "нахаловки", "злачные места" или просто "шанхай". И каждый уважающий себя город имел (имеет) свой собственный "шанхай". [<https://kitv.livejournal.com/90658.html>].

В наименование породы собак вошел также город: *пекинес* [англ. *pekinese*] ‘Порода маленьких комнатных, декоративных собак чёрной, белой или бурой масти // Собака такой породы; пекинская собака [2]. Русский язык заимствовал европейское название, основанное на южном произношении, столицы Китая, а северные китайцы произносят два иероглифа "северная (бэй) + столица (цзин)" как Бэйдзин (Бэйджин) (соответственно название южной столицы по-русски *Нанкин*, а по-северокитайски *Наньцзин*), тем не менее в названии породы императорских собак в заимствованном из английского слова, звучит название столицы, к которому привыкли русские.

В слове, более полутора веков назад заимствованном русским языком, но относящемся к специальной лексике, так как связано с производством фарфора, название местности в Китае: *каолин* ‘Белая огнеупорная глина, применяемая в фаянсово-фарфоровом, бумажном и других производствах’. (От названия местности Каолин провинции Цзянси в Китае, где впервые была найдена такая глина). [2, 7: 626].

Во время эпидемии на страницах русской прессы употреблялись слова с названием еще одного печально известного китайского города Ухань, откуда началось распространение коронавирусной инфекции: *уханька*. 1. ‘О коронавирусной инфекции’.

2. ‘В разговорной речи медиков – о защитном противочумном костюме, произведенном в Китае и используемом врачами, лечащими больных коронавирусной инфекцией’; *уханькать* 1. *Разг.* ‘Испортить, сильно ухудшить в результате пандемии коронавирусной инфекции’. 2. *Разг.-сниж.* ‘Уничтожить, убить в результате болезни, вызванной коронавирусной инфекцией’; *уханькнуть*; *уханькаться* *Разг.-сниж.* ‘Заразиться, стать зараженным коронавирусной инфекцией’; *уханьствовать* и несколько слов и выражений со значением ‘Коронавирусная инфекция’: *уханьский*; *уханьство*; *уханьская зараза*, *уханьская чума*, *уханьский вирус*; *уханьская пневмония* ‘О тяжелой пневмонии, вызванной коронавирусной инфекцией’ [15: 495-496]. Надеюсь, что все слова с корнем – *ухань* – историзмы, отражавшие ситуацию непродолжительного времени.

Вернемся к началу статьи, где говорилось, как звучит название страны в европейских языках (*Thin, Sinae, China, Chinois*), поэтому *Китай, китайский* в разных европейских языках произносится по-разному: в большинстве центральноевропейских стран *China* как [чин], во французском [шин], в итальянском [син], в норвежском [кин] и др. В современном русском языке есть три термина, образованных от позднелатинского названия Китая – *Sina* + греческого *logos* ‘учение’: *синология* ‘Совокупность наук, изучающих Китай и его культуру; китаеведение’ [1, 15: 576], *синолог* ‘Специалист по синологии; китаист’ [Там же] и *синологический* ‘Относящийся к синологии и синологу’ [Там же]. Так образованы абсолютные синонимы: *китаеведение* – *синология*; *китаист* – *синолог*.

Слово *apelsin* русский язык заимствовал из голландского в XVIII в., в котором *appelsien* – калька французского *pomme de Chine* (*pomme* ‘яблоко’ передает в голландском слово *appel*, *Chine* ‘Китай’ – *Sien*, *de* ‘из’), таким образом *апельсин* – ‘Китайское яблоко’ [23]. Заимствованием из древнеисландского является слово *шелк*: др.-русск. заим. из др.-исл. *silki* – ‘Шелк’. В герм. яз. < лат. *sericus* – ‘Шелковый’, суф. производного от *Seres* – ‘Китай’. Буквально *шелк* – ‘Ткань из Китая’. [23] Более детальную историю слова в разных языках мира можно узнать из статьи китайского аспиранта [3]. Название другой материи *крепдешин* заимствовано в конце XIX в. из французского языка: *crepe de China* ‘Креп из Китая’. Корень в такой же огласовке названия Китая содержится в термине *шинуазри* ‘Стиль, который возник в Европе в конце XVII века. Для него характерны использование традиционных восточных мотивов в декоре и имитация китайских изделий. С французского термин *шинуазри* переводится как ‘Китайщина’. В Великобритании такой стиль называют *чайна* от *China* — Китай’ (<https://www.culture.ru/s/slovo-dnya/shinuazri/>). И хотя слово не отражено в русских лингвистических словарях, но, по данным корпуса русского языка, оно используется в русских текстах: *Гораздо более разнообразны изделия европейских и русских мастеров в так называемом стиле шинуазри (китайщина), куда по традиции входят и «японизмы»*. [В вольтеровском кресле (2002) // «Другой», 15.11.2002]; *Кстати, многие предметы декоративно-прикладного искусства – украшения, шелковые обои, изделия из фарфора и т.д. – выдержаны в очень модном в XVIII в. так называемом китайском стиле (т. е. «шинуазри»), представлявшем собой интерпретацию европейскими художниками мотивов декора и технических приемов дальневосточных мастеров*. [Базанова О. «Летняя загородная увеселительная резиденция» // «Наука в России», 2013]; *Леон и сам так уютно и по-домашнему накрыл бы стол: тут и «Веджвуд», и «Беллик», и целая флотилия изящных графинчиков английского серебра под водительством флагмана – высокого кувшина для домашней наливки, великолепного экземпляра «шинуазри»: горлышко – гофрированный раструб, а вместо ручки – крылатый дракон, когтистыми лапами вцепившийся в края кувшина: вольная фантазия мастера на китайскую тему*. [Рубина Д. Русская канарейка. Блудный сын (2014)] и др. [10].

И, наконец, *чайна-таун* (иногда *чайнатаун*). Слово-компонит отражено в словарях иностранных слов: *чайна-таун* ‘Район компактного проживания китайцев в какой-л. стране, китайский квартал в городе’. Англ. *chinatown* букв. ‘китайский город’ [22]. Оно представлено в национальном корпусе более чем 200 употреблениями: *Диаспору имели народы, проводящие очаговую колонизацию, как в древности — яркий пример эллины (в форме полиса), — так и сегодня — китайцы (в форме чайна-тауна), пакистанцы в Англии, турки и албанцы в Германии, арабы во Франции (форма — общины-анклавы) и народы рассеяния — евреи, армяне...* [Градиловский С. Искушение диаспоральной политикой // Независ. газета, 24.11.1999]; *Компактнее всего селятся китайцы – их маленькие чайна-тауны множатся в Очакове в районе станций метро «Автозаводская», «Семеновская», сообщает «Комсомольская правда»*. [Ветрова О. Через 7-10 лет в Москве могут появиться национальные анклавы // Новый регион 2, 18.06.2010] и др. Причем, *чайна-таунами* в русскоязычной прессе называют кварталы, компактно заселенные не только китайцами, но и выходцами из других регионов: *Попробуем представить себе, что более 10 % населения России — незаконные*

мигранты. В таком случае в явном виде наблюдались бы компактные и значительные по численности поселения этих мигрантов, своего рода «чайна-тауны» и т. п. [О критическом состоянии учета миграции в России (2004) // «Вопр. статистики», 28.10.2004]; *Сегодня Первопрестольная стоит перед выбором – как и другие города мира пойти по пути создания "чайна-таунов", смириться со стихийным образованием национальных "гетто" или все же сохранить старую московскую традицию — жить в едином городе без границ национальных районов?* [Тишков В.: «Через 10-15 лет город будут населять другие москвичи» // Изв., 17.06.2002]; *Мальш при этом оказался в больнице с переломами и открытой черепно-мозговой травмой, а полиция не нашла причин задерживать горе-водителя (выходца из Узбекистана и жителя екатеринбургского "чайна-тауна" – района, где обитают азиаты). Стихийный массовый протест не позволил правоохранителям "замять" дело.* [Протесты вышли за пределы Москвы // NEWSru.com, 11.07.2013] и др. [10].

Итак, кроме слов, непосредственно заимствованных русским языком из китайского (*чай, женьшень, хунвейбин* и др.), в русском языке есть довольно много слов с корнем –*китай*– (*китаец, китаянка, китаист, по-китайски* и др.). Особую роль в становлении русского национального языка сыграла лексема *китайка* как ‘Название ткани’. Русский язык вместе с материей заимствовал и название ткани, предмета импорта (*фанза, нанка, даба* и особенно *китайка*). Из них шили, как правило, повседневную разнообразную прочную одежду, из китайки чаще всего сарафаны, которые в названиях сохраняли указание на ткань, а вместе с тем и страну, связанную с первоначальным производством: *китайник, китайничек, китаечница, китайка, китаечна, китайня*, сейчас расцениваемые как диалектные слова.

В нашем языке довольно много устойчивых выражений разной степени слитности с компонентом, от фразеологических сочетаний: *китайский фарфор, китайский фонарик, китайский чай* и др. до идиом с компонентом *китайский* (*китайская грамота, китайская стена, китайские церемонии* и др.).

В разных европейских странах закрепились разные названия Китая, поэтому названия страны присутствуют еще в заимствованных из других языков слов (*синолог, синология, синологический*). Слово *апельсин* с такой же огласовкой названия Китая пришло в русский язык из голландского, а послужившее исходным для образования русского *шелк* – *silki* – из древнеисландского, из французского с корнем –*шин* – русский язык заимствовал название материи *крепдешин* и термин искусствоведения *шинуазри*. Наконец, русский язык заимствовал из английского слово-компонит *чайна-таун*. Многие из заимствованных слов образовали в русском языке по законам нашего языка дериваты: *апельсиновый, апельсинка, апельсинчик, крепдешиновый*. Особенно много производных у слова *шелк*, они отражают процесс выращивания сырья для шелка: *шелковица, шелкопряд, шелковод, шелководческий*, и производства материи: *шелкоткацкий, шелкокрутильный, шелкомотальный, шелкокраильный* и др. (в ССРЛЯ отражены 36 слов с корнем *шелк*). Русский язык связан с китайским множеством видимых и невидимых без специального анализа нитей.

Список литературы

1. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Т.1. М. – СПб., 2004.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2002
3. Вэн Цзятун История слова шелк в Китае и России // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики № 2(45) 2022. С. 16 -23.
4. Давыдова О.А. Заимствования из китайского в современном русском литературном языке (лексикографический аспект) // Русская речь, 2025. № 4. С. 34-44.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс; Универс. 1994. – <https://gufo.me/dict/dal/%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%B0> (дата обращения 3.04.2026)
6. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь. М., 2000. – <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/272218/%D0%B0%D0%BB%D1%8F%D1%81%D0%BA%D0%B0> (дата обращения 3.04.2026)
7. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв. Опыт энциклопедии / под ред. Т.Г. Морозовой, В.Д. Синюкова. М.: Большая Рос. Энциклопедия, 1995.
8. Майданов Д.Т., Рыбаков И.И. Новый карманный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Одесса, 1907.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп, 2007.
10. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 3.04.2026).
11. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Т.1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009
12. Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1900.
13. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. — 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М. 1999. – 479 с.
14. Словарь русских народных говоров. М.–Л.: Наука, 1965.
15. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Полная версия. Том 1. / Сост. Х. Вальтер и др. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2025.
16. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Москва – Ленинград. 1950 – 1965.
17. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук, Т.2. СПб., 1847.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т./ Перевод и дополн. О. Н. Трубачёва. — 4-е изд., стереотип. — М.: Астрель — АСТ, 2004.
19. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка <https://gufo.me/dict/fedorov> (дата обращения 3.04.2026)
20. Финансы. Толковый словарь. 2-е изд. / Общ. ред. д.э.н. Осадчая И.М. – М.: ИНФРА-М, 2000. – https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/23782 (дата обращения 3.04.2026)
21. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Сов. энциклопедия, 1967.
22. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века [//info.wikireading.ru/71081](https://info.wikireading.ru/71081) (дата обращения 3.04.2026)
23. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь <https://gufo.me/dict/shansky/%D0%B0%D0%BF%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D0%BD>; (дата обращения 3.04.2026)

Сведения об авторе

Давыдова Ольга Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета. E-mail: dav.ol@mail.ru

Information about the author

Davydova Olga Andreevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department, Moscow State Pedagogical University. E-mail: dav.ol@mail.ru

КАНОН И СВОБОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МУЗЫКЕ

Аннотация. В композиторском пространстве на протяжении веков красной нитью проходит линия взаимопроникновения канона и свободного творчества. Особенно часто это наблюдалось в переходные этапы истории музыки. Традиции и новаторство, канонические принципы и произвольное их переосмысление – важнейшие основы музыки, и они не могут всегда существовать по отдельности как в профессиональном музыкальном творчестве, так и в любом другом искусстве. Цель данной статьи – обозначить перспективы композиторского творчества на пересечении этих основополагающих тенденций в дальнейшем развитии музыкального искусства.

Ключевые слова: музыкальное искусство, богослужбные системы, молитва, канон, традиция, творчество, композитор, академическая музыка.

Evgenyev N.M.

CANON AND FREE CREATIVITY IN CONTEMPORARY ACADEMIC MUSIC

Abstract. In the composer's field, a common thread running through all centuries is the interpenetration of canon and free creativity, tradition and innovation, which was especially often observed during the transitional stages of music history. Canonical principles and free creativity, tradition and innovation are the foundations of music, and they can not exist separately forever in professional music or any other art. The purpose of this article is to outline the prospects for composer creativity at the intersection of these fundamental trends in the further development of musical art.

Keywords: musical art, liturgical systems, prayer, canon, tradition, creativity, composer, academic music.

В мировом искусстве, условно говоря, творчество представлено в двух видах: основанное на традиционносформировавшихся культурах и исторически-новаторское. Последнее – искусство, подразумевающее создание принципиально нового в определенный момент истории. В музыке – это новейшие открытия звуковых возможностей, появление новых ладогармонических систем, музыкальных форм, взрывные мутации этих и других музыкальных ипостасей, – словом, все, что так или иначе связано с новацией, изобретением. Традиционно же сформировавшиеся культуры – это прежде всего то, что в области искусства было устоявшимся, порой неизблемым. Сюда можно отнести некоторые фольклорные, ритуальные практики, в которых основополагающим принципом является канон, а не произволение автора.

Если окинуть взором западноевропейское профессиональное музыкальное искусство, очевидным будет, что в нем все меняется, все подвижно, но вместе с тем амплитуда у всех ветвей музыки разная. Этой темой скрупулезно занимался известный российский композитор и мыслитель В.И. Мартынов, подробно освещая её в своих интервью, трудах, в частности, в книге «Конец времени композиторов» (2002). До него вопрос традиций и истории подробно исследовал французский философ Р.Генон в таких трудах, как «Восток и Запад» (1924), «Кризис современного мира» (1927).

Категория времени и его рамок – основополагающая в музыкальном искусстве. Она вполне сопоставима с идеей законченного произведения, опуса. Но нельзя забывать, что в музыке существует и вневременное пространство, в котором слушатель

волей-неволей оказывается, погружаясь в музыку. Достаточно вспомнить «Крейцерову сонату» Л.Н.Толстого, где главный герой впадает в некий транс при прослушивании первой части Девятой сонаты Бетховена для скрипки и фортепиано (op.47, A-dur). «...Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом, – вздор, неправда! Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом. Она действует ни возвышающим, ни принижающим душу образом, а раздражающим душу образом...» – признает главный герой. И далее: «Она, музыка, сразу, непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душою и вместе с ним переношусь из одного состояния в другое, но зачем я это делаю-я не знаю» [10, с. 196-198]. Подключение ко вневременному, духовному пространству музыки, как видно из этого эпизода, происходит посредством звуков, которые сами по себе протяженны по времени. Чаще всего вневременное пространство открывается именно при прослушивании медитативной музыки. К примеру, в медленных частях тех же сонат Л.В. Бетховена. При всецелом восприятии такой музыки слушатель погружается в некий энергетический поток, который существует помимо человека, и это вполне может быть равносильно разговору молящегося с Богом.

К вышесказанному о музыке светской (или духовной, но несколько обмирщенной) хорошим примером, более близким нашей эпохе, могут послужить опусы Авета Тертеряна (1929-1994), в которых господствует духовная созерцательность, обеспеченная звуковым потоком. В качестве примера – его Восьмая симфония (1989) для большого симфонического оркестра, двух женских голосов и записи. В определенных звуковых «плато» этой музыки, при всей кажущейся их статичности, ощущается невероятной силы энергетика (независимо от уровня децибел), даже некая экстатичность духовного плана. Отстраненные женские голоса, неуклонная ритмическая пульсация вкупе с выдержанными оркестровыми звучностями создают ощущение потустороннего пространства вечности. Подобное погружение во внеземное, «надчеловеческое» характерно прежде всего для религиозной составляющей нашего бытия. Само молитвенное состояние не имеет ни начала, ни конца. В него можно включаться и так же выходить из него, хотя текст молитвы может быть одним и тем же, многократно повторяющимся. Конечно же, та или иная молитва имеет начало и завершение (исключительный пример – неустанная молитва Иисусова; практикуются в ней, в основном, иноки-подвижники; у иных она звучит даже во сне). Но само состояние молитвы по сути своей бесконечно. Это можно уподобить пребыванию в стихии воды: какое-то время человек в ней находится, затем выходит. Если же пресловутое положение Гераклита Эфесского: «...нельзя дважды войти в одну и ту же реку...» [9, с. 636] философски проецировать на молитву, то молящийся, как бы погружаясь в эту «духовную реку», всякий раз открывает совершенно новые для себя горизонты.

Что касается музыки медитативного плана, то во вневременное ее пространство можно таким же образом погрузиться и затем из него выйти, что, между прочим, совершенно не будет равнозначно идее опуса – законченного произведения. Опус имеет жесткие временные границы – начало и конец. Строго говоря, те же молитвенные песнопения могут наделяться определенными чертами произведений. Но в лучшем

случае это происходит, когда они исполняются на сцене, а не в храме. Оказываясь в рамках концерта, они заметно утрачивают свою молитвенную направленность (к примеру, церковные песнопения послепетровской эпохи, в которых уже доминирует авторское начало, а не богодухновенное, как в древнерусском церковном пении). В отдельных случаях молитвенные певческие практики, помещаясь в жесткие рамки произведения и насыщаясь авторскими чертами, ощутимо теряют изначальную свою сакральность. Впрочем, в ситуации свободного композиторского творчества это и не должно иметь негативного оттенка.

Яркий пример молитвенной трансформации в свободном академическом творчестве – Четвёртая симфония А.Г. Шнитке, написанная для тенора, контратенора, хора и оркестра (1984). В ней композитор помещает в пространство концерта четыре стилизованные им богослужебные ладовые системы, принятые в различных вероисповеданиях – обиходный (древнерусский), протестантский, григорианский, синагогальный лады. Весь тематизм, основанный на этих ладах, сочинен самим композитором. Новаторство А. Шнитке, непревзойденного мастера полистилистики, было в том, что он сумел объединить эти, казалось бы, с ортодоксальной точки зрения совершенно несовместимые музыкальные практики, и обогатить их по ходу развития симфонии фактурными, линейно-гармоническими, темброво-выразительными средствами. Научно выражаясь, это техника т.н. бриколажа – когда из фрагментов различной ткани создается целостное произведение. В симфонии, таким образом, сочетаются и древние певческие стилизованные традиции (при прослушивании кажущиеся внешне статичными), и новаторство музыкального языка, канонические принципы и творческое их преобразование (так, в молитве заключительного раздела «Богородице Дево, радуйся» все ладовые системы звучат в коллаже).

А. Шнитке всю основную часть творческого пути стремился найти общее в различном, используя технику полистилистики. В одном из интервью после премьеры Четвертой симфонии он говорил: «Идея универсальности культуры и её единства кажется мне очень актуальной именно сейчас, в связи с изменением наших представлений о времени и пространстве...» И далее: «Соприкасаясь с творчеством наших столь отдалённых предков, по-иному ощущаешь время, время - как связанную линию, почти как «единовременный аккорд». Объединить разные пласты культуры хотелось мне и в одном из последних сочинений-Четвертой симфонии...» [2: 63]. По словам композитора, для него важно было создать симфонию, в которой не будет ни одного звука, не входящего в «догматический» порядок. Как оказалось, догматизм вовсе не стесняет музыкального художника. Сковывает не канон и строгость его правил, а их отсутствие, бесконтрольный модернизм.

В Четвертой симфонии А. Шнитке возникает некое противопоставление, переплетение композиторской и некомпозиторской музыки, исторических (новаторских) и канонических (богослужебных) музыкальных практик, разработанных композитором. Последние, будучи статичными по отношению к «свободному», развивающему музыкальному материалу, направляют слушателя ко вневременному созерцанию, погружению в молитвенный поток.

В контексте концертного исполнения богослужебные музыкальные системы в чистом, оригинальном виде заметно утрачивают свою изначальную молитвенную основу и вписываются в рамки произведения. В песнопениях авторских (к примеру,

уже упомянутых постпетровских), даже благоговейно исполняемых в храме, личность композитора как правило безраздельно доминирует над пространством «духовного делания» (молитвы), – молитвословия в такой ситуации претерпевают сложную трансформацию в ходе их творческого переосмысления. Таким образом, наделяясь чертами законченного произведения и помещаясь в пространство концертного зала, богослужебные песнопения (или системы) теряют свой изначальный молитвенный вектор, сакральное пространство. Однако для поздней духовной музыки обмирщенного характера, а тем более для свободного композиторского творчества, как уже отмечалось, это явление совершенно естественно.

Что касается музыкального творчества в нынешней академической среде, то оно может принимать две основные формы: 1) возвращение к традиции или стилизация (как в Четвертой симфонии А. Шнитке); 2) отвержение принципа традиционности – такой музыкальный подход характерен для периода эпохи постмодернизма¹; процветает он и в некоторых узких академических кругах (творчество современных «композиторов – радикалов», поглощенных неустанными поисками нового).

Обе эти формы по-своему жизнеспособны и зависят лишь от того, кем себя воспринимает тот или иной создатель музыки – искателем нового или приверженцем традиций. Однако в идеальной форме эти две основные тенденции музыкального академического творчества должны сосуществовать, на определенных этапах переплетаясь меж собой. Сам же композитор не должен впадать в крайности – во имя сохранения, обогащения своего творческого языка и эволюционного роста.

Если бегло проследить историю профессиональной музыки со времен барокко до XX века и начала нынешнего, нельзя не заметить постепенной ее эволюции в плане всестороннего обогащения и стилевых усложнений. И.С. Бах (в гениальном творчестве которого, как утверждал Г. Малер, собраны жизненные семена музыки, подобно тому, как во Всевышнем собран весь мир) сумел обеспечить новые перспективы развития для европейской музыкальной культуры. Его великие творения оказали сильнейшее влияние на многих его выдающихся последователей. Но не следует забывать, что практически все его творчество выросло на почве музыки его композиторов-предшественников (А. Вивальди, Г. Шютца, Д. Букстехуде и др.) и протестанских хоралов, которые являлись едва ли не постоянной его «музыкальной пищей».

Венские классики (Й. Гайдн, В.А. Моцарт, Л.В. Бетховен) развили и утвердили основные параметры классической гармонии, классические формообразующие средства и пр. Но и они, в свою очередь, основывали свой музыкальный фундамент на проверенных временем наработках предыдущих поколений композиторов, и прежде всего – И.С. Баха.

Композиторы-романтики (П. Чайковский, Р. Вагнер, Р. Шуман, Ф. Лист) изобретали новые усложненные гармонии; в их произведениях в значительной степени мутировали устоявшиеся музыкальные формы в сторону большего произвола. Но фундамент этих композиторов, конечно же, прочно держался на классическом

¹ *Постмодернизм* — термин, обозначающий структурно сходные явления мировой общественной жизни, культуры 2-й пол. XX века и XXI века. Употребляется для характеристики постнеклассического философствования, а также для целого комплекса стилей в художественном искусстве. Постмодерн – состояние современной культуры, включающее в себя своеобразную философскую позицию, допостмодернистское искусство, также и массовую культуру этой эпохи.

наследии (в этом отношении европейская музыкальная культура XIX века была традиционалистична).

Музыка импрессионизма (К. Дебюсси, М. Равель, А. Скрябин и пр.) несет в себе ещё более усложнённую мелодику, утончённые ритмы, гармонию и трактовку музыкальных форм, кристаллизовавшихся на протяжении многих десятилетий.

Первый авангард (1908 – 1925) привёл к полному или частичному отказу от тональности и гармонии в классическом их понимании (среди адептов – композиторы А. Шенберг, А. Веберн, А. Берг). Затем последовала волна Второго авангарда (1950 – 1960) со всевозможными направлениями (одним из его основоположников в музыке принято считать Дж. Кейджа). Наступившая позже эпоха постмодернизма включает в себя самые разные стилевые напластования, тенденции и направления: возвращение к музыкальным культурам прошлого (неоклассицизм, неоромантизм, неофольклоризм и пр.), концептуализм², минимализм³ и мн.др.

Уже в не столь далекие времена появляются «композиторы-радикалы». Поставив во главу угла идею создания нового, они творили зачастую не музыку, а скорее некое искусство звуков. Достаточно вспомнить нынешних адептов «нойз-реализма» (шумовой музыки), в произведениях которых за основу музыкальной ткани и развития формы берется не мелодия и не гармония, а всевозможные шумы, порой лишённые какой бы то, ни было звуковысотной опоры (включая электронные тембровые преобразования). После подобных опытов композитору-экспериментатору, казалось, уже ничего нового и не оставалось искать на своем поприще (имеется в виду, прежде всего, в плане технического). Оставалось разве что возвращаться к ранее наработанным приемам и техникам композиции, то есть к каноническим принципам устоявшихся традиций.

В контексте размышлений о традициях и новаторстве, каноне и композиторском произволе, не может не возникнуть злободневный вопрос: если в наши дни задаваться целью неустанного поиска нового во всех отношениях, то насколько это окажется перспективным? К примеру, наиболее часто используемые в современной академической музыке необычные приемы звукоизвлечения вполне свидетельствуют о полной или почти полной исчерпанности всего тембрового ресурса композитора. Впрочем, истовые ревнители новаторства, конечно же, с этим не согласятся. Кроме того, не следует забывать, что большая часть этих приемов была изобретена, в лучшем случае, уже на заре Второго авангарда (с 1950-х годов). Так, если вспомнить экстремальные возможности кларнета, то ещё М.И. Глинка утверждал, что из этого инструмента можно извлекать забавные звуки, подобные «гусиному кряканью». Но в те далёкие времена они не воспринимались всерьёз, даже более того – считались «звуковыми отходами». Однако, ко второй половине XX века они использовались

² *Концептуализм* изначально - литературно-художественное направление постмодернизма. Оформилось в конце 60-х – начале 70-х гг. XX века в Америке, Европе. В концептуализме концепция творения важнее его физического выражения, а цель искусства – в передаче самой идеи. Концептуальные объекты могут существовать в виде определенных фраз, текстов, схем, графиков, чертежей, аудио- и видеоматериалов и пр. Объектом искусства может стать любой предмет, любое явление, поскольку концептуальное искусство может представлять собой чистый художественный жест.

³ *Минимализм* в музыке — метод композиции, основывающийся на простейших звуковысотных и ритмических ячейках — т. н. «паттернах». В ходе музыкального развёртывания эти модели многократно повторяются и могут варьироваться. Минимализм возник в США. Пик его популярности пришёлся на вторую половину 1960-х и первую половину 1970-х гг.

композиторами уже в полной мере как новейшие тембровые краски (речь идёт о т. н. мультифониках – расслоениях одного звука). Вместе с тем, с уверенностью можно констатировать, что в наши дни использование подобных приёмов звукоизвлечения из «экстремальной» тембровой палитры в определённых академических кругах уже превратилось в традицию ...

Необходимо признать, что сколько-нибудь стоящие произведения новой академической музыки ни в какой ситуации не укладываются «в прокрустово ложе» традиций, каких-либо строгих канонических практик. В то время как фанатичные идеи создания новейших приёмов в бесконтрольном стремлении к обновлению музыкального языка не должны замутнить рассудок современного трезвомыслящего композитора. Истинные музыкальные творцы призваны заниматься, прежде всего, поисками символов, знаков в их контексте, духовной составляющей – пусть даже и посредством экстремальных тембровых звучностей и приёмов игры.

В идеале они не должны всецело отдаваться поискам во всех отношениях нового, когда такового, возможно, не осталось или почти не осталось после предыдущих поколений. В отношении неустанных «новаторов-радикалов» на композиторском поприще вполне могут быть озвучены ветхозаветные слова: «... Оставшееся от гусеницы съела саранча, оставшееся от саранчи, съели личинки, оставшееся от личинок съели жуки...» (Книга пророка Иоилия, 1:4).

Оценивая ситуацию в экспериментальной академической музыке последних десятилетий, можно однозначно утверждать, что сущность нового и сколько-нибудь значимого композиторского творчества заключается в соединении различных музыкальных практик. Сюда относятся и ультрамодерновые авангардные течения (творчество М. Шпалингера, М. Андре), и стилизации в добаховской, барочной, неоклассической, неофольклорной и прочих манерах письма (И.В. Мартынов, А.Шнитке, И. Стравинский, Ю. Буцко). Экзотические фольклорные традиции успешно претворялись в творчестве таких композиторов, как К. Штокхаузен, Д. Рейнхард, А. Раскатов. Однако не должно возникать сомнений в том, что ежели музыкальный творец все время будет рьяно придерживаться лишь какой-то одной избранной им традиции (к примеру, будет отдавать предпочтение определённому роду стилизациям), легко может возникнуть опасность создания достаточно безликих произведений, лишённых всякого авторского начала. Кроме того, музыкальному творцу всё же следует иногда пытаться отражать в музыке не только светлое и прекрасное (как бы чувство прекрасного с недавних пор ни извратилось), но и окружающую его действительность в натуральном ее виде. На последнее вряд ли какой музыкальный художник способен посредством одних лишь чистых гармоний, сладкогласных мелодий и тональной музыки с простейшими формообразующими средствами, как было в далекую классическую эпоху. Тут будут уместны слова В. Маяковского из поэмы «Облако в штанах»: «...пока выкипчивают, рифмами пиликаая, из любвей и соловьёв какое-то варево, улица корчится безъязыкая – ей нечем кричать и разговаривать...» [8, с. 26].

Иная крайность возникает, когда современный композитор в слепых поисках нового даёт простор бесконтрольному модернизму, авторскому произволу. В подобных ситуациях появляется опасность эстетического плана: произведение перестаёт вписываться в пространство музыки как искусства и становится, в лучшем случае, «искусством звуков», а в худшем – перестаёт быть искусством вообще ...

В современном академическом музыкальном пространстве наиболее перспективным и оправданным можно считать тот путь, при котором автор свободно развивается в двух направлениях: пользуется наработанными до него традициями, избранными за основу творчества, и в то же время старается по возможности привнести в свои произведения определенное новаторство – сквозь призму тех же наработок, проверенных временем. Лишь совмещая эти два направления композиторского ремесла, можно говорить и о дальнейшем эволюционировании, независимо от того, к какому поколению будет принадлежать тот или иной музыкант. Иными словами, как утверждал Конфуций, «Кто повторит старое и узнает новое, тот может быть руководителем для других ...»⁴

В отношении традиций и новаторства можно провести зыбкую музыкальную параллель с «Летящей стрелой» Зенона Элейского (около 490 -430 до н.э). Как учит древнегреческий философ, сама «стрела», о которой идёт речь в его знаменитой апории, хоть и находится в движении, сама по себе неподвижна. Тело ее не имеет ни времени, ни малейших изменений в движении по отношению ко времени. Последнее напрямую отсылает к началу данной статьи, где рассматривается временное и вневременное пространство музыки и молитвы.

Что касается истинного предназначения музыкального искусства и его нынешних академических «делателей», то и на них можно проецировать «Летящую стрелу». Философски говоря, творчество их, вкуче с музыкальными средствами и установками, не нечто раз и навсегда законсервированное (как и зеноновская «стрела», находящаяся в движении). И в то же самое время оно призвано открывать слушателю нечто незыблемое и вечное, в частности – духовное пространство композитора (само неподвижное тело «стрелы»).

В идеальном варианте современные музыканты не должны ни самоотрешенно следовать устоявшимся традициям и канонам, ни слепо гнаться за тотальным новаторством. Истинное искусство – это искусство создания ценностей, а не воспроизведение старого «по лекалам» или изобретение нового. И посему вопрос о традициях и новаторствах, поставленный в данной статье, может показаться обоюдоострым.

Противопоставление культур, традиционно сформировавшихся и исторически новаторских, канона и свободного творчества – двух этих основополагающих типов культурной динамики – образует исходный пункт размышлений Ю.Лотмана в его фундаментальном труде «Культура и взрыв» (1992): «Постепенные и взрывные процессы, представляя собой антитезу, существуют только в отношении друг к другу. Уничтожение одного полюса привело бы к исчезновению другого...» [5, с. 16].

Список литературы

1. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Правда, 1990. 781 с.
2. Ивашкин А.В. Беседы с Альфредом Шнитке. М.: Классика – XXI, 2003. 315 с.
3. Конфуций. Беседы и суждения («Лунь-юй»). М.: Издательская группа АСТ, ОГИЗ, 2023. 423 с.
4. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 656 с.
5. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, Прогресс, 1992. 270 с.

⁴ Конфуций, «Беседы и суждения», глава II: «Кто управляет», 11

6. Мартынов В.И. Автоархеология. М.: Классика – XXI, 2011. – 239 с.
7. Мартынов В.И. Конец времени композиторов. – М.: Русский путь, 2002. – 293 с.
8. Маяковский В.В. Облако в штанах. Тетраптих. Петроград: О.М. Брик, 1915. – 66 с.
9. Платон. Кратил / Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. М.: АН СССР, Институт философии. Мысль, 1990. – 865 с.
10. Толстой Л.Н. Крейцера соната. М.: ООО «Да! Медиа», 2014. – 255 с.

Сведения об авторе

Евгеньев Николай Михайлович – член Союза композиторов России, научный сотрудник международного центра по изучению литературного наследия М.А. Шолохова, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: n.evgenyev@mgutm.ru

Information about the author

Evgeniev Nikolay Mikhailovich – is a member of the Russian Union of Composers and a researcher at the International Center for the Study of the Literary Heritage of M.A. Sholokhov, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: n.evgenyev@mgutm.ru

Илчева Р.В.

МОЛИТВА ЗА ЦАРЯ. ЯРОСЛАВНА XVIII ВЕКА

Аннотация. Доклад имеет два фокуса. Первый – это типологическое родство молитвы крестьянки за Петра Первого (1719 г.) со знаменитым плачем-причитанием Ярославны из «Слова о полку Игореве». Второй – повседневная жизнь крестьянско-ремесленнических слоев русского общества первой четверти XVIII в.

Ключевые слова: молитва, «Слово о полку Игореве», Петр I, общественный консенсус.

Илчева Р.В.

PRAYER FOR THE TZAR. THE 18TH CENTURY YAROSLAVNA

Abstract. The report focuses on two main elements. The first is the typological similarity between the prayer of a countrywoman for Peter the Great (1719) and Yaroslavna's well-known lament-keening from *The Tale of Igor's Campaign*. The second element is the everyday life of the countryside artisan social strata in 18th century Russia.

Keywords: prayer, *The Tale of Igor's Campaign*, Peter the Great, public consensus.

На самом деле нашу героиню зовут не Ярославна, а Алена Ефимова. Она – не княгиня и не княжна, а крестьянка. Была она замужем за денежным мастером (чеканщиком монет) Максимом Еремеевым, жила в первой четверти XVIII в. в Москве. Ее голос доносится до нас не из шедевра древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», а из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии – органов политического сыска при Петре I [5, с. 189-202]. О ее судьбе рассказал не анонимный автор, о личности которого не утихают споры, а писатель, историк и архивист Григорий Васильевич Есипов (1812—1899).

Алена жила в эпоху, которая рушила без оглядки вековой уклад русского народа. Она была одной из миллионов, чью жизнь резко и бесповоротно изменила деятельность последнего московского царя и первого русского императора, оставшегося в народной памяти как Петр Великий и как антихрист. Массовый общественный протест против

его нововведений задокументирован скрупулезно в архивах политической полиции. В поле зрения репрессивных органов Алена попала случайно, по делу кликуш: она не была ни кликушей, ни беснующейся. Не была и староверкой – ходила в обычную церковь, имела духовника. Но крестилась двумя пальцами, а ее муж был тайным иконоборцем, то есть не признавал икон нового письма. Староверкой и кликушей была ее сестра. У самой Алены, как пишет Г. В. Есипов, была «особенная странная мания»: она хотела умолить Бога с одной стороны, вразумить Петра, чтобы он прекратил гонения на старообрядцев, а с другой – вразумить старообрядцев, чтобы они воссоединились с православной церковью [5, с. 192]. Выражаясь современным языком, простая женщина XVIII столетия взяла на себя миссию примирения враждующих участников общественного конфликта в целях достижения социального консенсуса.

Действия Алены в этом направлении были активными: она ходила по монастырям и давала деньги старицам, чтобы читали в течение шести недель акафист за царя, клала по две и по три тысячи поклонов в день за него. В 1719 г. продиктовала своему малолетнему племяннику молитву за царя и зашила ее между верхом и подкладкой, сшитой ею же пелены под образ. Пелену отдала священнику в Успенский собор, ничего не сказав о самой молитве. Заплатила ему деньги, чтобы тот в течение шести недель читал акафист за здоровье царя.

Г. В. Есипов приводит текст молитвы, отмечая «любопытное направление ума в крестьянской женщине» и «странное выражение религиозных чувствований» [5, с. 194]. Позже А. Н. Пыпин увидит в нем «оригинальную, наивную и не лишённую трогательной поэзии смесь молитвы и причитания» [6, с. 665].

Алена сначала призывает молиться за царя святую соборную апостольскую церковь, перечисляя все предметы, которые в ее представлениях организуют сакральное пространство. В круг традиционных христианских посредников между молящимся и Богом, однако, вводится и природа во всех ее проявлениях: «О молю и прекрасное солнце, возмолись царю небесному об царе Петре Алексеевиче! О, млад светел месяц со звездами! О, небо с облаками! О, грозные тучи с буйными ветрами и вихрями! О, птицы небесные и поднебесные! О, синее море, с реками и с мелкими источниками, и с малыми озерами! Возмолитесь царю небесному о царе Петре Алексеевиче, и рыбы морские, и скоты польские, и звери дубровные, и поля, и все земнородные возмолитесь к царю небесному о царе Петре Алексеевиче!» [5, с. 193].

Для Алены единение государя и народа возможно при совместных усилиях Бога, людей и всей земли. По эмоциональному заряду ее молитва сродни плачу-причитанию Ярославны. И не только потому, что древнерусская княгиня тоже взывает о помощи к силам природы: ветру ветрилу, Днепру Словутичу, светлому и тресветлому солнцу [8, с. 385]. Тоскуя по своему ладе, Ярославна, по сути, молит о помощи защитникам родной земли и ее жителям, которые составляют со своим правителем единое целое. Горестный монолог, уже много веков звучащий со стен древнего Путивля, органически вписывается в общий призыв произведения к единству русской земли.

Яркий синкретизм мировосприятия, бьющие ключом народнопоэтические интонации не раз подогревали сомнения в подлинности «Слова о полку Игореве» – подлинности, неопровержимо доказанной крупнейшими специалистами. А что, если элементов фольклорного происхождения в не дошедшем до нас тексте было не в таком количестве и не в таком формате? Что, если это частичные вставки конца XVIII века?

Напомним, что древнерусский писатель не считал неправильным дополнять, доукрашивать произведения предшественников светского характера, не оговаривая собственное вмешательство. Можно предположить подобное отношение к древностям и на рубеже XVIII и XIX вв., а также его отражение в эдиционной практике. Например, один из первых исследователей славянской мифологии, профессор Дерптского университета Г. А. Глинка в 1804 г., жалуясь на скудность материала, писал: «... я думаю, что не погрешу, если при встречающихся пустотах и недостатках в ее произведениях, буду наполнять собственною под древнюю статью фантазиею <...> лучше ли ничто, нежели что-либо?» [2, с. 8-9]. Если наше предположение о вставках более позднего происхождения верно, то нужно отдать должное первым публикаторам, которые сохранили тональность древнего текста.

Силы природы отозвались на плач Ярославны. Но не на молитву Алены. В 1721 г. был донос на ее мужа, который находился в бегах. Тогда арестовали нашу героиню и отправили в Тайную канцелярию. Приобщили к делу о кликушах, тем более что она была знакома с главными его фигурантами. Под пыткой она рассказала о муже, о своих скитаниях по монастырям с кликушами и о молитве, которую отнесла в пелене в Успенский собор: «молитву писала для того, что многие раскольники в пустынях живут, и учинила ту молитву собою дабы разнствие соединено было и хотела объявить отцу духовному, но не показала, за тем, что написано плохо» [5, с. 199]. Алене вменили эти действия в вину. Обвинили и ее сестру, знавшую о молитве, в недоносительстве.

Почему? Еще с византийских времен в политическом обиходе существовала произносимая в церкви молитва за правителя. Она подчинялась строгим правилам, соблюдалась неукоснительно и была делом государственной важности. Начало XVIII в. не составляло исключения: в государственные и церковные праздники все подданные должны были совершать богомолие за Петра, а возникший в оппозиционной старообрядческой среде догмат немоления за царя был предметом пристального внимания властей. Можно сделать вывод, что любое отклонение от установленного правила приравнивалось к бунту и каралось соответствующим образом: в том же 1719 г. архимандрит Александро-Свирского монастыря Алексей Лампадчик, не отметивший торжественным богослужением именин Петра I и Екатерины, был приговорен к смертной казни [3, с. 153-154]. Случай же Алены показал, что молиться за царя должно было только в строго установленном порядке: самодеятельность не приветствовалась.

Отношение Петра I к религии нередко было кощунственным, он любил профанировать церковные ритуалы [9, с. 18], рьяно разоблачал церковные чудеса, такие как плачущие иконы, вел борьбу с суеверием. Но как, если не суеверным страхом можно объяснить его гонения на колдунов, юродивых и кликуш, которые были объектом «постоянного и упорного преследования»? [7, с. 43-48] В кликушестве можно увидеть выражение индивидуального психического неприятия действительности и специфическое проявление протеста против нее. Но кликуш обвиняли в притворстве, порче и колдовстве [4, с. 17]; их делами ведали органы политического сыска, за их работой царь зорко следил. В нерегламентированной молитве крестьянки власти очевидно усмотрели колдовство с целью покушения на особу государя. Алену сослали «на Вологду в Горский», в «знатный монастырь» (то

есть монастырь с тюрьмой). Ее племянник Иван, который записал текст, отделался по малолетству битьем батогами, после чего был записан в матросы [5, с. 202, 200].

Историю Алены Ефимовой можно рассматривать и как вербальный моментальный снимок повседневной жизни крестьянско-ремесленнических слоев русского общества первой четверти XVIII в., в котором проступают разные по значимости детали. Производит впечатление, например, уровень грамотности среди простых людей: крестьянка продиктовала молитву четырнадцатилетнему племяннику и считала, что «написано плохо».

По рассказу Г. В. Есипова видно, что, несмотря на церковные реформы середины предыдущего столетия, в народных массах все еще не было четкого деления на старообрядцев и никониан. Алена, напомним, крестилась двумя пальцами, но ходила в православную церковь. Ее муж и сестра Пелагея были староверами. Брат Иван сознался в расколе и изъявил желание принять православие [5, с. 201]. Век спустя один старообрядец даст пояснение: «Не Никон разорвал нас совершенно с остальными нашими русскими братьями, но Петр I своим западничеством направлением» [1, с. 322].

Бесспорно, в фокусе моментального снимка наиболее интересна сама молитва. Она является доказательством ясной гражданской позиции и своеобразного низового демократизма: простые люди первой четверти XVIII в. считали должным и нужным наставить царя на путь истинный. Поступки Алены в этом направлении – только одна из форм подобных усилий. Некоторые ее современники действовали более радикально. Надежда, что их слова заставят государя одуматься, побуждала доносить на самих себя и сознательно идти на пытки и мучительную казнь. В 1704 г. нижегородский посадский человек Андрей Иванов сам заявил на себя: «Государево дело за мной такое: пришел я извещать государю, что он разрушает веру христианскую» [5, с. 174].

Простосердечная молитва русской женщины, жившей три века назад, транслирует в нашу современность очень важное послание: соединение «разнствия» и достижение социальной гармонии возможны только при «вразумлении» обеих враждующих сторон общественного конфликта.

Список литературы

1. Гакстгаузен, А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Москва: Институт русской цивилизации, 2017.
2. Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава: В типографии у И. Ф. Штефенгагена и сына, 1804.
3. Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре Первом. Москва: Издательство Московского университета, 1957.
4. Есипов, Г. В. Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского Приказа и Тайной Канцелярии. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1880.
5. Есипов, Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», т. II, 1863.
6. Пыпин, А. Н. Петр Великий в народном предании. – Вестник Европы, 1897, т. 4, кн. 8, с. 640-690.
7. Семевский, М. И. Слово и дело. 1700-1725. Москва: Московский кадровый центр. Совместное предприятие Х. Г. С. 1991.
8. Слово о полку Игореве. – В: Памятники литературы Древней Руси. XII век. Москва: Художественная литература, 1980, с. 373-387.
9. Шмурло, Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1912, вып.1 (XVIII в.).

Сведения об авторе

Илчева Радослава Велчева – доктор филологических наук, доцент Института литературы Болгарской академии наук. София, Болгария, ORCID iD: 0009-0001-4924-8846. E-mail: rilcheva@abv.bg

Information about the author

Rilcheva Radoslava Velcheva – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Institute of Literature, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria, ORCID iD: 0009-0001-4924-8846. E-mail: rilcheva@abv.bg

Кот Ю.В.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «РУССКАЯ КУЛЬТУРА» В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПТА «РУССКИЙ МИР»

Аннотация. В статье осуществляется культурфилософский анализ взаимосвязанных понятий «Русский мир, «русскость», «русская идея, «Русская культура». Автор приходит к выводу, что Русский мир основан на духовной сверхэтничности русскости, благодаря чему русская культура является прежде всего культурой совести и справедливости со вселенским характером.

Ключевые слова: русскость, русская идея, русская культура, этичность, спасение.

Kot Yu.V.

DEFINITION OF THE CONCEPT «RUSSIAN CULTURE» IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT «RUSSIAN WORLD»

Abstract. The article provides a cultural and philosophical analysis of the interrelated concepts of "the Russian world," "Russianness," "the Russian idea," and "Russian culture." The author concludes that the Russian world is based on the spiritual super-ethnicity of Russianness, which makes Russian culture primarily a culture of conscience and justice with a universal character.

Keywords: Russianness, Russian idea, Russian culture, ethics, salvation.

Мы живём во времена, когда модель мироустройства активно меняется с однополярной на многополярную и каждый из претендентов на право быть центром силы ищет свои приоритеты и преимущества по отношению к остальным. Россия в этом процессе не просто не исключение, а один из форвардов. Проанализируем ключевые понятия данного явления: Россия в контексте Русского мира, русскость, русская идея и, наконец, русская культура.

Россия. В 2016 году В.В. Путин на вопрос о том, где заканчивается Россия, ответил, что Россия не заканчивается нигде. Позже он прокомментировал свое высказывание так: «Это прежде всего имеет цивилизационный смысл. Наших соотечественников проживает [в других странах] много. Русский мир имеет глобальный характер» (https://t.me/rt_russian/174360). Это абсолютно верно, когда мы говорим о «Русском мире». Он не имеет ни географических, ни национальных границ, вернее – ограничений. В основе нашего мира «Русского» находится тот духовный проект, который сохранил сквозь тысячелетие и несёт сегодня важнейшие не только для России, но и для всего человечества смыслы и ценности.

Защита Русского мира стала одной из причин начала Специальной военной операции, когда до предела обострились противоречия между Россией и коллективным Западом и остро встал вопрос об экзистенциальной угрозе России. Сегодня это наш главный цивилизационный вызов.

Русский мир – одно из наиболее частотных и главных понятий в современном политическом, культурологическом, историческом, философском, религиоведческом и прочих дискурсах, не имеющим при этом однозначной дефиниции. Многообразие дискурсов свидетельствует об апофатичности русскости, русской культуры и самой России. Это не препятствует их философско-культурному исследованию, и принцип апофатизма означает лишь невозможность полного рационального определения данных понятий при необходимости постоянного постижения их смыслов. Конкретный анализ смыслового наполнения этих концептов позволяет осуществить культурологические измерения Русского мира и говорить об определенной завершенности и целостности содержания обозначенных понятий в культуре.

Анализ различных трактовок понятия «Русский мир» и тесно с ним связанных понятий «русскость», «русская идея» и «русская культура» в современном философском и общественно-политическом дискурсах позволяют констатировать, что пока нет единого подхода к их определению и они находятся в стадии формирования в современной историографии.

Апофатика русской души и культуры поэтому не препятствует философско-культурному исследованию ни русской души, ни русскости, ни русской культуры, но раскрывает их специфических черты. Но здесь все же речь должна идти об иной методологии исследования, нежели та, что принята в большинстве современных «наук о духе». То, что «научно признанной парадигмы» нет, во многом закономерно и объяснимо самим «предметом», выходящим за пределы рационалистической методологии. Неслучайно Тютчев сказал, что умом Россию не понять. И к этим словам великого русского поэта и дипломата стоит прислушаться внимательнее, не считая их, как это часто бывает, всего лишь поэтической метафорой, превозносящей некое избранничество России, ее недоступность и непроницаемость для других народов и культур. Эти слова выражают типологическую черту культурного своеобразия России, и в этом смысле являются философским концептом, выраженным в нетрактатный форме, характерной для научной философии.

Здесь важно поставить вопрос: каким умом? Каким умом невозможно понять Россию? Если обратиться к контексту греческой философской культуры, то мы встречаем как минимум два понятия, которые переводим как ум. Это *рацио* и *логос*. Так вот Тютчев, очевидно, имел в виду *рацио*, то есть рациональное понимание России, которое в принципе невозможно. Но оно невозможно не только по отношению к России, но и к другим народам, к их ментальности, духовному строю, который выходит за рамки научно-рационалистической методологии.

Слова Тютчева напрямую выводят нас к другому понятию древнегреческой философии – понятию *логоса*, самое первое упоминание о котором встречается уже у Гераклита. Для античной философии оно было одним из главных понятий, в котором были сконцентрированы самые главные свойства бытия в эмпирическом, сверхэмпирическом и социальном плане. В самом общем плане – это сверхрациональное начало Бытия, в христианской традиции – Божественное начало,

вторая ипостась Божественной Троицы, Сын Божий Иисус Христос, о котором много говорили отечественные философы. В этом смысле часто русская традиция называется логосической, пронизанной духовной энергией Слова.

Прежде чем подойти к определению «Русского мира», «русскости», «русской культуры» надо концептуализировать понятие «Русской идеи». Русская идея – это нравственная антроподицея. Смысл истории, бытия человека в истории сводится к нравственному оправданию мира, оправданию человека, их конечному спасению и преображению. Именно в этом историософия становится сотериологией. Для русского нравственного самосознания важным является не наказать человека, а простить его; в этом сущность русского этического подхода к виновности человека. «Как можно оправдать человека?» – такой же русский вопрос, как и вопрос о смысле жизни, который, как говорил А. В. Гулыга, впервые поставлен русскими [2, с. 127].

Историософская сущность русской идеи раскрывается в таких ее фундаментальных свойствах как вселенский характер и нравственная центрированность (нравственная антроподицея). Главная здесь задача – оправдание и спасение мира и человека может приобретать вселенский, то есть «всечеловеческий» характер в терминологии Ф.М. Достоевского. Главные проекты русской философии, включая и «всеединство» В.С. Соловьева, и «философию общего дела» Н.Ф. Федорова, и «философию хозяйства» С.Н. Булгакова направлены на спасение и преображение мира и человека.

По сути дела, русская историософия, начавшаяся с труда митрополита Илариона, есть историософия Катехона: «Сохранить чистоту веры, удержать ее апостольскую спасительную истину». Труды видных церковных иерархов, таких как митрополит Антоний (Храповицкий), свт. Серафим (Соболев), митрополит Вениамин (Федченков), священномученик Иларион (Троицкий) и других, позволяют понять это. Таково духовное задание России, ее духовная миссия, которую она призвана пронести сквозь века человеческой истории. И таков духовный смысл русской идеи, чье содержание оставалось неизменным; менялась лишь форма выражения в зависимости от социокультурных, духовных, общественно-политических обстоятельств эпохи.

Исследуя данный вопрос приходится признавать, что в теоретическом осмыслении концепта «Русский мир» сложилась ситуация «многоголосицы», что подтверждает актуальность темы, но не даёт чёткого определения самого понятия, которым сегодня многие оперируют.

Как пример, одна из типологий подходов к анализу содержания концепта «Русский мир», сложившаяся на сегодняшний день, выглядит следующим образом: 1) геополитическая реальность; 2) геоэкономическая реальность; 3) неповторимая этнокультурная (языковая) общность людей, проживающих не только в России; 4) православная цивилизация; 5) духовно-культурная метафора «русскость».

При этом каждый подход имеет свою историю формирования в контексте истории русской философии. Следует заметить, что большинство современных трактовок Русского мира соответствуют одной из этих позиций.

Смысловое ядро Русского мира, его стратегические интенции связаны с возрождением и сохранением русскости как основы национальной идентичности, которая в постсоветском пространстве стала интенсивно менять свою ориентацию на американские и западноевропейские ценности с риском ее полной потери через

растворение в инокультурном пространстве. Именно поэтому актуальной проблемой современной культурной политики России является создание образовательных программ духовного и нравственного содержания, направленных на выявление ценностей и смыслов Русского мира и воплощение их в действительность. В этом контексте следует отметить, что философское исследование, выявление и культивирование историософской парадигмы Русского мира становится важнейшей задачей современной культурной политики России.

Исходя из историософской сущности русской идеи, мы можем предложить следующее определение «Русского мира».

Русский мир, основанный на духовной сверхэтничности русскости, можно определить как духовный бастион традиционных ценностей (Катехон), удерживающий мир от антропологической деградации и физического уничтожения.

Типологически сходное Русскому миру понятие «русскость» имеет не только собственное содержание, но и содержит концентрированное выражение характерных черт и особенностей, которые неравномерно проявляются в Русском мире. Возрождение и сохранение русскости как основы национальной идентичности являются стратегической задачей и ключевыми стратегическими интенциями смыслового ядра Русского мира.

Русскость есть основа национального менталитета русского народа, основной маркер его национальной идентичности, важнейший признак в системе его исконных этнических признаков. Раскрытие религиозно-философских аспектов русскости позволило сделать вывод об имманентной религиозности русской души. Эта идея разделялась значительным количеством выдающихся представителей отечественной культуры, среди которых Н. В. Гоголь, А. С. Хомяков, И. С. Аксаков, Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, И. А. Ильин.

Русскость в отличие от русскоязычности – фундаментальное свойство русской души и русской культуры, обладающее особой сердечной и нравственной способностью благоговейно-уважительной отзывчивости к национальным ценностям и отеческим святыням при одновременной открытости и восприимчивости к «всечеловеческому» и «вселенскому». Внутренняя основа Русского мира – это смысловой «код» русской культуры и тысячелетний исторический опыт.

Поскольку сотериологическая тематика была глубочайшим образом проработана в русской философской и духовной культуре, она не могла не отразиться на ценностно-смысловом содержании русской идеи, русскости и, соответственно, Русского мира. В ней отражены коренные принципы русской философии – соборное единение и общее дело, которые проецируются и в духовную, и в практическую плоскость Русского мира. Важный параметр – это сердечность русской идеи, которая является ее духовным центром, отличающейся от рассудочной и рациональной западной философии.

Русская философия христоцентрична, исходит из духа христианства, но не является при этом богословием. Более подходящее для нее название «светское богословие». Поэтому и сотериологические идеи русской философии имеют во многом недогматический характер, несмотря на очевидное совпадение целей с христианством.

И русская идея – это не догматическое богословие, но свободное исследование христианских истин, применительно к миру в его социально-культурных, политико-экономических, хозяйственных и прочих измерениях.

Духовные аспекты русскости в философско-культурном и культурологическом контексте исследуют многие современные авторы, среди которых В. Н. Тростников, К. А. Кокшенёва, С. В. Полторацкая, Е. Р. Пономарев, Е. Ф. Казаков, В. Росман и др.

В монографии К. А. Кокшенёвой исследуется концепт «русская культура» последней трети XX – первых десятилетий XXI века на материале огромного массива текстов научного, художественного, публицистического характера. Автор выделяет константы русской культуры, в которых в значительной мере и выражена искомая русскость русской культуры [5].

Для национального самосознания очень важен женский образ России, и, соответственно, русскости. От матери-земли через Софию В.С. Соловьева до Родины-Матери в Великую Отечественную войну – это глубинный духовный архетип России.

Глубоки, емки и поэтичны определения русскости, которые дает А.А. Корольков. Так, он пишет, что «Русскость культуры – это проявление, выплеск глубинной народной души, ее потаенных и вместе с тем самых определяющих, субстанциональных особенностей» [6, с. 8]. Или такое определение: «Русскость – менее всего характеристика этническая, это качество души и сердца»; «Русскость есть наполненность души человека любовью к Родине, к ее культуре в самых глубинных, сокровенных проявлениях, любовью не эгоистической, а распахнутой в мир, при этом не теряющей своей неповторимости, самобытности. Русскость – это проявление русской национально-культурной идентичности». [6, с. 11-12].

Ёмкое метафоричное определение русскости – «выплеск глубинной народной души», позволяющий прикоснуться к сокровенным началам этого явления, увидеть, как оно появляется, зарождается, бытует в различных сферах жизни и культуры. Насколько оно в конечном счете органично для национального самосознания.

И конечно же, важнейшей задачей является сохранение русскости: «Остаться русским, сохранить русскость – значит нести в себе духовность, сокровище нашей истории, духовность русскую, соединив в себе вселенские истины христианства с сердечной восприимчивостью, давшую то, что называл И.А. Ильин просветленной чувственностью, христиански просветленной чувственностью»; «Коль удержим в себе русскость, русскую душу, русские характеры, русскую культуру, русские исторические традиции, будем интересны и ценны другим народам» [4, с. 295]. Безусловно, религия в сохранении русскости играет определяющую роль: «Без опоры на Церковь, на евангельские заповеди, на молитву не может удержаться православная духовность, а стало быть, и основной стержень русскости» [4, с. 296].

Здесь необходимо указать на фигуру П. Е. Астафьева. Относительно глубинного характера русского народа он писал: «Душа выше и дороже всего: её спасение, полнота, цельность и глубина ее внутреннего мира – прежде всего, а все прочее само приложится, несущественно, – таков девиз «святой Руси», предносящейся ей в отличительно русском идеале «святости»... Душа всего дороже, — таков основной мотив и Православия, и Самодержавия, и народности нашей». [1, с. 383-384].

Главный принцип П. Е. Астафьева «Душа всего дороже» является той духовной вертикалью, которая определяет корневые свойства русского народа, Русского мира, русской идеи и русской культуры.

С нашей точки зрения, Вячеславу Иванову принадлежит наиболее глубокое и изящное одновременно обоснование сути русскости: «Общий склад русской души таков, что христианская идея составляет, можно сказать, ее природу. Она выражает центральное в христианской идее – категорический императив нисхождения и погребения Света и категорический постулат воскресения... Если народ наш называли "богоносцем", то Бог явлен ему прежде всего в лике Христа; и народ наш – именно "Христоносец", "Христофор"» [3, с. 367].

Русский народ – это народ Христофор, согласно Вяч. Иванову. Такова предельная формула русскости, многое объясняющая в России, которая вышла не из «мирообъятного лона римской государственности», а шла своим путем, на котором и «ненависть к культуре обособленных возвышений и достижений», и «своеобразное отношение нашего народа к греху и преступнику», и особый культ просветляющего страдания, и нигилистические ниспадения в анархию и сектантство, и особое отношение к Светлому Воскресению, которое «поистине праздник праздников и торжество торжеств», в отличие от западных народов, которым ближе Рождество.

Все это свидетельствует об устремленности русской культуры к духовному идеалу, к трансцендентному горизонту. Потому в России так важна идея святости, причем не исключительно в церковном смысле, но и в плане нравственного подвига, героизма, самоотдачи, жертвенности, например, на полях сражений. О чем свидетельствует беспримерный опыт героизма русских солдат и в Великой Отечественной войне, и сегодня на СВО.

Когда речь идет о сотериологии, то есть о спасительной миссии России для всего мира, необходимо вспомнить мысли С. В. Перевезенцева, который говорит о сотериологии русского вопроса. Она представлена двумя понятиями, наиболее близкими к понимаемому нами значению, а именно – милосердие и справедливость [7, с. 73-74]. Мы бы добавили в этот ряд идею спасения – как духовно-нравственного сосредоточения Русского мира. Здесь мы выходим на историософские параметры Русского мира, раскрытие которых составляет существенную часть отечественной философской культуры. Возврат к духовным ценностям русской культуры, и не просто возврат, а их реабилитация – такова насущная задача современной государственной политики в области культуры. Потому дать определение понятия «русская культура» можно следующее:

Русская культура – это культура совести и справедливости, имеющая вселенский характер, чувствующая ответственность за свое сотериологическое призвание в мире.

Список литературы

1. Астафьев П.Е. Избранные произведения: Философия. Психология. Культура. М., Институт Наследия, 2021. –590 с.
2. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М.: Русская Философия», 2022. 334 с.
3. Иванов В.И. О русской идее / Родное и вселенское. М., Республика, 1994. С. 360-373.
4. Ильин И.А. Наши задачи / Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. 496 с.
5. Кокшенёва К.А. Концепт «русская культура» и современные практики культурного наследования. М.: Институт Наследия, 2019. 472 с.

6. Корольков А.А. Русскость культуры, русскость философии / Органика культуры. Бийск, 2011. С. 5-16.

7. Перевезенцев С.В. Русский мир в XXI веке // Русская политология. 2022. № 1 (22). С. 71-76.

Сведения об авторе

Кот Юрий Владимирович – кандидат философских наук, Московский государственный институт культуры. E-mail: kotkot_76@mail.ru

Information about the author:

Kot Yuri Vladimirovich – Candidate of Philosophical Sciences, Moscow State Institute of Culture. E-mail: kotkot_76@mail.ru

Кудряшов Б.О.

РАССКАЗ СЕРГЕЯ ВОРОНИНА «В РОДНЫХ МЕСТАХ» (1959): ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЭПОХИ «ОТТЕПЕЛИ»

Аннотация. Одним из наиболее противоречивых произведений в творчестве прозаика и редактора Сергея Алексеевича Воронина (1913–2002) является рассказ «В родных местах» (1959). Опубликованный на страницах журнала «Нева», он вызвал неоднозначную реакцию в литературно-критической среде, у партийных идеологов и читателей, став катализатором острой общественной дискуссии о границах милосердия и ответственности за предательство в послевоенном СССР. В статье анализируется полемика вокруг рассказа, в которой пересеклись идеологические установки эпохи «оттепели», и попытка художника исследовать сложный нравственный выбор человека. На основе впервые вводимых в научный оборот источников (писем Ф. Абрамова, К. Воробьева, телеграммы Н. Шундика, а также архивных данных А. Фетюкова и А. Тюрина) реконструируется объёмная картина конфликта, показана роль М.А. Шолохова в защите Воронина и прослеживается переоценка рассказа в критике 1970-х годов.

Ключевые слова: Сергей Воронин, «В родных местах», литературная полемика, «оттепель», нравственная проблематика, идеологический контроль, М.А. Шолохов.

Kudryashov B.O.

SERGEY VORONIN'S STORY «IN ONE'S NATIVE LAND» (1959): THE POLEMIC AS A REFLECTION OF THE THAW'S CONTRADICTIONS

Abstract. The story «In One's Native Land» (1959) is among the most controversial works in the oeuvre of the prose writer and editor Sergey Voronin (1913–2002). Published in the journal Neva, it provoked an ambiguous reaction in literary criticism, among party ideologists and readers, becoming a catalyst for a heated public discussion about the boundaries of mercy and responsibility for betrayal in the post-war USSR. The article analyzes the polemic surrounding the story, in which the ideological guidelines of the Thaw era intersected with the artist's attempt to explore complex moral choice. Based on sources introduced into scholarly circulation for the first time (letters by Fyodor Abramov, Konstantin Vorobyov, a telegram by Nikolay Shundik, as well as archival data by A. Fetyukov and A. Tyurin), a comprehensive picture of the conflict is reconstructed, the role of Mikhail Sholokhov in Voronin's defense is shown, and the revaluation of the story in the criticism of the 1970s is traced.

Keywords: Sergey Voronin, «In One's Native Land», literary polemic, the Thaw, moral issues, ideological control, Mikhail Sholokhov.

Введение

Рассказ Сергея Воронина «В родных местах» — произведение удивительной судьбы. Это история о двух односельчанах, двух бывших фронтовиках. Иван Касимов прошёл ужасы плена, но сохранил верность себе. Василий Никитин, не выдержав в плену истязаний, стал предателем и служил врагу. Вовремя этапирования через Киев Иван увидел его в немецкой форме среди конвоиров колонны военнопленных. Василий тоже узнал друга детства и сразу отбежал в сторону, затерявшись среди охраны. Затем война развела их.

Василий, побыв какое-то время на службе у врага, сбежал, примкнул к партизанам и уже в составе отряда достойно воевал против агрессора. После победы он вернулся в родную деревню, скрыл свое прошлое, стал уважаемым человеком, бригадиром. Иван, приехав в отпуск, встретил его. Между ними произошел тяжелый разговор. Видя, как Никитина день и ночь мучила совесть, Иван не разоблачил предателя, оставив бывшего друга наедине с его виной. «И нет примирения мне с Василием. И жалко его. И чужой он мне ...» [2, с. 22], — решил для себя Иван.

Этот рассказ — дитя «оттепели», потому что он исследует не наказание, а трагедию совести. Однако публикация на страницах журнала «Нева» в 1959 году вызвала грандиозный скандал. Защитить писателя помогло вмешательство Михаила Шолохова, Федора Абрамова, Константина Воробьева, Николая Шундика, Елены Серебровской. Но история на этом не закончилась: в 1970-е рассказ был переосмыслен критикой и признан одним из лучших в творчестве Воронина, а позднее едва не стал орудием в идеологических битвах «холодной войны».

В центре данного исследования — вопрос о том, как литературная полемика вокруг рассказа отражает фундаментальные противоречия эпохи «оттепели»: столкновение официальной идеологической установки на однозначное осуждение «предателя» с попыткой художника исследовать сложный нравственный выбор человека, оказавшегося в пограничной ситуации (малодушие, измена, искупление, суд совести). Актуальность обращения к этой теме обусловлена не только необходимостью заполнить лауну в истории литературы периода «оттепели», но и современным общественным запросом. Сегодня, когда в публичном пространстве вновь остро обсуждаются границы памяти о войне, проблема прощения и ответственности, реконструкция подобных дискуссий позволяет глубже понять механизмы взаимодействия власти, литературы и общества в переломные исторические моменты.

История создания рассказа

Чтобы понять накал страстей, нужно обратиться к истории создания текста. Произведение со сходным сюжетом, названное «Степь», Сергей Воронин написал ещё в юности и отправил в редакцию одного из ленинградских журналов, где рукопись потерялась. Уже работая в «Неве», прозаик случайно наткнулся на копию рассказа в своих старых бумагах, существенно переработал и назвал «В родных местах». В новой версии, как и в ранней, финал был трагическим: предатель убивал честного человека.

Но поэт Александр Решетов, прочитав рукопись, заметил: убийств и так хватает, не надо призывать к новым. И добавил, что такие люди, как Василий Никитин, уже

давно не враги. «После некоторых раздумий я изменил концовку: оставил в сердце Василия Никитина постоянный страх разоблачения и чувство вины перед народом. Рассказ с такой концовкой стал глубже и значительней. Его я посвятил Александру Решетову» [4, с. 406], — написал впоследствии Воронин.

Так появился гуманистический финал. Но готово ли было общество 1959 года принять такую точку зрения? Как мы увидим дальше – далеко не все.

Полемика 1959–1960 годов: от похвалы к травле

Историк Александр Фетюков в своем исследовании писал, что руководители Ленинграда и области, познакомившись с рассказом Воронина ещё в рукописи, пытались отговорить автора от публикации. Но рассказ был напечатан в девятом номере «Невы» за 1959 год. Воронин предостережению не внял [11, с. 21].

Первая реакция на рассказ была положительной. 16 октября 1959 года в газете «Вечерний Ленинград» вышла статья Ю. Андреева «Много лет спустя». Андреев писал: «Мы видим, что, справедливо осуждая Никитина, автор не создаёт шаржированного образа злодея-предателя. Перед нами скорее человек, попавший в большую беду» [1, с. 3]. Он подчеркивал: Иван отказался разоблачать Василия не из жалости, а потому что думал о его детях. «Иван не хочет, чтобы война продолжала своё разрушительное действие и по отношению ко второму поколению» [1, с. 3]. И завершал публикацию пророческими словами: «Вероятно, кто-то не согласится с истолкованием, данным в этой рецензии...» [1, с. 3].

Власть опомнилась быстро. Уже 27 октября, всего через 11 дней, в «Литературной газете» появилась статья главного редактора Сергея Смирнова «Именем солдат». Воронина обвинили в попытке реабилитировать «власовца». Смирнов утверждал: если конвоирование доверяли советским гражданам, значит, это были отпетые бандиты. И главный пассаж: «Сергей Воронин, сам того не желая, выпустил этим рассказом пулю, направленную против одного из самых священных и непреложных принципов нашей партии, нашего народа — против стойкости в борьбе с врагами, против непримиримости ко всякой подлости и прежде всего — к измене Родине» [9, с. 3].

Статья «Именем солдат» стала публичным сигналом к травле. Как отмечал историк Андрей Тюрин, уже через три дня, 30 октября, рассказ обсуждался на закрытом собрании парторганизации Ленинградского отделения Союза писателей. Секретарь горкома Кондрашов сообщил: обком был против публикации. Собравшиеся единодушно осудили рассказ, признав его «ошибочным» и «ущербным» [10, с. 66].

В начале следующего года ЦК КПСС поручил Главлиту — главному цензурному ведомству страны – изучить последние номера «Невы». В подготовленной справке рассказ Воронина был назван «ошибочным по своей идейной направленности», а его идея – «фальшивой и вредной в политическом отношении». Начальник Главлита Романов подчеркнул: его сотрудники неоднократно указывали Воронину на «идейную ущербность», но он их не послушал [10, с. 66-67]. Атака была мощной – встал вопрос об исключении Воронина из партии.

Шолохов как камертон и главный защитник

В разгар травли и защитники, и обвинители Воронина в своих оценках рассказа неизбежно обращались к имени Шолохова. Андреев, защищая Воронина, видел в нем продолжателя традиции «Судьбы человека». Для него рассказ Воронина – такое же

исследование глубины человеческой души, как и шолоховский шедевр. Смирнов же использовал Шолохова как эталон, чтобы больнее ударить. Он противопоставлял «подлинно русского, истинно советского человека» из «Судьбы человека» — «предателю», которого якобы оправдывал Воронин.

Сам Воронин в повести «Время итогов» прямо говорил о влиянии Шолохова: «Что же касается влияния на мое творчество, то, не будь рассказа «Судьба человека», вряд ли бы я написал рассказ «В родных местах» [4, с. 511]. Так фигура Шолохова стала тем камертоном, по которому настраивали свои аргументы и защитники, и обвинители.

Однако Шолохов был для Воронина не только образцом, но и главным защитником. В самый разгар травли Воронин позвонил Шолохову, который к тому времени уже прочитал и рассказ, и статью Смирнова:

«— Кто же ему дал право говорить от имени солдат, — донесся из Вешенской голос Михаила Александровича, — я ведь тоже солдат.

— Что вы скажете о рассказе? — спросил я в волнении. От оценки Шолохова для меня зависело все.

— Нормальный рассказ. Надо защищать его, бороться!» [4, с. 484].

Как вспоминал впоследствии Воронин, от этих слов ему стало легко. Нет, он не ссылался на авторитет Шолохова, но, чувствуя поддержку, уже твердо отстаивал свою точку зрения. «Потом на заседании бюро Ленинградского обкома партии обвинения в мой адрес были признаны несправедливыми», — резюмировал главный редактор «Невы» [4, с. 484-485].

Писательская солидарность: новые источники

Михаил Шолохов был не единственным писателем, который выступил в поддержку Воронина.

В открытом письме, адресованном непосредственно главному редактору «Литературной газеты», Фёдор Абрамов назвал статью «Именем солдат» тенденциозной и крикливой, выдержанной в тоне безапелляционного приговора. Абрамов показал, что образ Василия Никитина вовсе не являлся «махровым власовцем-душегубом», а сам Иван Касимов наказал его не доносом, а страшнее — оставил наедине с муками совести. «Сама жизнь не прощает измены и предательства — таков глубокий смысл рассказа» [3, с. 67], — подчеркнул Абрамов.

Константин Воробьёв в письме Сергею Воронину сообщил о том, как дал прочитать рассказ, не называя автора, литовскому писателю и другу Бунина — Казису Боруте. Тот, не зная ни имён, ни контекста травли, сказал: «У автора рассказа думающая душа». А статью Смирнова назвал «искореженным эхом какого-то странного черносотенного гимна» [3, с. 68].

Николай Шундик прислал телеграмму, в которой не скрывал эмоций: «Статья Смирнова гнусное подсиживание... предатели все еще корчатся на ее огне» [3, с. 68].

Эти документы, опубликованные лишь в автобиографической повести С.А. Воронина «Время итогов», до настоящего времени не становились предметом специального научного анализа. Введение их в научный оборот позволяет реконструировать дискуссию объёмно — не только как конфликт «власть — писатель», но и как живой внутрицеховой диалог о пределах художественной правды.

Поддержка пришла и от тех, кто работал с Ворониным в одной редакции. Бывший заместитель главного редактора журнала «Нева» Елена Серебровская в своих

мемуарах рассказала о том, как защищала Воронина «перед группой молодых писателей в зале нашей редакции от несправедливой статьи «Именем солдат» в «Литературной газете» [7, с. 49].

Эхо дискуссии и переоценка в 1970-е годы

Полемика, начатая в 1959 году, на этом не затихла. В 1961 году журнал «Сибирские огни» (№4) опубликовал статью К. Немиры «Голос внутри нас», где автор, пусть и менее резко, поддержал линию Смирнова, требуя от Ивана не молчания, а того, чтобы он «убедил Василия пойти и самому рассказать о своём прошлом» [6, с. 153]. Это доказывает, что спор приобрел всесоюзный масштаб и не был сиюминутным.

Но к 1970-м годам произошла переоценка. Критики Л. Фоменко и Вл. Смирнов говорили о рассказе как об одном из лучших в творчестве прозаика. «Сергей Воронин всем ходом повествования показал, как человеческая совесть становится неумолимым судьей того, кто однажды оступился», — писал Владислав Смирнов [8, с. 185]. В монографиях Л.И. Емельянова рассказ уже не требовал «реабилитации» — он воспринимался как органичная часть русской прозы о войне [5, с. 117].

Почему переоценка произошла именно в 1970-е годы? К тому времени Сергей Воронин уже был признанным мастером, его творчество изучалось монографически. Критика стала больше внимания уделять художественным достоинствам, и рассказ «В родных местах» органично вошёл в корпус военной прозы, перестав требовать специальной идеологической защиты. Свою роль сыграла и смена поколений критиков: для молодых исследователей этот текст был уже не политическим вызовом, а художественным фактом.

Рассказ Воронина в контексте «холодной войны»

За рубежом тоже хорошо знали этот рассказ и даже пытались использовать его в своих целях. Западногерманский историк Й. Хоффманн в книге «Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1944–1945» использовал произведение Воронина как пример скрытых общественных настроений в СССР [13, с. 68-70]. Он утверждал, что власти были вынуждены отказаться от политики умолчания о власовцах именно из-за рассказа, а скандал свидетельствовал о существовании в советском обществе «альтернативной» трактовки войны. Так локальный литературный скандал стал частью глобальной идеологической борьбы «холодной войны».

Заключение

Воронин, несмотря на колоссальное давление, устоял. Он не был исключен из партии, еще на пять лет сохранил за собой пост главного редактора «Невы». Рассказ остался в литературе. Статья Смирнова сегодня — лишь эпизод, а поддержка Шолохова, Абрамова, Воробьева, Шундика, Серебровской — примеры настоящей писательской солидарности.

Вопросы, поднятые в рассказе «В родных местах» — может ли человек искупить вину, имеет ли право другой его судить, где грань между правдой и милосердием — не устарели и сегодня. Полемика вокруг рассказа вскрыла главные противоречия «оттепели»:

1. Официальный героизм — личная трагедия. В сталинской идеологии война представляла как сплошной подвиг, а солдат — как герой, лишённый внутренних сомнений. Воронин же показывает фронтовика Ивана, который не совершает эффектного разоблачения, а молчаливо наблюдает за муками совести бывшего друга.

Личная трагедия человека, его нравственный выбор оказываются важнее громкого героического жеста.

2. Государственная целесообразность — нравственный выбор личности. Статья Смирнова и справка Главлита требовали от писателя однозначного осуждения «предателя» в интересах государственной морали. Но Воронин ставит своего героя перед сложным выбором: донести — или оставить человека наедине с совестью, думая прежде всего о детях и мирной жизни. Произведение утверждает, что нравственная ответственность личности выше сиюминутной политической целесообразности.

3. «Слово» как донос и «слово» как защита. В годы культа личности слово часто превращалось в инструмент доноса: достаточно было одного заявления, чтобы сломать судьбу. Воронин же в «В родных местах» моделирует противоположную ситуацию: Иван сознательно отказывается от «доноса», а защиту рассказу обеспечивают не партийные инстанции, а слово Шолохова, письма Абрамова, Воробьева, Шундика. Так в полемике сталкиваются два понимания слова: как орудия уничтожения и как средства защиты и солидарности.

Острая дискуссия вокруг рассказа Сергея Воронина показывает, что период «хрущевской оттепели» был не просто коротким временем «потепления», но и эпохой острых идеологических битв. Нападки главного редактора «Литературной газеты» на Воронина – попытка партии сохранить монополию на трактовку травмы Великой Отечественной войны. Колоссальная поддержка со стороны Михаила Шолохова, а также аргументированная и оперативная реакция Воробьева, Абрамова, Шундика и Серебровской красноречиво свидетельствуют о том, что писательское сообщество обладало внутренним иммунитетом к догматизму и было способно отстаивать право литературы на нравственную сложность. Введённые в научный оборот письма позволяют увидеть эту дискуссию не как частный эпизод, а как модель отношений интеллигенции и власти в эпоху хрущевских реформ. Сам же рассказ, несмотря на попытки его «закрыть», остался в литературе и был по достоинству оценен критикой 1970-х годов, что подтверждает: подлинная художественная правда рано или поздно оказывается сильнее политической конъюнктуры.

Список литературы

1. Андреев Ю. Много лет спустя // Вечерний Ленинград. 1959. 16 окт. С. 3.
2. Воронин С. А. В родных местах // Нева. 1959. № 9. С. 15–22.
3. Воронин С. А. Время итогов. — М.: Современник, 1978. — 302 с.
4. Воронин С. А. Собрание сочинений: в 3 т. — М.: Худож. лит., 1982. — Т. 3. — 575 с.
5. Емельянов Л. И. Сергей Воронин. — Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд. 1983. — 248 с.
6. Немира К. Голос внутри нас // Сибирские огни. 1961. № 4. С. 143–155.
7. Серебровская Е. П. Между прошлым и будущим. Записки свидетеля. Ч. 2. — СПб.: [Б. и.], 1995. — 133 с.
8. Смирнов В. Мера личной ответственности // Наш современник. 1973. № 7. С. 184–187.
9. Смирнов С. С. Именем солдат // Литературная газета. 1959. 27 окт. С. 3.
10. Тюрин А. В. Ленинградское отделение Союза писателей СССР в годы хрущевских реформ (1953–1964 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — СПб., 2016. — 205 с.
11. Фетюков А. Б. Взаимоотношения власти и художественной интеллигенции в советском обществе (по материалам Ленинграда. 1956–1964 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — СПб., 2012. — 26 с.
12. Фоменко Л. Большой мир «малой» прозы // Звезда. 1973. № 7. С. 207–213.
13. Хоффманн Й. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1944–1945. — М.: АСТ: Астрель, 2006. — 539 с.

Сведения об авторе

Кудряшов Борис Олегович – корреспондент Интернет-издания «Казанский репортер», г. Казань, Татарстан. E-mail: b59292@yandex.ru

Information about the author

Kudryashov Boris Olegovich – correspondent of the Internet-edition “Kazan Reporter”, Kazan, Tatarstan. E-mail: b59292@yandex.ru

Манукян А.Д.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОТ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ К ЭТИКЕ СО-СУБЪЕКТНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется трансформация образовательного процесса в высшей и средней школе под влиянием технологий искусственного интеллекта (ИИ) с акцентом на специфику гуманитарного познания. Опираясь на актуальные исследования 2023–2025 годов, анализируется переход от инструментального использования ИИ к формированию новой образовательной реальности, где технологии выступают в качестве «третьего субъекта» педагогического взаимодействия. Особое внимание уделяется персонализации обучения, автоматизации оценивания и этическим вызовам цифровой трансформации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ-грамотность, гуманитарное образование, генеративные модели, персонализация обучения, педагогический дизайн, цифровая этика.

Manukyan A.D.

TRANSFORMATION OF HUMANITIES EDUCATION UNDER THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FROM PERSONALIZATION TO THE ETHICS OF CO-SUBJECTIVITY

Abstract. The article examines the transformation of the educational process in higher and secondary schools under the influence of artificial intelligence (AI) technologies, with an emphasis on the specifics of humanitarian knowledge. Based on current research from 2023–2025, the transition from the instrumental use of AI to the formation of a new educational reality, where technology acts as a «third subject» of pedagogical interaction, is analyzed. Particular attention is paid to the personalization of learning, assessment automation, and the ethical challenges of digital transformation.

Keywords: artificial intelligence, generative models, humanities education, learning personalization, instructional design, AI literacy, digital ethics.

Современный этап развития образовательных технологий характеризуется качественным переходом от компьютеризации к глубокой интеграции искусственного интеллекта в педагогический процесс. Масштабное внедрение генеративных моделей, таких как ChatGPT и Midjourney, в практику школ и университетов приобретает особую значимость для гуманитарных дисциплин, где объектом изучения выступает мир человеческих смыслов и ценностей. [6, с. 6188; 9, с. 11].

Анализ новейшей литературы фиксирует существенный сдвиг в исследовательской оптике: если работы 2018–2022 годов рассматривали ИИ преимущественно как инструмент оптимизации, то исследования последних двух лет

акцентируют качественное изменение самой структуры педагогического взаимодействия. Как отмечает С.И. Черных, активное внедрение приложений ИИ приводит к «становлению» искусственного интеллекта в качестве «третьего субъекта» в традиционном дуальном взаимодействии «преподаватель – студент» [4, с. 11].

Персонализация обучения остается одним из наиболее разрабатываемых направлений применения ИИ в образовании, но современные исследования уточняют само понимание персонализации. Л.М. Костина с соавторами, обобщая результаты опроса 336 учащихся 5–11 классов, приходят к выводу, что персонализация на основе ИИ не должна сводиться к простой адаптации сложности материала [3, с. 66–67].

Долгое время дискуссии об ИИ в образовании строились на предположениях о тотальном проникновении технологий в педагогическую практику, но эмпирические исследования последних лет демонстрируют более сложную и неоднозначную картину. Коллектив лаборатории социокультурных образовательных практик МГПУ под руководством Е.А. Асоновой провел масштабное исследование, выявившее, что регулярно обращаются к возможностям ИИ всего 3% школьных учителей и 11% преподавателей вузов [1, с. 2]. Эти данные заставляют пересмотреть оптику анализа: мы имеем дело не с состоявшейся цифровой трансформацией, а с начальным этапом, характеризующимся высокой степенью неопределенности и неравномерностью проникновения технологий. Примечательно, что и учителя, и преподаватели вузов практически не используют ИИ для проверки работ учащихся, сосредотачиваясь на подготовке материалов, генерации изображений и создании презентаций [1, с. 3]. Как отмечают исследователи МГПУ, никто из участников опроса не предложил таких вариантов использования нейросетей, как аналитическая работа с ними для развития критического мышления учащихся [1, с. 4]. Практика сетевого инновационного сообщества Челябинска демонстрирует более оптимистичные данные. На круглом столе «Искусственный интеллект в образовании: ответы на новые вызовы», который состоялся в ноябре 2025 года, представлялся опыт педагогов, активно интегрирующих ИИ в повседневную практику: от создания образовательных веб-приложений с помощью Qwen до генерации интерактивных презентаций через Gamma AI [2, с. 1].

Интеграция ИИ в образовательный процесс влечет за собой фундаментальные изменения в педагогическом дизайне гуманитарных дисциплин. С.И. Черных убедительно показывает, что сокращение так называемой «рутинной работы», включающей поиск информации и создание первичных текстовых материалов, способствует «замене» многих характеристик в объеме субъектности индивида [4, с. 14]. Возникает парадоксальная ситуация: освобождая время для творчества, ИИ одновременно создает риск «отрыва обучения от воспитания», лишая образование целостного обоснования. В этой связи особую значимость приобретает развитие ИИ-грамотности как метакомпетенции. Исследователи МГПУ предлагают трехуровневую модель ее формирования: от формального уровня, предполагающего базовое знакомство с инструментами, через рефлексивный уровень, подразумевающий понимание ограничений и возможностей, к функциональному уровню, то есть способности интегрировать ИИ для решения педагогических задач [1, с. 5].

Один из наиболее дискуссионных аспектов внедрения ИИ в гуманитарное образование – трансформация систем оценивания. Обзорная статья, опубликованная в *Research Issues in Contemporary Education*, вводит важное понятие «когниции» (*cognicity*)

– способности демонстрировать понимание, отличное от человеческого интеллекта, но имеющее собственную ценность [9, с. 31–33]. Авторы ставят принципиальный вопрос: должны ли мы оценивать работы, созданные при участии ИИ, также как и полностью самостоятельные работы, или требуется выработка принципиально новых критериев, учитывающих способность студента эффективно взаимодействовать с алгоритмами? Практическим ответом на этот вызов становится развитие аутентичного оценивания, ориентированного на процесс, а не только на результат. Кейс платформы RIPPLE, описанный Топпингом с соавторами, демонстрирует, как ИИ может поддерживать многоэтапное оценивание: студенты создают образовательные ресурсы, оценивают работы друг друга по развернутым рубрикам, получают обратную связь от ИИ и, что важно, должны самостоятельно оценить, насколько эта обратная связь точна [10, с. 15–17]. Такой подход не только развивает критическое мышление, но и формирует реалистичное представление о возможностях и ограничениях ИИ.

Этическая проблематика применения ИИ в образовании становится предметом все более пристального внимания исследователей. В материалах международной конференции ICES, прошедшей в Чикаго в 2024 году, выделены четыре ключевых группы этических рисков: приватность и безопасность данных, справедливость и беспристрастность алгоритмов, прозрачность и подотчетность, а также снижение роли человеческого фактора [5, с. 3–5]. Для гуманитарного образования особую остроту приобретает проблема алгоритмической предвзятости: если ИИ обучается на корпусе текстов, неизбежно содержащих культурные стереотипы, он будет воспроизводить их в своей работе, что недопустимо при анализе, например, литературных произведений или исторических источников. Исследователи предлагают комплекс мер по минимизации этих рисков: внедрение надежных протоколов защиты данных, разработку справедливых и беспристрастных алгоритмов, принятие политик прозрачности и продвижение коллаборации человека и ИИ [5, с. 6].

Анализ современной литературы позволяет выделить несколько наиболее перспективных направлений дальнейших исследований. Это долгосрочные эффекты взаимодействия с ИИ на когнитивное развитие и критическое мышление студентов-гуманитариев, поскольку существующие исследования фиксируют краткосрочные улучшения, но лонгитюдных данных пока недостаточно [7, с. 41–42]. Требуется разработка валидных методов оценки работ, созданных в коллаборации человека и ИИ, а именно создание рубрик, учитывающих как вклад студента, так и качество его взаимодействия с алгоритмом [9, с. 34–35]. Актуально исследование трансформации профессиональной идентичности преподавателей гуманитарных дисциплин при условии делегации части их функций ИИ [4, с. 15]. Необходимы кросскультурные исследования восприятия и использования ИИ в гуманитарном образовании, так как есть данные, которые свидетельствуют о значительных различиях между странами, но систематических сравнений пока нет [6, с. 6198–6199]. Наконец, требуется разработка и валидация моделей формирования ИИ-грамотности на разных уровнях образования – от школы до последиplomного образования [1, с. 6–7; 3, с. 69–70].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих положений, характеризующих современное состояние и перспективы интеграции ИИ в преподавание гуманитарных дисциплин. Во-первых, мы наблюдаем качественный переход от инструментального использования ИИ к формированию образовательной

реальности, где алгоритмы выступают в качестве «третьего субъекта» педагогического взаимодействия. Во-вторых, эмпирические данные демонстрируют существенный разрыв между декларируемым потенциалом ИИ и практикой его использования. В-третьих, персонализация обучения на основе ИИ не должна сводиться к адаптивному подбору заданий. Наиболее перспективными представляются модели, вовлекающие обучающихся в рефлексию по поводу своих когнитивных стратегий.

Гуманитарное образование в XXI веке призвано не просто адаптироваться к цифровой трансформации, но и задавать ценностно-смысловые ориентиры этой трансформации. Именно гуманитарии обладают необходимым инструментарием для осмысления того, что значит быть человеком в мире, где интеллектуальные функции все чаще делегируются машинам. Интеграция ИИ в преподавание гуманитарных дисциплин – это не только технологический, но в первую очередь антропологический и культурный проект, успех которого зависит от нашей способности сохранить человеческое измерение образования в эпоху алгоритмов.

Список литературы

1. Асонова Е.А., Сененко О.В., Борусяк Л.Ф. О преимуществах использования искусственного интеллекта в школе: результаты исследования // Научно-просветительский портал PRIZMA МГПУ. 2024
2. Искусственный интеллект в образовании: от вопросов к практическим решениям // Центр развития образования города Челябинска. 3 декабря 2025.
3. Костина Л.М., Николаева А.В., Швецова Н.В. Представления обучающихся об искусственном интеллекте при организации персонализированного образования // Психология образования в поликультурном пространстве. С. 63–71.
4. Черных С.И. Искусственный интеллект в изменении педагогического дизайна // Профессиональное образование в современном мире. Т. 14, № 1. С. 10–16
5. AI Applications in Education: Ethical Issues and Proposed Solutions // Proceedings of the International Conference on Social and Education Sciences (IConSES). Chicago, 2024. P. 1–8.
6. Chiu T.K.F. The impact of Generative AI (GenAI) on practices, policies and research direction in education: a case of ChatGPT and Midjourney // Interactive Learning Environments. 2024. Vol. 32, No. 10. P. 6187–6203.
7. Namboothiri S., Varghese T., Jacob M., Job S., Cyriac J. Integrating Artificial Intelligence with NHEQF Descriptors for Pedagogical Excellence // Higher Education for the Future. 2025. Vol. 12, No. 1. P. 27–50.
8. Unal A., Unal Z. Evaluating the Integration of Artificial Intelligence (AI) in K-12 Education // Journal of Interactive Learning Research. 2024. Vol. 35, No. 3. P. 353–387.
9. The More Things Change: The Ethical Impacts of Artificial Intelligence in Higher Education // Research Issues in Contemporary Education. 2024. Vol. 9, No. 2. P. 19–56.
10. Topping K.J., Gehringer E., Khosravi H., Gudipati S., Jadhav K., Susarla S. Enhancing Peer Assessment with Artificial Intelligence // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2025. Vol. 22, Article 3. P. 1–3

Сведения об авторе

Манукян Анастасия Дмитриевна – учитель русского языка и литературы Муниципального общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №2» станицы Григорополисской, Ставропольского края. E-mail: anastasia.manukyan@outlook.com

Information about the author

Manukyan Anastasia Dmitrievna – Teacher of Russian Language and Literature of the Municipal Educational Institution "Secondary school No. 2" of the Village of Grigoropolisskaya, Stavropol Krai. E-mail: anastasia.manukyan@outlook.com

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ШКОЛЫ С МУЗЕЯМИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА

Аннотация. Интегративный подход в преподавании гуманитарных предметов в школе актуализировал взаимодействие школ с музеями. Музеи становятся частью учебно-образовательного пространства школьников, а школы приглашают музейных работников для проведения занятий. Статья посвящена формам совместной работы школы и музея в обучении. **Ключевые слова:** взаимодействие школы и музеев, гуманитарные предметы, формы обучения, интегративный подход.

Marchenko O.N.

FORMS OF INTERACTION BETWEEN SCHOOLS AND MUSEUMS IN THE PROCESS OF TEACHING HUMANITIES SUBJECTS

Abstract. The integrative approach in teaching humanities subjects at school has actualized the interaction of schools with museums. Museums are becoming part of the educational space of schoolchildren, and schools invite museum staff to conduct classes. The article is devoted to various forms of collaboration between schools and museums in teaching.

Keywords: Interaction between schools and museums, humanitarian subjects, forms of education, integrative approach.

В примерных программах основного общего и среднего общего образования раздел «Планируемые результаты обучения» открывают личностные результаты освоения учебных дисциплин. То, что именно эти результаты вынесены на первое место, свидетельствует о приоритетности воспитания в учебном процессе. Гуманитарным предметам (русскому языку, истории, литературе, мировой художественной культуре, родному языку и родной литературе и др.) принадлежит ведущая роль в воспитании личностных качеств школьников в силу их содержания, которое ориентировано на формирование самосознания, мировоззрения, системы нравственных координат обучающихся. На этих предметах часто речь идёт о культурных традициях, об истории русского и других народов России, об их духовно-нравственных ценностях, о героических подвигах защитников Отечества, о дружбе и взаимопомощи между людьми и т.п.

Освоение учебных предметов в общеобразовательной школе осуществляется на основе принципа единства урочной и внеурочной деятельности. Музеи как хранители истории народа в этом плане могут рассматриваться как часть общеобразовательного пространства. Возможно поэтому в последнее время актуализировались процессы интеграции музейной педагогики с частными методиками преподавания гуманитарных дисциплин [3, с. 499]. Музейная педагогика как новая формирующаяся область науки, возникшая на стыке музееведения, педагогики и психологии, позволяет учителю при организации учебного процесса активно использовать ресурсы музея (выставочные фонды музеев, экскурсии, аудиозаписи, видеоматериалы и т. п.) в целях приобщения школьников к культурно-историческому наследию нашей страны. Современные музеи в России рассматривают посетителя как равноправного участника коммуникативного

процесса. Школьника, например, вовлекают в диалог, предлагая ему интерактивные формы «взаимодействия» с музейными экспонатами, погружая его в конкретное историческое время с помощью специальных аудио- и светоэффектов. Музей как институт социальной памяти «отбирает, хранит, исследует, экспонирует и интерпретирует первоисточники знаний о развитии общества и природы» [2, с. 7].

Основой интеграции музейной педагогики и методики преподавания гуманитарных дисциплин является идея о формировании ценностного отношения школьников к историческому прошлому народов России. Среди исторических музеев выделяют общеисторические, этнографические, военно-исторические, историко-революционные, историко-бытовые, археологические и другие музеи. Главная задача их состоит в том, чтобы воссоздать и передать атмосферу конкретного исторического времени. В этом плане музей имеет ряд преимуществ над образовательным учреждением в области реализации общедидактического принципа наглядности в обучении: «Урок в музее способен преодолеть отчуждение в восприятии социальных абстракций, создать зримый образ Родины, малой и большой, ее истории и культуры» [1, с. 87]. Экспозиционные комплексы с мультимедийными экранами, видеопроекцией и звуковым сопровождением, используемые в современных музеях, помогают «оживить» историю. Иммерсивные экспозиции, созданные с использованием технологии виртуальной реальности, мультимедийных проекций и интерактивных инсталляций, обогащают посетителей музеев уникальным визуальным и аудиовизуальным опытом, вызывая невероятные эмоции от погружения в эпоху.

В сохранении и трансляции культурного наследия страны методологическим принципом в работе музеев является краеведение, позволяющее активно взаимодействовать с местными жителями и со школой. Учебно-исследовательская работа школьников по предмету может быть организована с привлечением музейного работника либо в качестве руководителя, либо в качестве консультанта или эксперта. Участие школьников в создании художественной, литературной или этнографической коллекции, представляющей культурно-исторические ценности, даёт возможность приобщить детей к исторической памяти, к культуре, традициям и обычаям предков родной земли. Ученики больше узнают о своем районе, городе, селе: история улицы, памятников, памятных досок, трудовые подвиги, деятельность знаменитых людей, их вклад в развитие науки и культуры России. Всё это будет способствовать формированию гражданско-патриотических чувств школьников.

Говоря о преобразовании музея в открытую социально-педагогическую структуру, разработчики музейной педагогики предлагают разнообразные педагогические и культурно-просветительские формы музейной работы: игровые методики посвящения школьников в увлекательный мир музейного пространства; кружки, секции, лектории и иные виды занятий для школьников [4, с. 34]. Во взаимодействии школы и музея выделяют два блока, которые условно называются как «школа в пространстве музея» и «музейная педагогика в школе» [4, с. 34]. Первый блок предполагает проведение занятий на базе музея, второй – занятия в школе, которые проводят музейные работники: читают лекции, проводят факультативные занятия по тематике, отражающей специфику конкретного музея, рассказывают с использованием презентаций о фондах музея, об истории создания музея и т.п.

Формы взаимодействия школы и музея по первому направлению представляются наиболее разнообразными как по содержанию, так и по организации видов деятельности школьников:

- *экскурсии и циклы занятий* в музейной аудитории с опорой на экспозиции, визуальные интерактивные стенды, просмотр видеофильмов по истории родного края, мультимедийные карты, слайд-шоу по определённой тематике;

- *экскурсия с элементами театрализации*, погружающая в историческую эпоху, в реалии конкретного исторического события или литературного произведения;

- работа учащихся с *документальными источниками, письмами, архивами*, помогающими проиллюстрировать изучаемый учебный материал, позволяющими выяснить, как отразились те или иные события, даты, личности на судьбе других людей, судьбе города, района, всей страны;

- *деятельностные игры* (приготовление еды, поиск клада, изготовление бумаги, побывать в роли ученика на уроке в древнерусской школе, попробовать погладить бельё настоящим рубелем и др.), позволяющие оживить страницы прошлого, окунуться в быт и культуру своего народа;

- *ролевые игры* разного уровня, от небольших инсценировок до целых спектаклей с использованием атрибутов одежды и выставочного пространства музейного помещения;

- *встречи* с писателями, артистами, ветеранами военных действий, пожилыми людьми, которые могут рассказать о своём военном детстве, опираясь на предметы музейной экспозиции, поделиться воспоминаниями о годах восстановления страны после разгрома фашистов, об участии в строительстве БАМа, гидроэлектростанций, о сохранении усадебных комплексов и т.п.;

- *уроки*, которые проводятся в музее в соответствии с изучаемой по предмету темы, например, уроки *по развитию речи в курсе русского языка*: описание помещения военного времени (теплушки, землянки, пункта связи), описание внешности человека (санитара, военного летчика, солдата-пехотинца, разведчика в зимнем маскхалате и т.п.) или уроки по лексике (как уходят из употребления слова можно показать на примере экспозиций, рассказывающих о культуре и быте народа в средние века, о жизни в период Великой Отечественной войны и др.); уроки по развитию речи, на которых изучаются жанры и стили письменной речи: письмо, плакат, агитация, отчет;

- *изучение биографии* писателя, военного деятеля оставляет глубокий след в душе ребенка, когда такие уроки проходят в окружении портретов, предметов и подлинных артефактов того исторического времени, в котором жил и работал тот или иной деятель науки, культуры, истории;

- *учебно-проектная деятельность* учащихся: ученики по плану проекта знакомятся с выставками и экспозициями музея, фиксируют необходимую информацию, которая размещается, как правило, около предметов выставки, обобщают собранный материал по конкретной теме, готовят презентацию и т.д.

Современные информационные технологии позволяют использовать в практике организации учебно-воспитательного процесса еще одну форму взаимодействия – виртуальные экскурсии, знакомство с шедеврами культурного наследия. Использование информационных технологий, расширяющих доступ к музеям, особенно важно в районах, в таких населённых пунктах России, где нет никаких

музеев. В этом случае учителю, желающему не только обогатить визуальным рядом изучаемый материал, но и организовать учебно-исследовательскую деятельность учащихся, могут помочь информационные материалы, расположенные на портале «Культура.РФ» (culture.ru), официальные сайты музеев, сайты-справочники, например, список наиболее ценных объектов культурного наследия на gov.ru.

Интернет-ресурсы позволяют организовать виртуальное знакомство учащихся с разнообразными музеями России: художественными (Третьяковская галерея, Русский музей и др.); историческими (Государственный исторический музей, музеи обороны в Волгограде, в Туле, других городах); краеведческими (практически в каждом городе России); военно-историческими (музей-панорама «Сталинградская битва» в Волгоградской области и музей-панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.», Военно-исторический и мемориальный музей-заповедник «Прорыв блокады Ленинграда» и др.); с музеями-заповедниками («Петергоф» под Санкт-Петербургом, «Кижы» в Карелии, Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница» в Кемеровской области, музей-заповедник «Древняя Уфа» в Башкортостане, Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» в Красноярском крае).

Официальные сайты государственных музеев, предлагающие виртуальные туры по литературным и историко-культурным местам, позволяют активно использовать представленные материалы на уроках русского языка, литературы, истории и мировой художественной культуры, а также во внеурочной деятельности учащихся.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что взаимодействие музеев и школы, идеи которого разрабатывались еще в XIX веке, не потеряли своей актуальности и для нашего времени. Современные интегративные подходы к преподаванию гуманитарных предметов, развитие информационных и цифровых технологий способствуют усилению роли исторических и литературных музеев в учебном процессе школ.

Список литературы

1. Долецкая С.В. Актуальность музейной педагогики для будущих учителей-историков // Гуманитарные исследования. – 2016, № 1 (10) – С. 86-89
2. Иванова, Н. П. Музейная педагогика: учебное пособие для вузов / Н.П. Иванова. — 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 223 с. — (Высшее образование). – URL: <https://urait.ru/bcode/519152> (дата обращения: 16.02.2026).
3. Марченко О.Н., Дергачёва И.В. Интеграция музейной педагогики и методики преподавания русского языка / Лекантовские чтения – 2024: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 18 ноября 2024 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. – М.: Государственный университет просвещения, 2024. – С. 496-506.
4. Рябова, Г. Н. Музейная педагогика: учеб.-метод. пособие / Г. Г. Рябова. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2020. – 68 с.

Сведения об авторе

Марченко Ольга Николаевна – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Государственный университет просвещения. E-mail: march_on@mail.ru

Information about the author

Marchenko Olga Nikolaevna – Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Methods of Teaching Russian Language and Literature, State University of Education. E-mail: march_on@mail.ru

ЦИФРОВОЙ ТЬЮТОР И ПЕРСОНАЛЬНАЯ СРЕДА: КАК ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ РАСШИРЯЕТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация. Искусственный интеллект активно внедряется в процесс обучения. Уже сейчас существует множество способов использования ИИ на занятиях по различным гуманитарным дисциплинам. В статье анализируются уровни возможного взаимодействия с ИИ, преимущества работы как преподавателя с ИИ, так и учащихся.

Ключевые слова: ИИ, анализ больших данных, симуляция, адаптация текста, структурирование текста, персонализация обучения.

Nikolenko E.Yu., Nikolenko G.V.

DIGITAL TUTOR AND PERSONAL ENVIRONMENT: HOW ARTIFICIAL INTELLIGENCE EXPANDED EDUCATIONAL TRAJECTORIES OF HUMANITIES

Abstract. Artificial intelligence is being actively introduced into the learning process. There are already many ways to use AI in classes in various humanities disciplines. The article analyzes the levels of possible interaction with AI, the advantages of working with both teachers and students.

Keywords: AI, big data analysis, simulation, text adaptation, text structuring, learning personalization.

Искусственный интеллект в целом и чат-боты в частности уже некоторое время активно внедряются в процесс обучения по различным дисциплинам. В точных науках ИИ нашел свое особое место, однако и в гуманитарных дисциплинах мы видим достаточно много возможностей для применения ИИ.

В статье будут рассмотрены уровни взаимодействия преподавателей и учащихся с искусственным интеллектом и возможности его положительного использования в учебном процессе. Мы сознательно не касаемся негативных аспектов применения ИИ в обучении, хотя они, безусловно, есть [2, с. 10]. Однако предметом исследования в данной работе являются именно положительные стороны ИИ, т.к. все мы понимаем, что технический прогресс невозможно повернуть вспять, в связи с чем нужно быстро осваивать новые возможности и применять их в профессиональной деятельности.

Первым или базовым уровнем взаимодействия с ИИ называют персонализацию контента. Индивидуализация образования (дидактический принцип индивидуализации образования) предполагает более высокую степень вариативности образовательной среды, форм, методов и технологий обучения. Этот уровень взаимодействия применяется в основном как помощь преподавателю при подготовке к занятиям в нескольких вариантах использования: 1) адаптация текстов; 2) подбор материалов к занятию; 3) перевод текстов; 4) коммуникативная практика с чат-ботом (уровень А1-А2); 5) составление планов (с переходом на следующий уровень взаимодействия).

Остановимся подробнее на каждом из вариантов.

Под адаптацией текстов следует понимать как сокращение объема, так и трансформацию под нужный лексическо-грамматический уровень. Это актуально при изучении иностранных языков, в частности, русского как иностранного. ИИ можно

задать промт (запрос), чтобы он заменил определенные слова в тексте на уже известные студентам, или адаптировал текст целиком, используя лексику и грамматику конкретного учебного пособия. В практике факультета журналистики мы сталкиваемся с тем, что необходимо включать в учебный процесс актуальные медиатексты, однако часто бывает так, что тексты, соответствующие тематике занятия, не соответствуют лексическому уровню учащихся – как правило, они значительно сложнее. В таких случаях применение ИИ оправданно и облегчает задачу преподавателя при подготовке учебных материалов к занятию. Сокращение объема текста также очень полезная функция, которую может выполнить нейросеть. Здесь задача преподавателя состоит в том, чтобы правильно сделать запрос: можно убрать дополнительную информацию (она часто располагается в конце статьи), можно попросить ИИ выделить главное и сделать своеобразный дайджест текста, или же убрать детали и подробности из самого тела статьи, тогда объем сократится, но основная информация останется. Все зависит от целей и задач преподавателя на конкретном занятии.

Помимо адаптации текста можно воспользоваться помощью ИИ в подборе релевантных материалов для занятия. Это могут быть учебные тексты из открытых источников и аутентичные материалы (художественные или медиатексты). По заданным параметрам нейросеть может найти необходимые для занятия тексты.

Одной из привычных функций ИИ является перевод. Услугами онлайн-переводчиков пользуются во многих областях науки и образования. ИИ-переводчики постоянно совершенствуются, но большинство продуктов еще нуждаются в коррекции человеком. На занятиях по переводу студенты делегируют выполнение базовой части, собственно перевода текста, искусственному интеллекту, а потом дорабатывают эти тексты самостоятельно, приводят их в соответствие с текстами на русском языке, применяя различные приёмы переводческих трансформаций, например, конкретизацию, генерализацию, перестановки, замены, опущения, добавления.

ИИ, в частности, чат-боты, могут помочь в коммуникативной практике. Преподаватель/студент задают промт, например, «поговори со мной по-русски (по-английски) на уровне А1 на тему: распорядок дня, интересы и т.д.», и далее участвует в диалоге, четко соответствующем запрошенному уровню владения языком. Можно задавать разные ситуации общения, или, например, попросить использовать лексико-грамматический материал определенных уроков конкретного учебника. Такая тренировка очень полезна для учащихся начальных уровней, т.к. коммуникации в рамках занятий часто бывает недостаточно, а для студентов, начинающих изучать иностранный язык, очень важен выход в речь (аудирование + говорение) и практика общения в целом. Подобные диалоги полезны как для русских студентов, изучающих иностранные языки, так и для иностранцев, изучающих русский. Иностранные студенты могут вступать в том числе в бытовые диалоги, которые необходимы им в повседневной жизни: в магазине, в метро, в университете. Подобная практика может значительно снизить их языковой барьер и помочь в скорейшем усвоении начального и базового уровней русского языка как иностранного.

Использовать нейросеть можно для составления плана на базовом уровне взаимодействия с ИИ, когда искусственный интеллект создает план текста самостоятельно, а студенты впоследствии корректируют его, или используют план для пересказа или письменного развертывания текста.

Все перечисленные варианты взаимодействия с ИИ на базовом уровне предполагают готовый продукт, с которым потом работают студенты. Этот уровень полезен для оптимизации работы преподавателя: те виды работ, на которые раньше тратилось большое количество времени и сил, теперь занимают считанные секунды. Безусловно, нужно проверять конечный продукт, особенно адаптированные тексты, но, в любом случае, это гораздо менее хроноемко. Что касается продуктов, с которыми самостоятельно работают студенты, это тоже некий готовый результат, с которым студент скорее не взаимодействует, а обрабатывает (например, перевод).

Следующий – средний уровень можно определить как тьюторство и развитие навыков, он включает помощь: 1) в объяснении сложных правил и терминов; 2) в структурировании работы (курсовая, ВКР, научная статья); 3) в подборе литературы (курсовая, ВКР, научная статья).

На втором уровне студент самостоятельно взаимодействует с ИИ, он полностью вовлечен. В задачи студента входит правильная формулировка промтов, корректные вопросы ИИ, тогда сотрудничество будет успешным и эффективным.

В учебных пособиях, особенно продвинутых уровней, встречаются сложные дефиниции правил и терминов. Часто студентам трудно разобраться в таком материале. В этом случае на помощь приходит ИИ. Его можно попросить сформулировать правило более простым языком, например, как человеку, который вообще не разбирается в вопросе, или как младшему школьнику. ИИ подстраивается под запрос и может очень толково разъяснить любой материал. Такое взаимодействие студента с ИИ очень полезно, так как у преподавателя не всегда есть возможность дополнительно проконсультировать студента, очень часто часы ограничены, в связи с чем на освоение даже сложного материала дается немного времени. Взаимодействуя с нейросетью, студент лучше усваивает материал, закрепляет его, хорошо запоминает правила и термины, что положительно сказывается на его успеваемости.

Другой вариант непосредственного сотрудничества студента с искусственным интеллектом – помощь в структурировании работы. Мы имеем в виду достаточно объемные виды работ, такие, как курсовые, ВКР, научные статьи. Безусловно, существуют образцы оформления подобных работ, однако не всегда студент способен самостоятельно адекватно оценить результат своих трудов. ИИ может помочь как на начальном этапе: задать план и структуру работы, ориентируясь на предложенную тему, предложенную студентом. Также студент имеет возможность скорректировать структуру своей работы, введя уже имеющийся план и попросив ИИ оптимизировать ее и привести к требованиям вуза. В подобном виде взаимодействия с искусственным интеллектом не стоит злоупотреблять помощью ИИ, так как он выполняет любые задачи достаточно быстро, и существует соблазн задать промт на написание работы целиком. Однако, если действовать разумно, ИИ действительно может существенно облегчить задачу учащегося, но в этом случае работа будет выполнена самостоятельно, ведь студент будет заниматься наполнением, написанием текста сам. В работе будут отсутствовать структурные ошибки, все части текста окажутся на своем месте, развертывание повествования будет выполнено четко и логично.

Помимо структурирования, нейросеть может помочь еще в одном аспекте работы с большими текстами – в подборе литературы. Какие-то источники для написания курсовой работы или ВКР, рекомендованные преподавателем, студент

использует в первую очередь. Если основных источников недостаточно для высокой оценки работы научным сообществом, можно прибегнуть к помощи ИИ, используя несколько способов запроса на подбор литературы:

1) задать тему работы – нейросеть предложит источники и объяснит свой выбор;

2) задать тему и ограничить выбор, например, определенным кругом ученых или издательством вуза (например, издательство Московского университета, или Московская лингвистическая школа). Бывает, что разные научные школы не приходят к общему мнению в вопросах терминологии или в подходах к той или иной проблеме, поэтому необходимо придерживаться определенной научной парадигмы;

3) задать тему и попросить подобрать самые популярные/цитируемые источники – учащийся получит авторитетные и узнаваемые научные труды, которые, скорее всего, не вызовут сомнений и лишних вопросов у комиссии/редактора журнала.

Можно попросить ИИ проверить черновик работы, чтобы на начальном этапе написания исправить очевидные ошибки и задать нужный курс движения вперед.

На среднем уровне взаимодействия с нейросетью учащиеся должны очень четко формулировать свои задачи и впоследствии запросы, иначе они не получат нужный результат. Здесь происходит диалог с ИИ для анализа, аргументации, написания черновики. Нейросеть может стать хорошим помощником, если правильно задавать промт [4, с. 51]. Нейросеть помогает развивать навыки корректного формулирования задач в частности и словесного оформления своих мыслей в целом. ИИ может стать персональным тьютором по предмету, ведь не всегда у студентов есть возможность заниматься с преподавателем дополнительно, а написание ВКР преподавателю и студенту выделяется не так много контактных часов. И как раз в таких случаях помощь нейросетей будет неоценимой: преподаватель может сформулировать направление движения и указать на какие-то опорные точки в тексте, а искусственный интеллект дальше поддержит и скорректирует самостоятельную часть работы студента.

Следующий уровень взаимодействия с нейросетью – высший. Его называют погружением и симуляцией. Это уже сложные отношения сотрудничества, доступные, однако, широкому кругу заинтересованных лиц. Если первый уровень предлагает нам готовый продукт, с которым мы далее работаем самостоятельно (не взаимодействуем), второй уровень предполагает диалог с ИИ, а третий уровень предлагает нам погружение в среду: здесь студент может как общаться с ИИ, так и пользоваться теми материалами, которые нейросеть сгенерировала на конкретный запрос.

Приведём такой вариант, как симуляция, применяемый в разных гуманитарных областях, например, в юриспруденции: для овладения юридической терминологией студент просит ИИ симулировать судебный процесс. ИИ может выступать и в качестве обвиняемого, и в качестве представителя власти: судьи, прокурора или адвоката. В зависимости от заданного промта, нейросеть способна симулировать как определенные моменты судебного процесса, так и весь процесс целиком. Используя информацию, доступную в сети интернет, ИИ имеет практически бесконечное количество данных о различных процессах, он «знает» все законы, поэтому может предстать любым участником процесса. Подобная симуляция – отличная практика для студентов, которые будут работать «в поле». Нейросеть моделирует полилог, который возможно представить в реальных обстоятельствах. Учащийся вынужден реагировать не на

условно смоделированную ситуацию, а выступать участником судебного процесса, подобного реальному. Часто реакции участников суда непредсказуемы и невозможно спрогнозировать, как будут развиваться события. Погружение в симуляцию реальной среды может значительно улучшить навыки будущего юриста и поможет занять ему более выигрышную позицию по отношению к его соученикам – практика важна, так как она помогает приобрести уверенность в себе, лучше усвоить и запомнить законодательную базу, менее остро реагировать на неожиданные повороты процесса.

Помимо юриспруденции симуляцию можно применять и в журналистике. Студенты-журналисты могут попросить ИИ стать какой-то известной личностью, у которой берут интервью. Стоит выбирать существующих (или недавно ушедших) людей, так как стиль общения исторических личностей нейросеть может только предположить, а стиль наших современников может смоделировать из открытых источников. При построении интервью с реальным человеком, будь то политик или киноактер, студент подстраивается под собеседника, он должен чувствовать манеру общения, понимать запретные темы, строить беседу сообразно информационному поводу. С министром иностранных дел С.В. Лавровым будет один стиль ведения беседы, с поп-певцом Ваней Дмитриенко – совсем другой. Журналист должен учиться понимать, кому и какие вопросы можно задавать, каких тем стоит избегать, где можно перескакивать с темы на тему, а где стоит плавно вести неспешный вдумчивый диалог. ИИ может симулировать то, как общаются разные люди, что дает возможность студентам потренироваться на практике, продумать стратегию интервью, увидеть свои слабые места, выработать свой личный стиль общения. Известные журналисты – тоже знаменитости, и у них, безусловно, есть свой стиль, выработанный годами журналистской работы и десятками взятых интервью. Сейчас у студентов есть прекрасная возможность начать формировать свой личный узнаваемый стиль, тренируясь на симулятивных интервью с известными людьми.

Еще одним видом взаимодействия с ИИ на высшем уровне можно назвать анализ больших культурных данных и виртуальные реконструкции. Мы сознательно помещаем эти два аспекта вместе, так как, на наш взгляд, они взаимосвязаны.

При чтении художественной литературы учащиеся часто сталкиваются с тем, что не понимают реалий, окружающих героев, они находятся вне контекста русского культурного кода. Объяснить студенту, особенно иностранному, почему персонажи «Капитанской дочки» А.С. Пушкина ведут себя так, а не иначе, достаточно сложно. На это нужно много времени и ресурсов. В настоящее же время учащийся может воспользоваться помощью ИИ и попросить его смоделировать полную реконструкцию реалий того времени: как жили люди, что ели, кем работали, как перемещались, какие были сословия, какой образ жизни и т.д. Таким образом, через анализ больших культурных данных, ИИ создает реконструкцию культурной и исторической среды, что позволяет учащемуся погрузиться в атмосферу той или иной эпохи и гораздо лучше понять, что происходит в произведении, почему герои ведут себя так, а не иначе, понять их характеры, объяснить для себя их поступки. Это актуально как для студентов, изучающих литературу, так и изучающих историю, культурологию, лингвострановедение и другие гуманитарные науки. Подобные варианты можно использовать не только для реконструкции исторической среды, но и для структурирования персонажей в литературе крупных форм (например, «Война и мир»

Л.Н. Толстого). [3] Уже сейчас существуют реализованные проекты реконструкций, например, "Проект "Война и мир" в картах и схемах". [5]

Резюмируя, хотелось бы подчеркнуть, что взаимодействие с искусственным интеллектом может происходить на трех основных уровнях: 1) базовом (персонализация контента); 2) среднем (тьюторство и развитие навыков); 3) высшем (погружение и симуляция).

На каждом уровне происходит различное по типу взаимодействие с ИИ, которое характеризуется вовлеченностью учащихся в предмет. Это может быть работа с готовым продуктом (базовый), большая включенность в процесс (средний) или полное погружение (высший). В зависимости от целей и задач обучения, преподаватель и студенты выбирают соответствующий уровень сотрудничества с ИИ.

Признаемся, что воспользовались ИИ при написании этой статьи – на среднем уровне – структурировании текста. Не поручая ИИ выполнение всей работы, можно продуктивно сотрудничать с ним, не теряя в качестве, однако выигрывая в скорости.

Список литературы

1. Зеер Э.Ф., Крежевских О.В. Концептуально-теоретические основы персонализированного образования // Образование и наука. 2022. Т. 24. №4. С. 11–39. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-4-11-39
2. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023 Т. 32 № 4. – С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
3. Скоринкин Д. А. Семантическая разметка художественных текстов для количественных исследований в филологии (на примере романа «Война и мир» Л. Н. Толстого): дис. ...канд. фил. наук: 10.02.21. — Высшая школа экономики, Москва, 2018. – 164 с. – <https://sysblok.ru/philology/500-geroev-v-odnoj-sheme-o-chem-govorit-setevoj-analiz-vojny-i-mira/> (дата обращения 26.04.2026)
4. Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности / под ред. М.С. Добряковой, И.Д. Фрумина; при участии К.А. Баранникова, Н. Зиила, Дж. Мосс, И.М. Реморенко, Я. Хаутамяки; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020 — 472 с.
5. Kokobobo A. Using digital technologies to uncover the geographic dimension of Tolstoy's *War and Peace* // Russian Literature. 2021. Vol. 122–123. P. 193–215. DOI: 10.1016/j.ruslit.2021.07.009. – <https://sysblok.ru/philology/galopom-po-evropam-puteshestvuem-s-gerojami-vojny-i-mira/> (дата обращения 3.04.2026)

Сведения об авторах

Николенко Елена Юрьевна – доцент, кандидат педагогических наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова филологический факультет. E-mail: nikolenkoeu@yandex.ru

Николенко Галина Владимировна – старший преподаватель факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: galentinanik@yandex.ru

Information about the authors

Nikolenko Yelena Yurivna – Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov Faculty of Philology. E-mail: nikolenkoeu@yandex.ru

Nikolenko Galina Vladimirovna – Senior Lecturer at the Faculty of Journalism of M.V. Lomonosov Moscow State University. E-mail: galentinanik@yandex.ru

**ОБРАЗ КАЗАЧЕСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ПИСАТЕЛЕЙ-КАЗАКОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТАВРОПОЛЬЯ)**

Аннотация. В статье рассматривается отражение казачьей идентичности в русской литературе XIX–XXI веков. Анализируются произведения классиков (Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь), а также писателей, вышедших из казачьей среды, с особым вниманием к ставропольским авторам (В.В. Ходарев, А.Е. Екимцев, И.В. Кузнецов). Раскрывается роль региональной литературы в сохранении культурной памяти, языка и традиций казачества. Делается вывод о значении творчества писателей-казаков Ставрополья для общероссийского культурного пространства.

Ключевые слова: казачество, литература о казачестве, писатели-казаки, Ставрополье, культурная идентичность, региональная традиция, образ казака, русская культура.

Pilipchuk M.S., Nechipurenko O. Yu.

**THE IMAGE OF THE COSSACKS IN LITERATURE AND THE CREATIVE
HERITAGE OF COSSACK WRITERS: A REGIONAL ASPECT (BASED ON THE
MATERIAL OF STAVROPOL REGION)**

Abstract. The article examines the reflection of Cossack identity in Russian literature of the 19th–21st centuries. The works of classics (L.N. Tolstoy, N.V. Gogol) as well as writers originating from the Cossack environment are analyzed, with special attention to Stavropol authors (V.V. Khodarev, A.E. Ekimtsev, I.V. Kuznetsov). The role of regional literature in preserving the cultural memory, language and traditions of the Cossacks is revealed. The conclusion is made about the significance of the creative work of Cossack writers of Stavropol region for the all-Russian cultural space.

Keywords: Cossacks, literature about the Cossacks, Cossack writers, Stavropol region, cultural identity, regional tradition, image of a Cossack, Russian culture.

Введение

Казачество на протяжении столетий играло важнейшую роль в освоении и защите южных рубежей России. Однако значение казачьего сословия выходит далеко за рамки военной истории. Казачество создало уникальную культуру, соединившую в себе элементы различных традиций, но сохранившую русский язык и православную веру как основу. Эта культура нашла яркое отражение в литературе в произведениях русских классиков и в творчестве писателей, вышедших из самой казачьей среды.

Ставропольский край – уникальный регион, где переплелись традиции терского и кубанского казачества. Здесь на протяжении двух веков формировалась особая культурная среда, породившая плеяду замечательных писателей-казаков. До сих пор их творчество недостаточно изучено и популяризировано. Данная статья призвана восполнить этот пробел. В современном мире, характеризующемся процессами глобализации и унификации, обращение к региональным культурным кодам становится особенно важным. Литература о казачестве позволяет сохранить историческую память и транслировать традиционные ценности новым поколениям.

Цель настоящей работы – выявить ключевые особенности изображения казачества в литературе и определить вклад писателей-казаков, прежде всего ставропольских, в развитие русской культуры.

1. Казачья тема в русской классической литературе XIX века

Интерес к казачеству со стороны русских писателей возник не случайно. В XIX веке, когда дворянская культура переживала кризис, взоры многих обратились к народу – к тем, кто сохранил, как тогда казалось, первозданную силу и чистоту нравов.

Наиболее ярко этот образ воплотился в повести Л.Н. Толстого «*Казачьи*» (1863). Толстой сам служил на Кавказе и имел возможность наблюдать жизнь гребенских казаков изнутри. Главный герой повести, дворянин Оленин, попадает в казачью станицу и сталкивается с миром, который поражает его своей цельностью. Казаки у Толстого — это люди, живущие в гармонии с природой, не обремененные рефлексией, характерной для образованного общества. Особую роль играет образ старого казака Ерошки — носителя народной мудрости. Исследователь Б.М. Эйхенбаум подчеркивал, что Толстой сознательно противопоставляет «естественного» казака «искусственному» дворянину [1, с. 89].

Иной образ казачества создает Н.В. Гоголь в повести «*Тарас Бульба*» (1835). Здесь мы видим не лирические зарисовки быта, а эпическое полотно. Казаки Гоголя — это воины-богатыри, рыцари православной веры и русской земли. Знаменитая речь Тараса о товариществе стала хрестоматийной. Как отмечает литературовед Ю.В. Манн, Гоголь заложил основы того эпического, героического восприятия казачества, которое будет доминировать в русской культуре на протяжении десятилетий [2, с. 156].

Таким образом, уже в XIX веке в литературе формируются два основных подхода к изображению казачества: лирико-этнографический (Толстой) и героико-эпический (Гоголь). Оба этих подхода получили развитие в последующей литературе, в том числе и в творчестве ставропольских авторов.

2. Писатели-казаки России: голос изнутри культуры

Подлинное открытие казачьего мира произошло тогда, когда заговорили сами казаки. Писатели, вышедшие из казачьей среды, увидели свой народ не со стороны, а изнутри.

Для всего казачества ключевой фигурой является, безусловно, *Михаил Александрович Шолохов* (1905–1984) с романом-эпопеей «*Тихий Дон*» (1928–1940). Шолохов — донской казак, родившийся в станице Вешенской. Его роман показывает трагедию народа, расколота Гражданской войной. Образ Григория Мелехова стал символом человека в водовороте истории. Исследователь Ф.Г. Бирюков отмечает, что сила Шолохова — в глубочайшем знании казачьего быта и психологии [3, с. 97].

Вопрос об авторстве «Тихого Дона» на протяжении десятилетий оставался одной из самых дискуссионных проблем в литературоведении. Выдвигались различные гипотезы, ставившие под сомнение принадлежность романа М.А. Шолохову. Однако развитие текстологии и появление методов количественного анализа стиля позволили поставить точку в этом споре. Исследования, проведенные как отечественными, так и зарубежными учеными, в том числе с применением компьютерной стилистики, убедительно подтвердили: автором «Тихого Дона» является именно Михаил Александрович Шолохов [4, с. 184–185; 5].

Для Кубани ключевая фигура – *Виктор Иванович Лихонос* (род. 1936). Его роман «*Наш маленький Париж*» (1987) стал настоящей энциклопедией жизни кубанского казачества. Лихонос мастерски передает кубанский говор – мягкий, певучий, впитавший в себя и украинские, и южнорусские черты [6, с. 212].

Особое место занимают писатели-эмигранты. *Петр Николаевич Краснов* (1869–1947) создал в своих романах идеализированный образ дореволюционного казачества [7, с. 78]. Поэт *Николай Николаевич Туроверов* (1899–1972) стал голосом тоски по утраченной родине:

*«Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня...»* [8, с. 112].

3. Писатели-казаки Ставрополья

Ставрополье – родина терского казачества, и здесь сложилась своя богатая литературная традиция.

Витислав Васильевич Ходарев (1939–2013). Ключевая фигура ставропольской казачьей литературы — терский казак, поэт, прозаик, фольклорист Витислав Ходарев. Родился в станице Зольской Кировского района, детство провел в станице Лыгогорской Предгорного района. Он стоял у истоков возрождения казачества на Ставрополье, был первым председателем организационного комитета по возрождению казачества [9].

Ходарев – автор более 20 книг, заслуженный работник культуры РФ, лауреат трёх литературных премий. Вершиной его творчества стали произведения, посвященные казачеству: *«Казачий круг»*, *«Терские протоки»*, *«Казачья любовь»*, *«Казачьи сны»*, поэмы *«Высота Толстова»*, *«Станица»*. Особую ценность представляет книга *«Станичные суеверия»* – уникальное собрание фольклора терских казаков [10].

Ходарев написал *«Духовный гимн казачества»*, который получил благословение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Это признание церковью значения его творчества — случай уникальный для писателя-казака.

В своих стихах Ходарев создал пронзительный образ казачьей доли:

*«Казак без веры — не казак,
Без веры он — трава в полях...»*

Александр Ефимович Екимцев (1929–1992). Известный ставропольский поэт, хоть и не был казаком по происхождению, много писал о казачьем крае. Родился на Кубани, но большая часть жизни связана со Ставропольем. Его поэзия пронизана любовью к родной земле, к ее истории. В стихах Екимцева оживают картины казачьей станицы, природа Предкавказья, судьбы земляков [11].

Иоаким Вячеславович Кузнецов (1917–2016) – прозаик, публицист, автор книг о Ставрополье. В своих произведениях обращался к истории казачества, к судьбам ставропольских станиц. Его очерки и рассказы содержат ценный этнографический материал о быте и традициях терских казаков [12].

4. Язык как отражение казачьей культуры

Одной из важнейших особенностей литературы о казачестве является ее язык. Писатели-казаки активно используют диалектизмы, особые синтаксические конструкции, вплетают в ткань повествования народные песни и поговорки.

В произведениях ставропольских авторов встречаются характерные для терских казаков слова: «курень» (дом), «баз» (скотный двор), «вечерять» (ужинать), «цибарка» (ведро), «кочет» (петух). Это не просто экзотизмы, а живые элементы речи, которые литература помогает сохранить для будущих поколений.

Особую ценность представляет работа В.В. Ходарева по собиранию фольклора. В своих книгах он зафиксировал множество преданий, легенд, песен терских казаков, которые без него могли быть утрачены навсегда. Как отмечает лингвист Л.Б. Мартыненко, использование диалектной лексики в художественных текстах выполняет важнейшую функцию сохранения языкового многообразия [13, с. 156].

5. Значение казачьей литературы в современном культурном пространстве

Литература о казачестве и творчество писателей-казаков выполняют сегодня несколько важнейших функций.

Во-первых, они являются хранителями исторической памяти, фиксируя детали быта, традиций и мировоззрения, которые могут быть утрачены.

Во-вторых, они обладают мощным воспитательным потенциалом. Как справедливо замечает педагог Т.С. Федорова, изучение региональной литературы помогает учащимся осознать свою связь с предшествующими поколениями. Произведения о казачестве транслируют такие ценности, как любовь к малой родине, уважение к старшим, верность долгу [14, с. 230].

В-третьих, они вносят вклад в общероссийскую культуру, демонстрируя ее региональное многообразие. Казачья литература Ставрополя — не периферийное явление, а полноправная часть великой русской словесности.

Сегодня важно продолжать популяризацию творчества ставропольских писателей-казаков, включать их произведения в школьные программы, издавать и переиздавать их книги, переводить на иностранные языки.

Заключение

Литература о казачестве представляет уникальное явление в русской культуре. Пройдя путь от первых классических произведений XIX века до современных исканий, она сохранила верность главной теме — изображению казака как человека, глубоко укорененного в традиции.

Особое место в этом процессе принадлежит ставропольским писателям-казакам. Творчество В.В. Ходарева, А.Е. Екимцева, И.В. Кузнецова позволяет увидеть мир терского казачества изнутри, понять его ценности и смыслы. Их произведения являются неотъемлемой частью общероссийского культурного наследия.

Дальнейшее изучение, сохранение и популяризация литературы о казачестве Ставрополя – важная задача для филологии, образования и культуры в целом.

Список литературы

1. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: Семидесятые годы. – Л.: Советский писатель, 1974. – 360 с.
2. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. — М.: Художественная литература, 1988. — 413 с.
3. Бирюков Ф.Г. Художественные открытия Михаила Шолохова. — М.: Современник, 1980. — 368 с.
4. Хьетсо Г., Густавссон С., Бекман Б., Гил С. Кто написал «Тихий Дон»? (Проблема авторства романа). — М.: Книга, 1989. — 192 с.
5. Великанова Н.П., Орехов Б.В. Цифровая текстология: атрибуция текста на примере романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Мир Шолохова. — 2019. — № 1. — С. 78–93.
6. Чалмаев В.А. Виктор Лихонос и его «Наш маленький Париж» // Лихонос В.И. Наш маленький Париж. — М.: Современник, 1989. — С. 3–18.
7. Карасев А.В. Литература русского зарубежья: казачья тема // Русское зарубежье: история и современность. — М.: ИНИОН РАН, 2003. — С. 74–91.
8. Туроверов Н.Н. Казачий стан: Стихотворения. — Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1995. — 256 с.

9. Ходарев В.В. Казачий круг: Стихотворения и поэмы. — Ставрополь: Книжное издательство, 1995. — 320 с.
10. Ходарев В.В. Терские протоки: Проза. — Ставрополь: Южнорусское издательство, 2003. — 280 с.
11. Екимцев А.Е. Стихотворения. — Ставрополь: Книжное издательство, 1985. — 240 с.
12. Кузнецов И.В. Ставропольские записки: Очерки. — Ставрополь: Издательство СГУ, 2000. — 190 с.
13. Мартыненко Л.Б. Диалектная лексика в произведениях ставропольских писателей // Вестник Ставропольского государственного университета. Серия: Филология. — 2011. — № 5. — С. 153–158.
14. Федорова Т.С. Региональная литература в системе школьного образования Ставропольского края // Педагогика и психология образования. — 2020. — № 3. — С. 226–235.

Сведения об авторах

Нечипуренко Олеся Юрьевна – учитель русского языка и литературы, руководитель ШМО МОУ «Средняя общеобразовательная школа №18» ст. Григорополисской Ставропольского края.

Пилипчук Марина Сергеевна – учитель русского языка и литературы МОУ «Средняя общеобразовательная школа №18» Григорополисской Ставропольского края.

Information about the authors

Nechipurenko Olesya Yurievna – Teacher of Russian Language and Literature, head of the School Methodological Association of Secondary School No. 18 in Grigoropolisskaya, Stavropol Territory.

Pilipchuk Marina Sergeevna – Teacher of Russian Language and Literature of Secondary School No. 18 in Grigoropolisskaya, Stavropol Territory.

Самарская С.Н.

УДК 81'67.7

ЛИТЕРАТУРА КАК ПАМЯТНИК ИСКУССТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТЬИ Д.А. ГРАНИНА «ПРОПИСАННЫЕ НАВЕЧНО»)

Аннотация. В настоящей работе литература рассматривается как культурный артефакт, как живой памятник искусства на материале публицистической статьи Д.А. Гранина «Прописанные навечно». На основании выделенных авторских идеологем было определено, что литература раскрывает способность формировать устойчивую культурную идентичность общества, становясь важнейшим столпом искусства в эпоху современных социальных изменений.

Ключевые слова: литература, культурный артефакт, идеологема, публицистика, идиостиль Д.А. Гранина.

Samarskaya S.N.

LITERATURE AS A MONUMENT OF ART (BASED ON THE ARTICLE BY D.A. GRANIN "THOSE WHO ARE REGISTERED FOREVER")

Abstract. In this work, literature is considered as a cultural artifact, as a living monument of art, based on the journalistic article by D.A. Granin "Those Who Are Registered Forever." Based on the author's ideological concepts, it was determined that literature reveals its ability to form a stable cultural identity of society, becoming an essential pillar of art in the era of modern social changes.

Keywords: literature, cultural artifact, ideologeme, journalism, D.A. Granin.

Литература, как форма художественного выражения, представляет собой не только источник эстетического наслаждения для отдельного читателя, но и памятник культуры, сохраняющий историческую память. В статье Д.А. Гранина «Прописанные навечно» рассматривается концепция литературы как важного элемента культурной памяти, что подчеркивает её значимость в контексте формирования общественного сознания. Цель данной работы – проанализировать идеологемы Д.А. Гранина о литературе как о памятнике искусства, определить роль литературы в сохранении исторической и культурной идентичности, а также определить место писателя в этом процессе. Рассматривая литературу как памятник искусства, мы сможем не только оценить её эстетическую ценность, но и выявить её роль в формировании этических и эстетических ориентиров современного общества.

Обратимся к публицистической статье Д.А. Гранина «Прописанные навечно». Автор делит текст на две части, используя графическое средство – абзацный отступ. Использование двухчастной композиции обусловлено авторским замыслом – продвижением идеи сохранения *«всего лучшего из построенного, сказанного, созданного»* [1, с. 22], то есть продвижением ключевой интенцией статьи – утверждение статуса культуры как одного из столпов искусства. Созвучен авторскому замыслу заголовок статьи – сильная позиция текста; то, что создано деятелями искусства в широком смысле слова, навечно прописано в истории человечества, выступает частью генетического кода человека. Публицистическая статья отличается строгой авторской системой аргументов и иллюстраций, подтверждающих сформулированную нами идеологему.

В публицистической статье литература рассматривается как механизм кодирования исторического опыта и нравственных ориентиров, обеспечивающий передачу смыслов между поколениями. Произведения фиксируют и интерпретируют жизненные события и ценности, выступая в роли коллективной памяти и опоры для общественной идентичности.

«Я думаю, что советская литература была великой, советское кино было великим кинематографом, то же можно сказать и о театре, музыке. Но я высоко ценю свободу, которую получил художник в наше время, хотя мало кто из нас знает, как обращаться с этой свободой» [1, с. 19]. Авторское мнение эксплицитно выражает интенцию ‘одобрения, восхищения’. Лексический повтор личного местоимения выступает предикативным центром главной части полипредикативных конструкций: *«я думаю»*, *«я высоко ценю свободу»*, *«я буду говорить об истинной литературе»* [1, с. 19 – 20]. Автор использует повтор различных частей речи: соединительного союза *и*, частицы *не*, притяжательного местоимения *её*. Вариативность названных повторов создает параллелизм конструкций, передает авторский субъективизм в восприятии читателями ценности литературы. Публицист говорит о литературе, используя эпитет *истинная*, олицетворяя и наделяя её способностью помогать внимательному адресату-читателю правильно понимать происходящее.

Писатель выступает как создатель смысловых конструкций, которые приобретают вневременную значимость и входят в коллективное сознание. Писатель в этой модели предстает не только как творец, но и как архитектор прописанных навечно смыслов, чья деятельность формирует устойчивые ориентиры общественного сознания. Литература функционирует как фундаментальная форма культурной памяти,

преобразующая индивидуальное творчество в долговременное художественное наследие и сохраняющую историческую и нравственную целостность общества.

В трактовке Д.А. Гранина такие конструкции функционируют как элементы культурной памяти, выходящие за рамки личной биографии автора и служащие опорой для общественных ориентиров. Произведения, структурируя образы, символы и этические смыслы, способствуют трансформации индивидуального творчества в общечеловеческое наследие и обеспечивают воспроизводимость этих значений в социальной памяти. Роль писателя в этом процессе следует рассматривать как архитектурную: он проектирует и закрепляет «прописанные навечно» смыслы, формирующие коллективное сознание и поддерживающие преемственность культурных ценностей. Д. Гранин включает в канву текста авторскую ремарку, он пересказывает историю «реставрационных» работ в здании, послужившем прототипом дома Родиона Раскольникова, героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и выражает субъективное отношение к подобному «благоустройству».

Автор выражает интенцию *'негодования'* эксплицитно, поскольку дом Раскольникова был уничтожен под натиском «благоустройства». *«Дом и двор были тщательно отремонтированы. Но как! Дворницкая в подворотне замурована. Каретные сараи во дворе снесены, посередине был разбит садик. Лестницы свежесвыкрашены, украшены фонтанами... Окно замуровали. Всё было перестроено, обновлено... И со всей тщательностью уничтожено соответствие роману. Двор вымостили плитками. Получился современный, аккуратный, образцово-показательный двор, непохожий на петербургские дворы. Исчез уникальный мемориал»* [1, с. 20-21]. В приведенном отрывке мы отметили лексемы с общей семой *'произвести ремонт чего-либо, устранить несовершенства'* [2], а также лексемы с семой *'нанести урон, причинить вред, разрушение'* [2]. Употребление данных лексических единиц в одном синтаксическом пространстве – это применение стилистического приема оксюморон. Автору сочетает несочетаемые единицы для формирования карикатурного изображения действительности и выражения ироничного отношения к фактам псевдореставрации памятника культуры. Дополнительную эмоциональность придает безличное предложение вокативного типа: *«Но как!»* [1, с. 20].

Эстетическую ценность литературных произведений определяет их способность сохранять актуальность во времени благодаря универсальности художественных образов и глубине философского содержания. Универсальные образы обеспечивают возможность повторного прочтения и интерпретации в различных культурных и исторических контекстах, что поддерживает устойчивость эстетического воздействия. Философская глубина содержания способствует формированию многослойных смыслов, перерабатываемых читательским опытом и академическим анализом, подтверждая долговременную значимость текста. Художественная целостность классических текстов проявляется в органичном единстве формы и содержания, при котором композиционные и стилистические решения подкрепляют смысловую нагрузку произведения. Такое единство создает предпосылки для устойчивых эстетических критериев, позволяя тексту функционировать как вневременной эталон красоты. В результате читатель сталкивается с произведением, в котором художественные средства и смысловые линии образуют согласованную систему, сохраняющую свою референтную и культурную значимость при перемене эпох.

Авторский субъективизм выражается в употреблении личного местоимения, системы риторических вопросов, построенных по анафорическому принципу: «Я никогда не мог толком ответить на вопрос – зачем существует литература. Для наслаждения? Для развлечения? Она избавляет от одиночества? Она помогает понять человека? Ответов множество» [1, с. 24]. Автор ставит вопросы не только перед собой, но и перед читателем, которому адресовано публицистическое эссе.

Автор-публицист Д. Гранин отвечает на поставленные вопросы, используя примеры из личного читательского и жизненного опыта. Чтобы показать, как поступки героев литературных произведений помогли ему осмыслить многое и найти ответы на возникающие вопросы, он применяет художественный параллелизм: «Так «Преступление и наказание» осветило мне тьму характера вождя нашей революции», «Не так давно, перечитывая «Войну и мир» Толстого, я обратил внимание на то, как автор описывает французских солдат офицеров. ... Я невольно сравнивал толстовский гуманизм, толстовское отношение к войне, к противнику с нашей военной литературой, с моим собственным непримиримым чувством» [1, с. 24 – 26]. В приведенных примерах-иллюстрациях интенция автора-публициста выражена преимущественно эксплицитно посредством мелиоративной лексики, оценки через сравнение. Например, лексема 'осветить', употребленная в значении 'сделать светлым, видимым' [6], вошла в состав развернутой метафоры «осветило мне тьму характера вождя».

Концепции Д.А. Гранина о литературе как «прописанном навечно» памятнике искусства подтверждается проведенным анализом авторских идеологем и демонстрирует способность художественного слова транслировать универсальные ценности через поколения, превращая единичное творчество в коллективное культурное достояние. В реалиях цифровой эпохи идеи Д.А. Гранина звучат актуально, поскольку литература позволяет сохранить подлинность человеческого опыта. Авторская интенция рассмотренного публицистического эссе направлена на установление открытого диалога с воображаемым оппонентом – читателем-адресатом, использование Д. Граниным богатого иллюстративного материала обусловлено распространением идеи провозглашения бессмертия лучших образцов литературных произведений, которые навечно прописаны в истории человечества, которые по праву можно считать частью генетического кода человечества.

Список литературы

1. Гранин Д. Прописанные навечно // Тайный знак Петербурга. – СПб.: Logos, 2002.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/small-academic-vocabulary/index.htm> (дата обращения 17.02.2026).

Сведения об авторе

Самарская Светлана Николаевна – ассистент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им Л.Н. Толстого. E-mail: LSN1503@yandex.ru

Information about the author

Samarskaya Svetlana Nikolaevna – Assistant of the Department of Russian Language and Literature of the Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. E-mail: LSN1503@yandex.ru

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ГЕРОЕВ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ Ю.П. КАЗАКОВА)

Аннотация. В статье исследуются лингвистические средства создания речевого портрета образа героев в прозе Ю.П. Казакова («Тихое утро», «Ночь», «На охоте», «Никишкины тайны», «Ни стуку, ни грюку»). В произведениях выявляются и описываются словообразовательные, лексические и грамматические особенности речевого портрета персонажей. В рамках анализа делается вывод, что речевое портретирование героя литературного произведения характеризует его личность, культуру речи, принадлежность к определенной социальной группе. Подчеркивается, что самыми частотными и яркими являются словообразовательные (слова с суффиксами субъективной оценки), лексические (разговорная и просторечная лексика) и грамматические средства разговорной речи (просторечные формы местоимений, глаголов и прилагательных, большое количество междометий и частиц, слова-предложения и присоединительные конструкции). Комплексное изучение словообразовательных и лексико-грамматических средств создания речевого портрета в творчестве Ю.П. Казакова еще не становилось предметом специального изучения в отечественной лингвистике и литературоведении. В работе использовались структурный и описательный методы, а также метод целостного анализа художественного произведения.

Ключевые слова: речевой портрет, герой, средства разговорной речи, просторечная лексика, междометие, частица, слова-предложения, присоединительные конструкции.

Skudnyakova E. V.

SPEECH PORTRAIT AS A MEANS OF CREATING CHARACTER IMAGES (BASED ON THE STORIES OF YU.P. KAZAKOV)

Abstract. The article examines the linguistic means of creating a speech portrait of the image of heroes in the prose of Yu.P. Kazakov ("Quiet morning", "Night", "On the hunt", "Nikishkin's secrets", "No knock, no grunt"). The works identify and describe the word-formation, lexical and grammatical features of the characters' speech portraits. The analysis concludes that the verbal portrayal of the hero of a literary work characterizes his personality, culture of speech, belonging to a certain social group. It is emphasized that the most frequent and striking are word-formation (words with suffixes of subjective evaluation), lexical (colloquial and colloquial vocabulary) and grammatical means of colloquial speech (colloquial forms of pronouns, verbs and adjectives, a large number of interjections and particles, sentence words and adjunctive constructions). The comprehensive study of the word-formation and lexico-grammatical means of creating a speech portrait in the works of Yu.P. Kazakov has not yet become the subject of special study in Russian linguistics and literary studies. The work used structural and descriptive methods, as well as a method of holistic analysis of the artwork.

Keywords: speech portrait, hero, means of colloquial speech, colloquial vocabulary, interjection, particle, sentence words, connective constructions.

Введение

В рамках антропоцентрической тенденции современной науки о языке и литературе изучение лингвистических средств создания речевого портрета персонажа в художественном произведении считается актуальным. Речевой портрет помогает автору раскрыть самые потаенные движения человеческой души, обозначить принадлежность героя к той или иной социальной группе и т.п. Важно отметить, что Казаков Ю.П. часто использовал возможности речевого портрета для изображения

образа ребенка. Варламов А. справедливо отмечал: «Детская душа была для него критерием искренности, доверчивости ...» [6, т. 2, с. 6].

Цель работы – исследовать лингвистические особенности, с помощью которых создаются речевые портреты персонажей в прозе Казакова Ю.П. на примере рассказов: «Тихое утро» (1954), «Ночь» (1955), «На охоте» (1956), «Никишкины тайны» (1957), «Ни стуку, ни грюку» (1960). Основные задачи – изучить понятие «речевой портрет» персонажа, выявить и описать лексические, словообразовательные и грамматические особенности речи героев, проанализировать их роль в создании художественных образов.

Методы исследования

В работе применялись следующие методы: описательный, структурный и метод целостного анализа художественного произведения.

Теоретическая база исследования

В современном языкознании наблюдается заметный интерес к проблеме речевого портрета, в том числе на примере персонажей литературных произведений. Появление понятия «речевой портрет» было связано с работами Панова М.В., который рассматривал фонетические портреты известных политиков, писателей и др. [13]. Дальнейшее изучение речевого портрета осуществлялось в трудах Винокура Т.Г., Земской Е.А., Николаевой Т.М., Китайгородской М.В., Крысина Л.П., Голубевой И.В. и других исследователей [2; 4; 11; 9; 10; 3].

Ахманова О.С. достаточно точно определила рассматриваемое понятие: «Особый подбор слов, выражений, оборотов речи и т.д. как средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения» [1, с. 385].

При этом необходимо учитывать справедливое замечание Инфантовой Г.Г. о том, что термин «речевой портрет» вбирает в себя не только лингвистические характеристики речи личности (персонажа), но и экстралингвистические факторы (социальное положение, профессия, возраст и т.п.) [5].

Результаты исследования

Понятие «речевого портрета» можно толковать двояко. Во-первых, речевой портрет – это комплекс лингвистических особенностей речи героев рассказов (лексические, словообразовательные, грамматические), которые отражают индивидуальность личности, социальную группу, уровень речевой культуры и т.д. Во-вторых, это одно из средств изображения героя в художественном произведении. При анализе речевого портрета важно также акцентировать внимание на тех уровнях языка, в которых есть так называемые «яркие диагностирующие пятна» [11, с. 73]. Так, Казаков Ю.П. мастерски вводит элементы разговорной речи (в том числе просторечие) в диалоги, монологи (в том числе внутренние) своих персонажей (простые рыбаки, охотники, рабочие и др.), чтобы показать их уровень образованности и принадлежность к определенной социальной группе (жители деревни), специфику характера.

Например, в рассказах «Тихое утро» и «Никишкины тайны» речевой портрет – ключевое средство, с помощью которого автор изображает деревенских мальчиков Яшку (на контрасте с городским Володей) и Никишку. Поэтому в высказываниях героев присутствует достаточно много слов с разговорной окраской (словарная помета – *разг.*): «— *Ну да*, — *меланхолично продолжал Яшка*» (фразеологическое выражение),

«— У нас рыба обижается, когда к ней без галстука **суешься**», «Надо было **связываться** с этим москвичом, который <...> и рыбы в глаза **не видал!**», «— Вчера наш завклубом <...> сома **видал...**», «**Во-во...**», Я сам первый раз поймал — рот **разинул**», «...Глядит — из воды щуп и вот по берегу **шарит...**», «— **Недотена чертова!**» («Тихое утро») [12, с. 146, 730, 694, 78, 97, 636, 880, 396; 6, т. 2, с. 309, 310, 311, 312, 314, 316]. В речи персонажа встречается также слово, у которого не только разговорная окраска, но и дополнительная – бранная (словарная помета – *бран.*): «— **Дурак!** — сипло закричал Яшка...» [12, с. 178; 6, т. 2, с. 316]. В репликах Никишки: «**Птиц видал, грибов видал, с конем говорил**», «**Небось ночью-то переваливаются <...> за день-то вон как бок отлежишь!**» [12, с. 8, 464; 6, т. 2, с. 373].

В высказываниях героев есть и слова с просторечной окраской (словарная помета – *прост.*): «— У вас там, в Москве, **небось...**», «— **Небось в Москве такой нету?**», «**Дать ему по шее, что ли?**»; «**Всю ночь пахал с фарами, чуток поспал и опять пошел...**», «**Всяко бывает**», «— **Сидит раскорякой...**», «— **Недотена чертова!**», «**"Помер?" — с испугом подумал Яшка...**» («Тихое утро») [12, с. 392, 148, 878, 103, 648, 872, 549; 6, т. 2, с. 309, 311, 310, 312, 315, 316, 319]. В репликах Никишки: «**Небось ночью-то переваливаются, кому неловко лежать...**», «**На вот тебе, мамка наклала...**» [12, с. 392, 333; 6, т. 2, с. 373]. Речевой портрет отца Никишки, который был простым рыбаком, также включает просторечную лексику: «**Давеча рыбаки туда бежали на доре, так и его взяли...**», «— **Дак они по-своему, по-березьи небось говорят!**», «**Ноги-то, вишь, совсем у него разломило...**», «— **Вишь? Вишь, внизу тоже сеть — это доно**», «**А ходим за ним всяко: другой раз на карбасах, другой раз на ледоколе**» [12, с. 146, 392, 81, 637, 893, 103; 6, т. 2, с. 373, 374, 376, 377].

И в рассказе «Ночь» речевые портреты деревенских мальчиков (Семен, Лешка) и охотника (Петр Андреевич) создаются с помощью разговорной и просторечной лексики (в том числе фразеологизмов). Примеры слов с разговорной окраской в репликах Семена: «— **Ерунда!**», «— **Тащи дров!**», «...**На берег выйдет и орет**» (у слова «орет» есть еще дополнительная эмоциональная окраска – неодобрительная), «...**Эх и закатимся мы с вами дня на два!**» [12, с. 183, 779, 449, 202; 6, т. 2, с. 324, 328, 331, 332]. В высказываниях Петра Андреевича: «— **Ах, будь ты неладна!**» (фразеологизм), «— **Вот оказия, а?**», «**О корень споткнулся, будь ты неладна...**» [12, с. 398, 440; 6, т. 2, с. 325, 326]. Просторечная лексика в речи героев: «—**А то наш механик давеча полную сумку приволок оттуда**», «— **У себя. Давеча проплыл вверх**», «**А можно, ежели мало...**», «...**Но ежели прикинуть на тонкий слух...**», «**А песня, особо ежели долгая...**», «— **Хотите, поведу я вас на такое место, в каком отродясь**» (Семен); «...**Нет, я дойду до Овшанки, а там полеее, акkurat у реки...**», «—**Прощай покуда**» (Петр Андреевич); «— **Ему батя баян купил...**», «**Дядя Федор <...> как топором в стенку саданет!**» (Лешка) [12, с. 146, 578, 183, 470, 18, 541, 35, 681; 6, т. 2, с. 326, 332, 329, 328, 329, 327]. В высказываниях Петра Николаевича и его сына (охотники): «**Неужели мы тут целый месяц проживем! Здорово!**» (*прост.*); «— **Обожди... дай я, дай я ...**» (*разг.*) (Алексей, «На охоте») [12, с. 222, 424; 7, т. 1, с. 111, 116].

Особенно много просторечной лексики в репликах героев рассказа «Ни стуку, ни грюку». Например, в речи сельского электрика Сереги Вараксина: «**Хотишь поохотиться — валяй к нам в Мятлево**», «— **Затем, что пришить могут!**», «**Нам бы с тобой сейчас по бабе какой-нибудь, по мордатой!**», «...**Да чтобы на морду была не**

прекрасная», «— А ведь и **гады** мы с тобой!», «Вазузка твоя **ни хрена** не стоит, верно тебе говорю!», «Сегодня же уеду, на **хрена** мне такая самодеятельность!», «Любовь **крутить** да письма всякие писать — плевое дело!», «— Ничего не **бодяга!**», «— Ты еще **сопливый**, не понимаешь!», «Эх, тебя бы к нашим **корешам**, они б тебя **обработали!**» (слово «обработали» используется в переносном значении), «Ах ты, думаю <...> в самый **аккурат** мой вкус!», «Я тогда к ней, **оттираю** ее в сторону», «Они, эти девки, всегда дрожат, прихватишь там ее под руку или **лапанешь**...», «...Молчу, делаю вид, что **дюже** смущен», «Так я ее и проводил до самого двора, а **пуще** всего рад был, что попутно», «За двор зашли, за **зады**, посидели на бревнышке, я ей про свою жизнь толкую, разливаюсь...», «Она сперва **побрыкалась**, потом ничего, **сомлела**...», «**Погомонили** по деревне, тихо стало», «...И курком ка-ак **щелканет!**» [12, с. 65, 593, 357, 120, 857, 304, 51, 737, 290, 426, 18, 472, 313, 180, 624, 198, 58, 736, 133, 892; 7, т. 1, с. 190, 200, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197]. Особенно частотны в высказываниях героя слова «баба» (6 раз) и «девка» (8 раз): «Нам бы с тобой сейчас по **бабе** какой-нибудь, по мордатой!», «А какие **бабы** бывают!», «Нет, ты возьми **бабу**...кха! — **ба-бу!**», «— Даже не **бабу**, нет, ты на вдову погляди...», «Сколько **баб** по деревням...», «— **Девки** — это не вещь. Ты с **девками** не связывайся...», «— Такую **девку** отколол!», «— Пишешь, к примеру, ты **девке**...», «А такие слова на **девок** как кислота действуют», «Народ собирается, но только сперва все **девки**...», «А **девка!**», «Они, эти **девки**, всегда дрожат...» [12, с. 30, 152; 7, т. 1, с. 192, 193, 194, 195]. Герой также использует в своих высказываниях фразеологические выражения с просторечной окраской: «**Вижу** — занятая она, **дохлое дело**» [12, с. 174; 7, т. 1, с. 195].

Некоторые просторечные слова в речевом портрете Вараксина имеют дополнительную эмоциональную окраску или являются диалектными (помета – обл.): «— Такую **девку отколол!**» (простореч., фам., неодобрит.), «— Я еще дня три назад **заприметил**...» (простореч.), «Вот, думаю, нарвался, **вдарит** в заднее место — вся любовь пропала!» (простореч., обл.) [15, т. 2, стб. 932; 14, т. 1, стб. 1011, 234; 7, т. 1, с. 193, 197]. Еще примеры слов с дополнительными эмоциональными оттенками – пренебрежительная («баба», «гады», словарная помета – пренебр.), грубая («ни хрена», помета – груб.), презрительная («сопливый», помета – презр.), неодобрительная («лапанешь», помета – неодоб.). В высказываниях персонажа встречаются даже бранные слова (помета – бран.): «— Слушай сюда, **дура**, дело говорю!», «Ты со своей философией да с поэзией век **дураком** будешь», «Это, значит, я **рылом** не вышел» (прост., бран.), «Я тебе, **дуре**, давно говорил, брось ты охоту — всему свое время», «Все из-за тебя, **стерва!**» (прост., бран.) [12, с. 178, 679, 755; 7, т. 1, с. 192, 194, 195, 198, 200].

И в речи старика (имя не указывается), в доме которого жили Вараксин и Старобельский, присутствует просторечная лексика: «Только поскольку сушь, извините, это я насчет **курева**, значит, чтобы упаси бог...», «Днем еще подался, **дюже** расстроился», «Что, ай и в самом деле **снюхались** они?» (прост., презр.) [12, с. 309, 180, 728; 7, т. 1, с. 189, 201]. Примеров значительно меньше, так как это второстепенный персонаж в рассказе «Ни стуку, ни грюку».

Словообразовательные средства разговорной речи – слово «кило», которое образовано с помощью стяжения сложного слова «килограмм» (стилистическая помета – разг.): «Другой раз **кило** пять, а другой раз так только... кошке»; «Может, на **кило**

потянуло бы» (Яшка, «Тихое утро») [12, с. 267; 6, т. 2, с. 312, 315]. Слова, образованные с помощью суффиксов субъективной оценки: «*Они, дрозды-то, жаднющие»* (увеличительный суффикс *-ющ-*) (Яшка, «Тихое утро») [6, т. 2, с. 313]. Достаточно частотное использование слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ок-* (8 примеров) в репликах отца Никишки показывает трепетное отношение к сыну, стремление защитить его от невзгод внешнего мира (насмешки деревенских ребят): «— *Сынок приехал!*», «— *Ну, сынок!*», «— *Вставай, сынок, поедем!*», «— «*Это? Колотушка, сынок*», «— *Много, сынок, и стран всяких много на земле*», «*Италия, сынок, хорошая*», «*Тюлень, сынок, подплыл на нас поглядеть*», «— *Спишь, сынок?*» («Никишкины тайны») [6, т. 2, с. 373, 374, 375, 376, 377, 380]. И когда он говорит о красоте северной природы, о море (источнике промысла в том числе), то в его репликах снова появляются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «*Вот вырастешь, возьму я тебя на зверобойку, узнаешь тогда наше северное морюшко <...> Где солнушко стоит, там островок есть махонький...*»; «*В хорошую погоду в море бегут, тюлешков стреляют...*» [6, т. 2, с. 377]. Эти языковые единицы характеризуют его как опытного охотника, который знает суровую красоту северного моря.

Грамматический уровень (морфология) – в речевых портретах героев встречаются ненормативные формы сравнительной степени прилагательных: «...— *А когда — попоздней, к сентябрю поближе*», «— *Пошли ходчее...*» (Яшка, «Тихое утро»); «*Надо, чтобы покрасивше было...*» (Семен, «Ночь»), «— *Пошли ходчее!*», «*Тут движок застучал, дали свет, при свете-то она еще красивше оказалась*» (Сергея, «Ни стуку, ни грюку») [6, т. 2, с. 312, 313, 330; 7, т. 1, с. 191, 195]. Ненормативные формы местоимений: «— *Сидит ктой-то!*», «— *Идет ктой-то!*» (Лешка, «Ночь»); «*Отлетела чегой-то птица*», «*А ныне отлетела чегой-то птица, бог с ней, совсем ушла!*» (Дед Созон, «Никишкины тайны»), «*Надо язык ихний знать*» (отец Никишки, «Никишкины тайны») [6, т. 2, с. 323, 324, 370, 373]. Просторечные формы глаголов также присутствуют в высказываниях героев: «*И будто кто меня толкнул...*» (*прост.*) (глагол со значением однократности, Семен «Ночь»), «*Его легко бить, глупый он; подкрадываются и бьют из винтовки*» (отец Никишки, «Никишкины тайны») [12, с. 789; 6, т. 2, с. 327, 377]. В речи Вараксина: «— *Пишешь, к примеру, ты девке, к примеру, звать ее Люба...*» (*прост.*), «*У меня лесничий друг, у нас кого хотишь хватает: перепелки есть, уток на озерах темно...*», «— *Хотишь на спор?*» («Ни стуку, ни грюку») [12, с. 221; 7, т. 1, с. 194, 190, 196].

В репликах героев часто используются частицы и междометия, с помощью них Казаков Ю.П. передает всю гамму эмоций персонажей. В целом частицы и междометия помогают автору также создать динамику диалогов в художественном произведении, подчеркивают, что говорящие – люди простые и открытые. В рассказе «Тихое утро» – досада, нетерпение Яшки по отношению к городскому Володе, который ничего не знал о рыбалке (частица – *ка* с семантикой побуждения и частица *-то* с семантикой рациональной оценки): «— *Ты ловил ли рыбу-то?*», «— *Рыба-то?*», «*Ты дроздов-то ловил когда?*», «*Они, дрозды-то...*», «— *Удочка-то... Глянь-ка!*» [6, т. 2, с. 311, 312, 313, 316]. В рассказе «Ночь» посредством эмоциональных междометий (*ах, ой, эх, э*) передаются: волнение неопытного Лешки на рыбалке («— *Ой, Семен!*»), радость Семена («...*Эх и закатимся мы с вами дня на два!*»), раздражение («— *Ах, будь ты*

неладна!») и удивление Петра Андреевича («— Э-э, да тут знакомые!») [6, т. 2, с. 323, 332, 325, 326]. У Петра Николаевича даже «зашлось сердце», когда он услышал «лопот» глухаря и осознал, что они до сих пор водятся в этих местах: «— **Фу**, как напугал!» («На охоте») [7, т. 1, с. 111]. В рассказе «Никишкины тайны» - счастье отца, который радуется приезду сына («— **Ах ты, молодец у меня!** — ласкает отец Никишку...») [6, т. 2, с. 373]. Удивление Никишки, когда он видит тюленя: «— **Ой**, глянь-ко, что это?» [6, т. 2, с. 377]. В произведении «Ни слуху, ни грюку» междометия присутствуют в речевом портрете Сереги Вараксина: «— **Э!** Я там был. Я везде был, всю область знаю. Ты у меня спроси про охоту! Вазузка твоя ни хрена не стоит, верно тебе говорю!» (эмоциональное возражение на реплику Старобельского), «— **Эх!** А какие бабы бывают!», «**Эх**, тебя бы к нашим корешам, они б тебя обработали!» (сожаление, досада) [7, т. 1, с. 190, 192, 194].

В высказываниях героев также встречается побудительная частица **ну-ка** и неопределенная частица **-то**: «А **ну-ка**, сходи сейчас на Хлыстово болото...» (Семен, «Ночь»), «— Это **Попов-то?**», «— Так гуляет, говоришь, перевозчик-**то?**» (Петр Андреевич, «Ночь»); «Не боялся ехать-**то?**» (отец Никишки, «Никишкины тайны») [6, т. 2, с. 331, 326, 373]. В рассказе «Ни слуху, ни грюку»: «Ты куда едешь-**то?**», «— **Ну-ка**, студент, вынь ружье!» (Серега Вараксин) [7, т. 1, с. 190, 191].

В создании речевых портретов героев Казаков Ю.П. достаточно активно использует частицы с просторечной окраской. Яшка: «Хочешь, **айда** вечером сегодня ловить!» («Тихое утро») [12, с. 18; 6, т. 2, с. 312]. Отец Никишки: «— **Дак** они по-своему, по-березьки небось говорят!», «... А там ворота, **эвон** где жерди две рядом торчат, ворота там...», «**Эвон** там, где блестки, — показывает отец рукой...» («Никишкины тайны») [14, стб. 648; 12, с. 893; 6, т. 2, с. 373, 376, 377]. Никишка: «— **Эвон** кажется...» [12, с. 893; 6, т. 2, с. 377]. Важно отметить, что для создания речевого портрета Никишки и его отца Казаков Ю.П. использует языковую единицу, которая не относится к литературному языку (словарная помета – обл. (областное)) – частица **-ко**: «— **Ой**, глянь-**ко**, что это?», «**Глянь-ко**, глянь!», «**Глянь-ко**, глянь...» [14, т. 1, стб. 1386; 6, т. 2, с. 377, 376, 380].

Яркой составляющей речевых портретов героев являются и средства разговорного синтаксиса. В диалогах используется достаточно много слов-предложений разного типа. Вопросительные: «Хочешь, **айда** вечером сегодня ловить! **Ну?**», «— **Ну как? А? Ну как?**» (Яшка, «Тихое утро»); «**Ну?** Сходи, сходи!», «— **Ну?** — Семен с удивлением посмотрел на брата», «**А?** — вздрогнул Петр Андреевич» («Ночь»); «— **Хотишь на спор? Ну?** — весело предложил он» (Вараксин, «Ни стуку, ни грюку») [6, т. 2, с. 312, 320, 331, 333, 325; 7, т. 1, с. 196]. Междометные слова-предложения помогают раскрыть эмоциональные переживания персонажей: «— **Гм!...**» (разг.) (Яшка, «Тихое утро»), «— **Но-но!** — веско произнес Семен и зловеще замолчал», «— **Ага!** — торжествующе закричал он» (Лешка, «Ночь»), «— **Море? Гм...**» (отец Никишки, «Никишкины тайны») [12, с. 130; 6, т. 2, с. 312, 324, 333, 376]. В рассказе «На охоте» Алексей испытывал «восторженный ужас» от гудения пчел («— **Тсс!** — Он схватил отца за руку» (призыв к тишине)), первого выстрела («**Как здорово дымом пахнет! Сероводородным и табачным... Ого-го-го!...**») [7, т. 1, с. 110, 116]. Утвердительные и отрицательные слова-предложения: «**Да!** Ведь я слышал тебя...», (Петр Андреевич, «Ночь»), «**Хорошо!** Донушко видать...» (Никишка, «Никишкины

тайны»), «— **Нет...** *Что такое?*» (Петр Николаевич, «На охоте»), «— *Ты тут жил с дедом тогда... Да?*» (Алексей, «На охоте») [6, т. 2, с. 328, 375; 7, т. 1, с. 110, 114]. Словопредложение, которое находится между утверждением и отрицанием: «— *Что ты сказал? / — Ничего — испугался Лешка*» («Ночь»), «— *Ну что? Ничего не попало? / — Ничего!*» (Алексей, «На охоте»), «— *Не, ничего!*» (Никишка, «Никишкины тайны») [6, т. 2, с. 324, 373; 6, т. 1, с. 111].

В речи персонажей рассказов Казакова Ю.П. также функционируют присоединительные конструкции, которые передают самые разнообразные эмоционально- экспрессивные оттенки говорящего в дополнение к основному высказыванию: «— *И караси на плесах есть, щука, ну, потом, эти... окунь, плотва, лещ... Еще линь*», «*Как налетят, так сразу штук пять под сетку по лезут... Потешные они...*» (восторг заядлого рыбака и охотника Яшки, «Тихое утро») [6, т. 2, с. 312, 313]. В рассказе «Ночь»: «—*Ну и хорошо. Мелковаты только*» (Петр Андреевич), «— *Нет, в тех краях не был я... Не приходилось*» (Семен), «*Думал — конец, но обошлось. Не тронули*» (отзвуки пережитого страха у Семена), «— *А еще <...> надо будет колокол добавить, чтобы он звонил равномерно. Только потихоньку*» (воодушевление Семена, который мечтал сочинить песню), «— *У наших соседей, — оживился Леша, — волк козу утащил. Прямо днем!*» (удивление) [6, т. 2, с. 325, 326, 330, 327]. В рассказах «На охоте» и «Никишкины тайны»: «*Неужели мы тут целый месяц проживем! Здорово!*» (радость Алексея); «— *Камни, они, надо думать, тоже живые. Все живое!*» (воодушевление природой у отца Никишки) [7, т. 1, с. 111; 6, т. 2, с. 373].

Заключение

Речевой портрет — важная составляющая художественного образа в прозе Казакова Ю.П. С помощью лингвистических средств автор характеризует личность персонажей (простые люди), показывает их принадлежность к конкретной социальной группе (жители сельской местности). [16]

Для создания речевого портрета героев Казаков Ю.П. применяет словообразовательные (слова с суффиксами субъективной оценки, особенно частотны с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ок-*, единичные примеры — *-юшк-*, *-ушк-*, *-ешк-*, *-оньк-*) и лексические (разговорная, просторечная лексика) средства. В речевом портрете главного героя рассказа «Ни слуху, ни грюку» (Вараксин) есть примеры диалектных слов.

Также активно используются грамматические средства, на морфологическом уровне — просторечные формы местоимений, сравнительной степени прилагательных и глаголов, значительное количество междометий и частиц (в том числе с просторечной окраской). На синтаксическом уровне — слова-предложения (вопросительные, междометные, утвердительные, отрицательные и др.) и присоединительные конструкции.

Большое количество просторечия в репликах героев на уровне лексики, словообразования и грамматики свидетельствует о том, что они не владеют нормами литературного языка в полной мере.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 607 с.
2. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. – С. 361-369.
3. Голубева И.В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Краснодар, 2002. 45 с.
4. Земская Е.А. Речевой портрет ребенка (К вопросу о системности некодифицированных сфер устной речи) // Язык: система и подсистемы: К 70-летию М.В. Панова. М.: Наука, 1990. – С. 241-260.
5. Инфантова Г.Г. Язык. Речь. Личность: монография / Отв. редактор Сенина Н.А. Ростов-на-Дону: Легион, 2008. 504 с.
6. Казаков Ю.П. Соловецкие мечтания. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Русский Мирь, 2023, Т. 2. 480 с.
7. Казаков Ю.П. Странник. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Русский Мирь, 2023, Т. 1. 384 с.
8. Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс: Сборник научных трудов / Под редакцией Ю.А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. Москва: Азбуковник, 2003. С. 24-45.
9. Китайгородская М.В. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М.: РАН, 1995. 114 с.
10. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–96.
11. Николаева Т.М. Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Доклады Всесоюзной научной конференции: В 2 ч. М., 1991. Ч. 2. С. 73 – 75.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: РАН, АЗЪ, 1995. 928 с.
13. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М.: УРСС, 2002. 453 с.
14. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935. Т. 1. 1562 стб.
15. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1938. Т. 2. 1040 стб.
16. Юлина, Г.Н. Шафажинская, Н.Е., Положенцева, И.В. Духовные основы русской словесности, культуры и искусства. – М., 2019. – 116 с. ISBN 978-5-907092-88-4

Сведения об авторе

Скуднякова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы факультета, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: elenaskudnakova@gmail.com

Information about the author

Skudnyakova Elena Vladimirovna, PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Literature Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: elenaskudnakova@gmail.com

КАЗАЧИЙ МИР С ЕГО САМОБЫТНЫМИ ТРАДИЦИЯМИ, БЫТОМ И ГЕРОИЧЕСКОЙ ИСТОРИЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ – КАЗАКОВ СТАВРОПОЛЬЯ

Аннотация. В современном мире важно знать историю своего народа, его традиции, культуру, быт, которые возможно почерпнуть через призму произведений современных писателей и поэтов, где раскрываются темы гражданственности и патриотизма, культуры и истории, традиционных ценностей и быта. Русская классическая литература и литература конца XX и начала XXI веков донесла до современного читателя огромную нравственную силу, заложенную в традициях, менталитете казачества, его патриотизм, свободолюбие, отвагу, что привлекает внимание к казакам, к их драматической истории через искусство слова и в XXI веке, отразив разные этапы историко-литературного развития.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, ценностные ориентиры, казачья культура, обычаи и традиции казачества.

Sotnikova N.N., Solonina V.P.

THE COSSACK WORLD WITH ITS UNIQUE TRADITIONS, WAY OF LIFE, AND HEROIC HISTORY IN THE WORKS OF COSSACK WRITERS FROM STAVROPOL REGION

Abstract. In the modern world, it is important to know the history of one's own people, their traditions, culture, and way of life, which can be learned through the works of contemporary writers and poets that explore themes of citizenship and patriotism, culture and history, and traditional values and way of life. Russian classical literature and literature of the late 20th and early 21st centuries have conveyed to modern readers the immense moral strength inherent in the traditions and mentality of the Cossacks, their patriotism, love of freedom, and bravery, which has attracted attention to the Cossacks and their dramatic history through the art of literature in the 21st century, reflecting various stages of historical and literary development.

Keywords: citizenship, patriotism, values, Cossack culture, customs, and traditions of the Cossacks.

Ставропольское окружное казачье общество входит в состав Терского войскового казачьего общества. Из истории известно, что казаки занимали окраинные рубежи России, где создавались сообщества, имеющие много общего и в то же время отличающиеся самобытностью, культурой, окружающей средой. Терцы и кубанцы являются ярчайшими представителями казачества приграничной территории, последовательными проводниками российской государственности. На Северном Кавказе сложилось две ветви казачества – гребенское и нижнетерское. Начиная с XVII века упоминание о гребенских казаках исчезает, терские низовые казаки живут на левобережье Терека. С XVIII века всех казаков называют терскими.

В произведениях писателей Ставрополья нашли отражения самобытные традиции, быт, культура, героическая история как терских, так и кубанских казаков, так как часть территорий Кубанской области вошла в состав Ставропольского края. Во второй половине XX и начале XXI века вышли в свет произведения ставропольских писателей и поэтов таких как Семен Бабаевский, Петр Федосов, Витислав Ходарев,

Андрей Губин, Владимир Гнеушев, Владимир Бутенко и др. В произведениях этих авторов казаки представлены прекрасными наездниками и земледельцами, понимающими принципы демократии права и ответственности, способными подчиняться и управлять, изучать историю и быть готовым защищать свою Отчизну, чтить традиции и преумножать ценности, сохранять культуру и казачьи обряды.

Семен Петрович Бабаевский – в годы Великой Отечественной войны награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За оборону Кавказа», лауреат Государственной премии СССР, Сталинской премии – автор романов «Кавалер Золотой Звезды», «Свет над землей», «Родимый край», «Сыновий бунт», «Станица», «Белый свет», «Приволье», где ярко, правдиво отображена природа родного края, станицы, хутора, жизнь тружеников земли, нравы и обычаи казаков, особенности южного говора.

В 1999 году в Ставропольском крае учреждена премия им. С.П. Бабаевского литераторам Ставрополя за лучшее художественное произведение, раскрывающее жизнь, традиции и культуру казачества. В 2022 году в Ставропольском филиале Московского педагогического государственного университета создана Казачья сотня имени Петра Стефановича Федосова из числа студентов и преподавателей. Федосов П.С. – первый атаман первой организации казачьего возрождения на Ставрополье «Ставропольский краевой союз казаков» с 28 сентября 1990 г., потомственный кубанский казак, казачий полковник, кандидат исторических наук, лучший казачевед края, видный историк и публицист, автор шести книг и свыше 300 публикаций по вопросам истории, жизни, быта и культуры казаков, работал в филиале с 2004 года по 2020 год на протяжении 16 лет.

В 2003 году П.С. Федосов защитил кандидатскую диссертацию «Линейное казачество в освоении степного Предкавказья в конце XVIII – начале XX вв.: по материалам станицы Расшеватской». Его труд «Казачество: традиции, обряды и календарные праздники», вышедший в 2009 году, предназначен для казачьих обществ, работников государственной и муниципальной власти, студентов и широкого круга читателей. Много лет ученый, к один из инициаторов и организаторов движения за возрождение казачества на Ставрополье и Северном Кавказе собирал материалы в архивах Москвы и Краснодара, Владикавказа, Астрахани и Армавира, чтобы издать новую книгу об истории казачества «Тернистый путь казака: автобиографические зарисовки», посвященную 25-летию возрождения казачества на Ставрополье. На презентации эта книга была представлена памятником истории возрождения Терского казачества и напутствие молодым казакам. Демонстрация авторского мнения в данном произведении не снижает его исторического значения. А огромный жизненный опыт и многочисленные личные встречи с представителями государственной, политической, научной и общественной элиты дают право автору на собственное видение проблем страны и роли отдельных личностей в их решении.

В 2020 году вышла книга П.С.Федосова «Казачество в зеркале времени», посвященная 30-летию возрождения казачества в России, на Ставрополье. В ней отражены важнейшие хронологические вехи и события, проанализированы материалы, касающиеся государственного становления казачества в России.

«Память о казачестве бессмертна, подвиги казачества в сердцах» – эти слова терского казака Витислава Ходарева выбиты на мемориальной плите на Крепостной горе г. Ставрополя в память возрождения казачества 28 сентября 1990 года. Детство и

юность В. Ходарева прошли в станицах Георгиевского района Ставропольского края. Все обычаи терских казаков, устои и правила жизни сами входили в жизнь казака. Ставропольский поэт, В.В. Ходарев одним из первых принял участие в возрождении казачества и стал одним из его основателей в масштабе всей страны. Его жизнь и творчество оказались неразрывно связаны с казачьим движением: «Детские казачьи игры и забавы», «Казачий круг», «Станичные суеверия», «Терские протоки», «Казачья любовь». Ходаревым В.В. написан «Духовный гимн казачества», благословленный Патриархом Московским и Всея Руси, много казачьих песен, поэм: «Станица», «Высота Толстова», «Казачий круг» и др. За многие годы автор собрал свыше 400 казачьих поверий, суеверий, 260 пословиц со словами «казак» или «казачка».

Творчество Андрея Губина неразрывно связано со Ставрополем. В разные годы писатель проживал на разных территориях Советского Союза, но никогда не забывал о Ставрополе, о чем и написал свое главное произведение – роман «Молоко волчицы», над которым работал около 20 лет. Повествование охватывает более чем столетний период жизнитерского казачества, многие человеческие судьбы. Роман переведен на немецкий язык и издан Берлинским издательством Всемирной литературы в 1971 году. В 2022 году библиотеке-филиалу №4 г. Пятигорска присвоено имя Андрея Терентьевича Губина, его именем названы улицы в городах Ессентуки и Кисловодск.

О Гнеушеве Владимире Григорьевиче, ставропольском поэте известно как об авторе более 20 поэтических сборников. С 1958 года В. Гнеушев был членом Союза писателей СССР, много внимания уделял возрождению казачьего движения. Результатом этого интереса стало художественно-документальное повествование «Полынная слава» об истории и настоящем времени казачества Северного Кавказа.

Владимир Бутенко – наш современник, ставропольский писатель, поэт, публицист, музыкант, лауреат литературных премий, кавалер ордена «За возрождение казачества», главный редактор журнала «Литературное Ставрополье» – уроженец донской земли. Донская природа, казачья среда пробудили у него интерес к творчеству. После окончания Ставропольского медицинского института вернулся на Дон, в 1981 г. переехал в Ставрополь, где в литературно-художественном альманахе «Литературное Ставрополье» сразу же был опубликован его рассказ «Веточка полыни». Альманах выходит на Ставрополье с 1941 года, с перерывом в несколько лет в 1990-е годы. В 2005 году Бутенко В.П. вместе с другими ставропольскими писателями возродил издание «Литературное Ставрополье», редактором которого является более 20 лет. В альманахе печатаются произведения публицистов, поэтов, прозаиков с уникальными материалами для читателей Ставропольского края. В литературном творчестве Ставрополья появилась интересная проза, реалистичная и добротная, отражающая жизнь Юга России с документальной точностью: «Зимний костер», «Хуторские колодцы».

Бутенко В.П. внес большой вклад в развитие литературного и музыкального творчества Ставропольского края. В 1983 году в краевом издательстве вышел его первый поэтический сборник. Как поэт и музыкант автор выступал в городах нашей страны, принимал участие в фестивале «Славянский базар» в Витебске. Произведения Бутенко В.П. вошли в «Антологию российской литературы» и в «Антологию русского рассказа», публиковались в газете «Литературная Россия», в журналах «Наш современник» и «Роман-газета», издавались отдельными книгами. Трилогия В.П. Бутенко «Державы верные сыны» посвящена эпохальным преобразованиям на Кавказе

и в Крыму, происходившим во второй половине XVIII столетия благодаря замыслам императрицы и реализации великими сынами Отечества. Художественно-документальная трилогия В.П. Бутенко «Казачий алтарь» – яркое произведение современной прозы. По эпическому охвату событий, объективности историзма и художественному мастерству это произведение литературоведы ставят в один ряд с романом М. Шолохова «Тихий Дон». Путь к людям прозаика и поэта Владимира Бутенко, начавшийся в 1970-е годы, привел его к вершинам мастерства и широкой популярности в XXI веке, за свой роман «Казачий алтарь» он получил премию им. С.П. Бабаевского, став первым лауреатом.

Это далеко не все писатели и поэты Ставрополя, раскрывающих казачий мир, традиции, культуру, быт и героические страницы казачьих будней. В их произведениях язык самобытен и поэтичен, они учат будущие поколения казаков следовать традициям своих славных предков и через это сохранять самобытность и целостность своего народа. В этом и есть главная цель в воспитании подрастающего поколения. В 2009-2012 годах на Ставрополье сложилась хорошая практика погружения жителей края в духовно-нравственную и гражданско-патриотическую атмосферу в вопросах культуры и самобытности казачества. Были созданы и работали выездные творческие автопоезда по сельским районам края, в состав которых входили писатели, художники, деятели театра и артисты художественной самодеятельности из Ставропольского краевого колледжа искусств. Концертные и актовые залы сельских Домов культуры, школ, учреждений дополнительного образования были всегда переполнены, люди со слезами на глазах и словами благодарности поддерживали выступающих, рассказывающих о творчестве и сохранении казачьей культуры, семейных традициях и быте.

В современном обществе эта практика возвращается в образовательных организациях с педагогикой казачества. Созданные молодежные казачьи организации через профориентационную работу, выступления студенческих казачьих творческих коллективов, работу кино клубов, музеев знакомят молодежь с историей и культурой своей малой Родины, прививая любовь к своей земле и готовность служить Отечеству.

Список литературы

1. Бабаевский, С.П. Родимый край [Текст]: Роман. – М.: Советская Россия, 1965. – 280 с.
2. Бутенко, В.П. Кавказский набат. Роман в 2 книгах. Пятигорск: РИА-КМВ, 2014. – 392 с.
3. Бутенко, В.П. Казачий алтарь. – М.: Вече, 2006. – 332 с.
4. Бутенко, В.П. Терская клятва (сборник). Ставрополь: Минераловодская типография. 2020. 340 с.
5. Гнеушев, В.Г. Полынная слава. – М.: Газ.-журн. об-ние «Воскресенье». 1998. – 365 с.
6. Губин, А.Т. Молоко волчицы [Текст]: Роман. – М.: Современник, 1978. – 589 с.
7. Колесников, В.А. История казачества на Ставрополье. 1771-1870 гг. Учебное пособие для обучающихся 8-х классов учреждений дополнительного образования и классов казачьей (кадетской) направленности. – М.: Надыршин, 2019. – 176 с.
8. Колесников, В.А. Атаман Николаев: история казачьего генерала, монография. – Ставрополь: Агентство «Кавказинтерпресс». 2023. – 164 с.
9. Терский сборник [текст]: колл. авторов. – Екатеринбург: Ridero, 2024. Вып. 12. – 760 с.
10. Терский сборник [текст]: колл. авторов. – Екатеринбург: Ridero, 2025. – Вып. 12. – 812 с.
11. Федосов, П.С. Казачество в зеркале времени, Ставрополь: ИП Дорофеев В.Ю. 2020. – 496 с.
12. Федосов, П.С. Казачий мир: казачьи традиции, обряды и календар. Праздники. Изд. 2-е, доп. и испр. – Ставрополь: РИО фил. МГОПУ им. М.А. Шолохова в г. Ставрополе, 2005. – 162 с.
13. Ходарев, В.В. Казачий кладезь Витислава Ходарева: рассказы, фольклорные находки, история жизни автора. – Ставрополь: Кавказинтерпресс, 2020. – 301 с.

Сведения об авторах

Солонина Валентина Петровна – доктор социологических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры психолого-педагогического и естественнонаучного образования Ставропольского филиала МПГУ. E-mail: soloninavp@yandex.ru

Сотникова Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, директор Ставропольского филиала МПГУ, профессор кафедры психолого-педагогического и естественнонаучного образования Ставропольского филиала МПГУ. Email: nnsotnikova@mail.ru

Information about the authors

Solonina Valentina Petrovna – Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor of faculty of Psychological, Pedagogical and Natural Science Education at the Stavropol Branch of Moscow Pedagogical State University. E-mail: soloninavp@yandex.ru

Sotnikova Natalia Nikolaevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Director of the Stavropol Branch of Moscow Pedagogical State University, Professor of the faculty of Psychological, Pedagogical and Natural Science Education of the Stavropol Branch of Moscow Pedagogical State University. Email: nnsotnikova@mail.ru

Стояновский М.Ю.

«ПОЕДИНОК НАШ НЕОБЫЧАЕН ДО СМЕШНОГО». ЕВГЕНИЙ БАЗАРОВ И ПАВЕЛ КИРСАНОВ: ДУЭЛЬ КАК СПОСОБ СБЛИЖЕНИЯ

Теперь сомненья решены:
Они на мельницу должны
Приехать завтра до рассвета,
Взвести друг на друга курок
И метить в ляжку иль в висок.
(А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»)

Аннотация. В предлагаемой статье дан анализ дуэли Евгения Базарова и Павла Кирсанова, описанной в XXIV главе романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». В этом поединке спор героев достиг кульминационной точки, вобрав личные, даже интимные, и идейные причины. Но вместе с неискоренимыми разногласиями, остающимися у противников и после дуэли, Тургенев последовательно отмечает их неосознанное сближение и даже совпадение некоторых ситуативных и идейных позиций и жизненных положений.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, роман «Отцы и дети», дуэль, сближение героев.

Stoyanovsky M.Y.

«OUR DUEL IS UNUSUAL TO THE POINT OF RIDICULOUS». EVGENY BAZAROV AND PAVEL KIRSANOV: A DUEL AS A WAY OF RAPPROCHEMENT

Abstract. This article provides an analysis of the duel between Evgeny Bazarov and Pavel Kirsanov, described in Chapter XXIV of the novel by I.S. Turgenev "Fathers and Sons". In this duel, the dispute between the heroes reached a climax, incorporating personal, even intimate, and ideological reasons. But along with the ineradicable differences that remain between the opponents even after the duel, Turgenev consistently notes their unconscious rapprochement and even the coincidence of some situational and ideological positions and life positions.

Keywords: I.S. Turgenev, novel "Fathers and Sons", duel, rapprochement of heroes.

Дуэль героев в русской литературе всегда играла исключительную, часто кульминационную роль. Такую же исключительную, а в идейном столкновении П. Кирсанова и Е. Базарова кульминационную роль, играет их поединок, описанный в XXIV главе романа «Отцы и дети».

В ходе этого противостояния герои, как и полагается, пребывая у барьера на грани жизни и смерти, проходят значимые для писателя духовные испытания, в чем-то меняясь, в чем-то оставаясь верны себе, но и последнее предстает в ином свете, оценивается как жизненный выбор.

Эта дуэль полна странностей, если не нелепостей, что, впрочем, отсылает к «классике» русской литературной дуэли – дуэли Евгения Онегина и Ленского. Но у Тургенева происходящее насыщено изрядным зарядом иронии, а результат неожиданен и даже парадоксален для конфликтующих сторон.

В чем исключительность происходящего? Не очень внятна причина дуэли. Нет, читатель понимает, что идеологические споры – это почва конфликта, еще один катализатор его – история с поцелуем Фенечки ... Но Тургенев подчеркивает другое: иррациональный характер происходящего: эмоции и чувства владеют героями, даже при попытке их контролировать. На этой эмоциональной волне они и понимают друг друга, договариваются о поединке. Умолчание об идейной стороне неприязни замечательно, так как споры героев «общеизвестны» и именно эту причину озвучивают как «официальную» Николаю Петровичу Кирсанову после состоявшейся дуэли, но тем самым скрывая другое. История с Фенечкой кажется здесь главной, выступает как личное оскорбление молодой женщины и рода Кирсановых, но и она вызывает вопросы. Насколько честны герои перед собой в понимании, за чью честь они сражаются. За честь фамилии? Но в романе брата с Фенечкой Павел Петрович не видел «чести» ... За честь брата, но тот сам нарушитель порядка. За честь Фенечки? Но здесь вопросы к самой Фенечке, насколько она «оскорблена» – и их Павел Петрович задает после дуэли. За свои покоробленные чувства, в которых слились Фенечка и княгиня Р, идейные ценности, на которые посягал Базаров?.. Тургенев не дает однозначного ответа, но подчеркивает именно эмоциональный выплеск чувств героя: «Вы, на мой **вкус, здесь лишний**; я вас терпеть не могу, я вас презираю, и если вам этого не довольно ... Глаза Павла Петровича **засверкали...** Они **вспыхнули** и у Базарова. — Очень хорошо-с, – проговорил он. – Дальнейших объяснений не нужно.» Эмоции овладели и сдержанным оппонентом. Базаров, не видит, возможно, вследствие самоуверенного представления о Фенечке как жертве барчуков Кирсановых, ничего оскорбительного в своем поцелуе, но предпочитает не объясняться на этот счет – и вряд ли, чтобы не задеть честь дамы. Каждый из противников выше объяснений друг с другом с целью взаимопонимания и примирения. Жажда радикально вылечить болезненные отношения «примирает» антагонистов в выборе оправданного и «высшим», и «просвещенным» обществом инструмента – дуэли.

К неопределенности посылок дуэли, где ключевым понятием должна была бы быть задетая честь, добавляется совершенное игнорирование дуэльного кодекса, то есть следования общеизвестным правилам такого поединка, что и отличает его от убийства, и позволяет через строгую ритуализацию, засвидетельствованную публично секундантами, говорить о восстановлении чести. К таковым нарушениям можно относить сам вызов на дуэль, который должен был бы передаваться через секунданта,

договоренности о правилах дуэли, в том числе определение оружия, – тоже задача секундантов, отсутствие даже формальной попытки примирения, далее – назначение в наблюдатели-свидетели, то есть формально – и секунданты камердинера Петра, замечательного тем, что он «человек, стоящий на высоте современного образования, и исполнит свою роль со всем необходимым в подобных случаях комильфо». Следствием такого «либерального» (скорее, для Кирсанова) и пренебрежительного (для Базарова) подхода к секундантству был и сам ход дуэли, где противники свободно общались и на ходу определяли условия поединка: дистанции барьера, позиции схождения, а пистолеты и себе и Базарову заряжал Павел Петрович.

Интересно, что явным «бунтом» аристократа-джентельмена Павла Петровича против «принсипов», порядка таких поединков выглядит сам вызов Базарову, дворянство которого подозрительно, то ли оно есть, то ли нет. Отец Базарова, отставной штаб-лекарь, получил потомственное дворянство, но для сына, который родился ранее получения дворянства, оно надо было исхлопотать. Было ли подобное ходатайство и было ли оно удовлетворено, Тургенев об этом не пишет. Зато строго комментирует эту историю слуга Прокофьич, заявивший, «что и в его время господа дирывались, «только благородные господа между собою, а этаких прощелыг они бы за грубость на конюшне отодрать велели»».

Правда, Павел Петрович был готов и к другому ходу событий, то есть прибегнуть к своей трости, но здесь уж намечаемая дуэль вполне могла перерасти в «побоище», где и другая сторона уже не отвечала за себя: «Базаров постоял перед дверью и вдруг воскликнул: «Фу ты, черт! как красиво и как глупо! Экую *мы* комедию отломали! Ученые собаки так на задних лапах танцуют. А отказать было невозможно; ведь он меня, чего доброго, ударил бы, и тогда... (Базаров побледнел при одной этой мысли; вся его гордость так и поднялась на дыбы.) Тогда пришлось бы задушить его, как котенка»».

В эпизоде вызова на дуэль бросается в глаза неожиданное для противников обоюдное понимание друг друга, герои начинают слышать другого – и соглашаться: как только Базаров высказывается о «практическом» приятии дуэли, противники живо находят общий язык, буквально «подхватывая» слова друг друга.

«Считаете ли вы нужным прибегнуть к *формальности* небольшой ссоры, которая могла бы служить предлогом моему вызову? — Нет, лучше *без формальностей*. — Я сам так думаю. Полагаю также неуместным вникать в настоящие причины нашего столкновения. *Мы* друг друга терпеть не можем. *Чего же больше?* — *Чего же больше?* — повторил иронически Базаров. — Что же касается до самых условий поединка, то так как у нас секундантов не будет, — *ибо где ж их взять?* — *Именно, где их взять?* - То я имею честь предложить вам следующее: драться завтра рано, положим, в шесть часов, за рошей, на пистолетах; барьер в десяти шагах...— В десяти шагах? Это так; *мы* на это расстояние ненавидим друг друга. — *Можно и восемь,* — заметил Павел Петрович. — *Можно;* отчего же!..»

«Однако *согласитесь*, что неприятно подвергнуться подозрению в убийстве? — *Соглашаюсь.*»

... «— Засим, *милостивый государь*, мне остается только благодарить вас и возвратить вас вашим занятиям. Честь имею кланяться. — До приятного свидания, *милостивый государь мой*, — промолвил Базаров, провожая гостя.»

Конечно, в этих «подхватах» фраз со стороны Базарова заметна немалая ирония, но он не просто «ломает комедию», но составляет ансамбль Кирсанову, сближаясь в необходимости решительного «объяснения»: «Фу ты, черт! как красиво и как глупо! Экую *мы* комедию отломали! Ученые собаки так на задних лапах танцуют».

И на «поле брани» продолжается этот странный диалог, по сути, сближающий соперников: «*Мы можем приступить?* — *Приступим.* — Новых объяснений вы, я полагаю, *не требуете?* — *Не требую.* —

— *Соблаговолите выбрать.* — *Соблаговоляю* (при выборе пистолетов, СМ.)»

Далее заметен небольшой диссонанс, так как как Базаров обращает внимание Кирсанова на странность происходящего и, видимо, не только на не справляющегося со своей ролью «секунданта», но и на их роли «поединщиков». Кирсанов не согласен с шутливым тоном Базарова, но и не отрицает явной для обоих странности: «А согласитесь, Павел Петрович, что *поединок наш необычаен до смешного.* Вы посмотрите только на физиономию нашего секунданта. — Вам все желательно шутить, — ответил Павел Петрович. — *Я не отрицаю странности нашего поединка,* но я считаю долгом предупредить вас, что я намерен драться серьезно.

Здесь интересно, что Базаров заинтересованно, явно желая контакта, в поиске общей позиции вступает в диалог с Павлом Петровичем.

Самое замечательное – это живая реакция Базарова на ранение Павла Петровича и признание Павлом Петровичем благородства поступка Базарова: «Базаров бросил пистолет в сторону и приблизился к своему противнику. – Вы ранены? – промолвил он. – Вы имели право подозвать меня к барьеру, – проговорил Павел Петрович, – а это пустяки. По условию каждый имеет еще по одному выстрелу. – Ну, извините, это до другого раза, – отвечал Базаров и обхватил Павла Петровича, который начинал бледнеть. – Теперь я уже не дуэлист, а доктор и прежде всего должен осмотреть вашу рану». «– Дуэль, если вам угодно, не возобновляется. Вы поступили благородно ... сегодня, сегодня – заметьте. – О прошлом вспоминать незачем, – возразил Базаров, – а что касается до будущего, то о нем тоже не стоит голову ломать, потому что я намерен немедленно улизнуть».

В минуты после дуэли противники максимально сближены: общечеловеческим сопереживанием и чувством нелепости произошедшего, даже стыда. Павел Петрович не только, наконец, рассмотрел «глупую физиономию» Петра, над которой до поединка иронизировал Базаров: «– *Вы правы...* Экая глупая физиономия! – проговорил с насильственной улыбкой раненый *джентльмен*», – но и признал благородство Базарова, а Базаров удовлетворил чаяниям Кирсанова своими словами о намерении покинуть их с братом общество. Каждый остался при своем: «Павел Петрович старался не глядеть на Базарова; помириться с ним он все-таки не хотел; он стыдился своей заносчивости, своей неудачи, стыдился всего затеянного им дела, хотя и чувствовал, что более благоприятным образом оно кончиться не могло. «Не будет, по крайней мере, здесь торчать, — успокаивал он себя, — и на том спасибо»; Базаров же, покидая усадьбу Кирсановых, когда она в последний раз предстала его глазам, «только сплюнул и, пробормотав: «*Барчуки проклятые*», — плотнее завернулся в шинель».

Но именно дуэль максимально сблизил в общей человеческой природе (слабостях и силе) этих антагонистов: в их гордости, эмоциональности, даже чувственности (для Павла Петровича в Фенечке был отголосок образа княгини Р., для

Базарова – «эхо» чувств к Одинцовой). Тургенев прямо отмечает это «взаимопонимание», совпадение чувств и мыслей: «Обоим было нехорошо. Каждый из них сознавал, что другой его понимает. Друзьям это сознание приятно, и весьма неприятно недругам, особенно когда нельзя ни объяснить, ни разойтись».

Есть еще один важный эпизод в финальной части дуэли, сближающий наших героев, – разговор о мужике, появившемся с лошадьми и перед поединком и *странно* посмотревшем на Базарова, и вновь заставшим уже двух господ, отстрелявшихся и обдумывающих, какой оправдательный смысл придать произошедшему: «Брата не обманешь, надо будет сказать ему, что мы повздорили из-за политики. — Очень хорошо, — промолвил Базаров. — Вы можете сказать, что я бранил всех англоманов. — И прекрасно. Как вы полагаете, что думает теперь о нас этот человек? — продолжал Павел Петрович, указывая на того самого мужика, который за несколько минут до дуэли прогнал мимо Базарова спутанных лошадей и, возвращаясь назад по дороге, «забочил» и снял шапку при виде «господ». — Кто ж его знает! — ответил Базаров, — всего вероятнее, что ничего не думает. Русский мужик — это тот самый таинственный незнакомец, о котором некогда так много толковала госпожа Ратклифф. Кто его поймет? Он сам себя не понимает».

Замечательно то, что ни Базаров, ни Кирсанов, антагонисты, понимающие друг друга и сошедшиеся при острых разногласиях на осознанный ими как необходимый для их смысла жизни поединок, который может закончиться как раз лишением жизни, не понимают этого мужика, он для них «таинственный незнакомец», почти иностранец, как романтические мрачные герои английской писательницы 18 века Анны Радклифф. Базаров вообще заявляет, что мужик «ничего не думает» и «сам себя не понимает».

Но самое главное, наверное, что для этого мужика, занятого делом, может и сомневавшегося вначале в барстве Базарова – при первой встрече крестьянин шапку не ломал, – собравшиеся в ранний час «господа» также непонятны и чужды, «иноземцы», и их «дела», их споры – не его дела. В этом отчуждении дуэль приобретает значимую для предреформенной России социальную глубину: джентельмены-аристократы, интеллигенты-разночинцы с их чувственными и интеллектуальными изысками далеки от реалий народной жизни, их споры – часто кабинетны, при разности заявленных ценностей – у них есть общий мир, и это не мир мужика.

Кирсанову и Базарову более понятен «дворовый» «интеллигент» Петр – «образованный лакей», «человек, стоящий на высоте современного образования», «усовершенствованный слуга», по поводу которого иронизируют и герои, и писатель, но он уже вписан в их систему координат, «образовательный ценз», и даже годится, хотя бы как статист или неловкий помощник в их частном споре. Представить мужика здесь никак нельзя. Он чужд этому идейному, как частному, как и политическому противостоянию. Для «поединщиков» – он темнота невежества, ниже не только их, но недообразованнее даже Петра, а для мужика встретившиеся поутру господа – странные бездельники, оказавшиеся не в том месте и не в то время, но гадать об этом ему недосуг.

Сближение героев-антагонистов заметно и в ряде сюжетных линий, отчасти уходящих за границы XXIV главы. Так накануне дуэли Базаров задумывает написать письмо родным и размышляет о вероятности гибели: «Умру, — подумал он, — узнают; да я не умру. Нет, я еще долго на свете маячить буду». Но его уверенность в своих

силах, его предопределение своей судьбы, как бы подтвержденные испытанием поединком, будут позже разрушены ходом жизни, непредвиденной случайностью.

Павел Кирсанов, устраивая после дуэли судьбу брата, подталкивая его к женитьбе на Фенечке, рассуждает: «Нет, милый брат, полно нам ломаться и думать о свете: мы люди уже старые и смиренные; пора нам отложить в сторону всякую суету. Именно, как ты говоришь, станем исполнять наш долг; и посмотри, мы еще и счастье получим в придачу». Но его надежды на счастье призрачны, он, как и Базаров, одинок, без любви, без семьи, без своего дома, без настоящих друзей, в своем умозрительном мире. Он, настаивающий, что Базаров в их доме лишний человек, сам осознает себя лишним. В этой умозрительности, рушащихся «принсипах» он вполне трезво, видит свою отчужденность и приговаривает себя: «А я, как только он женится, уеду куда-нибудь подальше, в Дрезден или во Флоренцию, и буду там жить, пока околею».

Не менее жестко приговаривает его и Тургенев: «Павел Петрович помочил себе лоб одеколоном и закрыл глаза. Освещенная ярким дневным светом, его красивая, исхудалая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца ... Да он и был мертвец».

В конце представленного анализа подчеркнем, что И.С. Тургенев, доводя мировоззренческий спор своих героев до противостояния с оружием у барьеров, не только и, кажется, не столько подчеркивал их непримиримую позицию, которая, в основном, то есть в их идеях, и осталась таковой, сколько сближал противников «над» их идеями. Сближал как людей, любящих и теряющих, как «жертв» односторонности идеологических споров, как «продукт» времени, в их внимании к собственной роли, значимости своих идей, но не пониманием или ограниченным пониманием роли других. Дуэль счастливо разрешилась, противники разошлись и даже поняли друг друга, испытывая от этого неловкость. Но, избежав трагической развязки, Тургенев не снял драматического напряжения, а углубил его, когда враги, оставаясь таковыми, оказались не совершенно чуждыми людьми, а вполне родственными в этом мире душами («отцами» и «детьми»), чувствующими, надеющимися, одинокими и жестко, даже жестоко проученными жизнью.

Список литературы

1. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти томах. Сочинения. Том 7. Отцы и дети. – <https://imwerden.de/publ-3781>

Сведения об авторе

Стояновский Михаил Юрьевич — кандидат филологических наук, проректор по учебно-методической работе МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ). E-mail: m.stoyanovsky@mgutm.ru

Information about the author

Stoyanovsky Mikhail Yuryevich — Candidate of Philological Sciences, Vice-rector for Educational and Methodological Activities at the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: m.stoyanovsky@mgutm.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Русский язык – это национальный язык русского народа, государственный язык Российской Федерации. Это язык межнационального общения в самой России и в странах ближайшего зарубежья.

Ключевые слова: статус языка, коммуникация, идентичность, отношения, законы о языке, русская культура, функциональность, востребованность.

Fedotova L.L.

RUSSIAN LANGUAGE IN THE POST-SOVIET SPACE

Abstract. Russian is the national language of the Russian people and the official language of the Russian Federation. It is the language of interethnic communication within Russia and in neighboring countries.

Keywords: language status, communication, identity, relationships, language laws, Russian culture, functionality, relevance.

Проблема диалога культур, взаимодействия между различными этническими культурами является одной из важных и актуальных в современном мире. Культуры различны, отличаются также и нормы, и ценности, и языки – всё это в целом определяет необходимость предельно внимательного отношения к взаимодействию между культурами, чтобы не допустить конфликтных ситуаций.

В современных условиях тесного и необходимого сотрудничества между государствами и народами не может существовать какая-либо культура отдельно, не учитывая интересы и потребности партнёров общения и сотрудничества. Этнические культуры существуют в системе целостной культуры человечества, поэтому необходимо устанавливать взаимодействие между отдельными элементами этнических культур, изучать и уважать культурные нормы, ценности, традиции, религии, этикет. Большая информированность означает лучшее понимание, взаимоуважение.

Русский язык – это национальный язык русского народа, государственный язык Российской Федерации. Это язык межнационального общения в самой России и в странах ближайшего зарубежья.

Русский язык в настоящее время остается одним из ведущих мировых языков, занимая 5-е место по численности говорящих. Это важнейший инструмент международного общения, науки, культуры и дипломатии, используемый как рабочий язык в более чем 20 международных организациях, включая ООН (русский язык остается одним из шести официальных языков в этой организации), ЮНЕСКО, ШОС, СНГ и БРИКС. Более 200 млн людей считают русский язык своим родным, из них 130 млн проживают в России, а более 300 млн владеют русским языком в повседневном общении. Всего же русским языком в мире в той или иной степени владеют более полумиллиарда человек, и по этому показателю русский занимает третье место в мире после китайского и английского.

В XX веке русский язык испытал значительные преобразования. Это связано с политическими, культурными, экономическими изменениями, которые происходили в

нашей стране. Распад СССР, возрождение Российской Федерации как самостоятельного государства, строительство демократического общества – всё это способствовало открытости межгосударственных связей и отношений.

«Русский язык, сохраняя свою уникальность и идентичность на протяжении громадного пространства и длительного времени, вобрал в себя богатство языков Запада и Востока, освоил греко-византийское, латинское, восточное и старославянское наследие. Он воспринял достижения новых языков романского и германского ареалов Европы. Однако главным источником его развития, обработки и шлифовки явилось созидательное творчество народа, прежде всего поколений русских и всех российских деятелей науки, политики, техники, культуры и литературы – русский язык стал высокоразвитым, богатым, раскрытым в своих потенциях, упорядоченным, стилистически дифференцированным, исторически сбалансированным языком, способным обслуживать все потребности – как национальные, так и общечеловеческие» [11, с. 446].

Русский язык продолжает вызывать интерес в современном мире. Граждане США, Франции, Испании, Китая, Кореи, Италии, Швеции активно интересуются русским языком, изучают его. Неслучайно, что так называемые «Русские дома», а это центры встреч людей разных национальностей, которые любят русский язык, русскую культуру, теперь функционируют не только в странах Европы, но и открываются в странах Азии и Африки. Однако вопрос «Падает ли в последние десятилетия влияние русского языка в мире или нет?», безусловно, остается спорным.

В настоящее время наблюдается снижение роли русского языка именно на постсоветском пространстве. Это стало происходить после распада СССР. Советское государство много сделало для усиления роли русского языка как языка межнационального общения в стране. Статистические данные показывают, что в странах бывшего Советского Союза снизился интерес к изучению русского языка, необходимость его использования. Абсурдное объяснение такой тенденции – строительство суверенных государств, отказ от всего русского под видом защиты своих национальных интересов, своей идентичности.

Рассмотрим основные направления языковой политики постсоветских государств. Ещё недавно на постсоветском пространстве, помимо России, с уверенностью можно было сказать, что есть как минимум три страны, где судьба русского языка не вызывает беспокойства. Это Белоруссия, Казахстан и Киргизия. Но времена меняются, и исследование показало, что вопрос статуса и функционирования русского языка в бывших советских республиках в эпоху глобализации тоже претерпевают изменения.

Белоруссия. В 1990 году государственным языком Белоруссии был объявлен только белорусский язык, однако в 1995 году русский язык становится вторым государственным языком Белоруссии, это решение было принято после проведения всенародного референдума, в котором 83% населения страны проголосовало за русский язык. Именно 26 мая 1995 г. на границе между нашими странами убрали шлагбаум и пограничный столб. Знаковый день для Союзного государства. В настоящее время образовательная система, медицинское обслуживание, судопроизводство, все государственные, социальные органы используют два языка,

также в свободном доступе российские телеканалы, помимо этого русский язык является языком большей части СМИ Белоруссии.

Белорусских школ меньше, чем русских, да и сами жители предпочитают обучать своих детей в русских школах, но в каждой школе есть классы с белорусским языком. На белорусском языке обязательными для изучения являются следующие предметы: белорусский язык, белорусская литература, белорусская история, белорусская география. В ВУЗах обучение также за выбором как преподавателей, так и студентов: на русском или белорусском учиться и преподавать.

На улицах почти все говорят на русском, и даже не с акцентом, а с милым говором. Телевидение и радио транслируют как белорусские каналы, на которых чаще используется русский язык, так и российские каналы.

Казахстан. Русский язык имеет статус официального языка, он занимает лидирующие позиции с точки зрения использования. Обучение в школах и вузах проходит на двух языках, но в настоящее время наблюдается тенденция увеличения студентов на казахском направлении. Объёмы русского делопроизводства сокращаются. Но в республике в 2007 году был принят проект «Триединство языков» (казахского, русского, английского), неоднозначно принятого всем населением, а в пояснениях первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев сказал: «У нас все казахи прекрасно знают русский язык, и это преимущество, мы, казахи, никогда не должны его потерять». [«Комс. пр.» 20.05.97; 3:6] Оснований говорить о понижении статуса русского языка в Казахстане нет. Однако в новом проекте Конституции Казахстана использование русского языка в госорганизациях и органах местного самоуправления слово «наравне» заменено словом «наряду». Также, по опросу населения, более трети респондентов считают, что русский язык имеет большую значимость для построения карьеры и профессиональной деятельности.

Киргизия. В Киргизии русский язык имеет статус официального языка и выполняет функцию языка межнационального общения, участвует во всех сферах жизнедеятельности населения. Так в образовании (даже более 90% диссертаций пишется на русском языке!), медицине, каждый третий школьник учится в классе с русским языком обучения. Также на территории Киргизии работают российские телеканалы. Огромная роль в укреплении киргизско-российских отношений принадлежит Киргизско-Российскому славянскому университету. Но существует и мнение оппозиционно настроенных граждан, которые выступают против русского языка и в целом против киргизско-русских отношений. Киргизские парламентарии одобрили ряд законов о языке, в частности об обязательном владении киргизским языком следующим категориям граждан: судьям, прокурорам, чиновникам, сотрудникам правоохранительных органов. И даже в телевизионной рекламе информация на киргизском языке должна транслироваться более крупным шрифтом, чем на русском языке.

Азербайджан. После распада СССР на первый план бывших союзных республик вышла национальная культура, как индикатор своей независимости. Азербайджан не остался в стороне, хотя в советские времена русский язык в Азербайджане выполнял роль показателя элитарности.

В настоящее время русский язык является языком межнационального общения. На нём говорят более 70% населения. В обществе существует разделение: говорящих

на русском языке и говорящих на азербайджанском языке. В школах и вузах свободный выбор языка обучения, есть образовательные учреждения, где обучение проводится только на русском языке. В 2000 году был основан Бакинский славянский университет, а в 2009 году – бакинский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова. внутренней Но переход образования Азербайджана на национальный язык постепенно растёт.

В Азербайджане существуют 7 русскоязычных агентств, есть русские периодические издания, русские новостные порталы популярнее тех, что выходят на первой азербайджанском языке. В деловой сферерусский язык менее востребован, чаще используются азербайджанский и английский языки.

Армения. В деятельности Армении первой один развивающейся государственный производитель язык – армянский. Русский не является вторым государственным языком. Русский язык в Армении знают около 70% населения, но не используют его в общении. В школах до сих пор изучают русский язык, количество часов, конечно, сократилось, преподают его чаще как второй иностранный язык. В вузах обязательное изучение русского языка на первом и втором курсах. А Российско-Армянский (Славянский) университет обучение проводит полностью на русском языке, также и в филиалах российских вузов в Армении. В городе Мегри успешно работает школа с углубленным изучением русского языка, причём поступление в эту школу из года в год становится всё более востребованным.

На русском языке издаются некоторые газеты, армянские интернет-СМИ имеют русскоязычные версии своих сайтов. В кинотеатрах зарубежные фильмы идут с дубляжом на русском и армянском языках. Русский язык остаётся главным в деловом общении.

Повышенным спросом пользуется возможность уехать на бесплатное обучение в Россию – ежегодно для студентов из Армении выделяется более 250 квот, и за них среди армянской молодёжи идёт нешуточная конкурентная борьба. В Армении успешно работает Русский Дом, у которого налажены контакты со всеми школами с углубленным изучением русского языка и с так называемым русским сектором.

Директор Центра глобализации и регионального сотрудничества Степан Григорян полагает, что «Русских здесь мало, но мы совершили бы преступление, если бы потеряли русский язык, особенно учитывая то обстоятельство, что это один из международных языков. [9, с. 4].

Грузия. Грузия всегда была республикой многонациональной, поэтому русский язык принял на себя функцию общения между грузинами, русскими, армянами, азербайджанцами и другими народами, населяющими республику. Грузинский язык всегда был единственным государственным языком. Русский язык оставался языком связующим, необходимым для ведения делопроизводства, общения в разных сферах деятельности. В настоящее время русский язык не является обязательным для изучения, в этом его место уверенно занял английский язык, изучение которого стало обязательным с 7 класса. Русский язык получил статус иностранного языка наравне с французским и немецким.

В столице Грузии – Тбилисси – работают всего две русские школы: «Интеллект-плюс» и «Проектор», обе школы негосударственные, и обучаются в этих школах не только русские дети, но и дети других национальных меньшинств. Русский язык в системе высшего образования занимает место второго иностранного языка, который

выбирается для изучения по желанию, однако в медицинском университете углубленно изучают русский язык в связи с тем, что научные труды по медицине, учебные пособия ещё не переведены на грузинский язык, хотя работа в этом направлении уже активно ведётся. Особо отметим, что в грузинских университетах по-прежнему осуществляется набор на программу бакалавриата по направлению «Русская филология».

Работа российских каналов СМИ осуществляется только коммерческими компаниями, периодические издания – это «Аргументы и факты», «Независимая газета», «Комсомольская правда».

Русский язык широко используется как язык межнационального общения многочисленных диаспор, проживающих в Грузии. Так армяне и азербайджанцы общаются между собой на русском языке. А большинство местных жителей в столице Грузии Тбилиси используют русский язык в повседневном общении.

Значимым событием для грузинского народа является празднование дня рождения А.С.Пушкина – 6 июня.

Молдавия. Русский язык в Молдове – второй по распространению язык в стране. Он является родным для русского населения Молдавии.

В Советской Молдавии русский язык наряду с молдавским имел статус официального языка. Два языка и две культуры гармонично существовали, взаимно дополняя друг друга.

После распада Советского Союза постепенно сокращалось использование русского языка в различных сферах. И если до 2014 года русский первый язык был обязательным для изучения в школе, то в 2014 году его причислили к иностранным языкам. В новом кодексе об образовании было определено обучение только на государственном языке, а обучение на языках международного общения, в том числе и русском, будет осуществляться «лишь в пределах возможностей системы образования». Конституционный суд Молдавии 4 июня 2018 года признал устаревшим статус русского языка как языка межнационального общения. Но в 2022 году Парламент Молдавии принял новый закон о функционировании языка и вернул русскому языку особый статус, также обязал госорганы предоставлять информацию гражданам на русском языке.

Таджикистан. В Советской республике Таджикистан было особое отношение к русскому языку: большинство жителей хорошо говорили на русском языке, русский язык был залогом успешного построения карьеры, удачного трудоустройства. В наше время русский язык сохраняет статус «языка межнационального общения», что закреплено Конституцией страны. Но, как и в советский период, система школьного и высшего образования продолжает развитие сложившейся советской системы, хотя обучение русскому языку в школах проводится только в крупных городах, хотя, по проведённым опросам, 68% таджиков с гордостью отметили, что владеют русским языком и желали бы обучать своих детей русскому языку. В Таджикистане велик спрос на русскоязычное образование: так пятая часть студентов предпочитает учиться на русском языке. В Душанбе работают Русский драматический театр имени В. Маяковского и Российско-Таджикский (славянский) университет. А в филиале Московского Института Стали и Сплавов обучение проводится только на русском языке. Надо отметить, что и миграционные процессы становятся стимулом изучения русского языка.

Туркменистан. В 1990 году в Туркменистане был принят «Закон о языке», где статус государственного языка определён только для туркменского языка, а русский язык получил статус языка межнационального общения. Но уже в 1996 году этот статус был отменён, и в настоящее время так и не определён, хотя признаётся третьим языком страны по числу говорящих. И в городской среде русский язык остаётся инструментом коммуникации для многонационального населения, и, что немало важно, инструментом получения знаний. Владение русским языком приветствуется на рынке труда, русскоговорящему работнику доступно больше информации. Однако детских дошкольных учреждений с русским языком в Туркменистане не существует, русско-туркменские школы стали полностью туркменскими, включая по одному классу обучения русскому языку в каждой. Недостаточное количество учебников, литературы на русском языке, всего несколько вузов, готовящих учителей русского языка – всё это вызывает трудности в овладении русским языком. И, несмотря на возмущения и протесты населения, власти Туркменистана приняли решение к 2030 году совсем отказаться от обучения на русском языке.

Однако в настоящее время интерес к русскому языку в Туркменистане начинает расти, и связано это не только с падением уровня образования, но и прежде всего с тем, что русский язык остаётся родным языком для множества туркменистанцев.

Узбекистан. В Узбекистане русский язык считается языком межнационального общения, сейчас в школах и вузах русский язык изучается как иностранный. В школах на изучение русского языка отводится всего два часа, в вузах – небольшие группы по изучению русского языка, а факультет русского языка существует только в Ферганском университете, филиал Российского экономического университета имени Плеханова до сих пор ведёт обучение на русском языке. Но самый уязвимый сегмент – дошкольное и начальное образование, где почти запретили использовать русский язык, ссылаясь, что раннее образование на неродном языке наносит вред развитию ребёнка.

Можно сказать, что русский язык в Узбекистане пребывает в упадке. Однако переход с Кириллицы на Латиницу особо не изменил ситуации: книг на латинице мало, а русский язык так и используют в делопроизводстве, при регистрации в ЗАГСе, в нотариальных документах. Абсурдная ситуация заключается ещё и в том, что массовые проверки библиотек привели к тому, что русскоязычные книги и книги на узбекском языке были уничтожены, а новые переводы так и не появились [6, с. 4].

Больше используют русский язык городские жители, а население деревень и сёл практически и теоретически совсем не знают разделения русского языка. Это особо заметно, когда иностранные специалисты приезжают на работу в Россию, то общаются только через своих бригадиров, которые часто организуют миграцию, как правило, это выходцы из городов, которые в своё время изучали русский язык.

Русский язык широко используется в деловой среде, рекламе, СМИ и интернете. Можно сказать, что русский язык отстоял своё приоритетное место в Узбекистане, но его роль сильно зависит от региона.

Украина. Украина жёстко проводит политику украинизации. Права русских и всего русскоязычного населения ущемляются, что говорит уже и о статусе русского языка. Образование в стране спроса проводится только на государственном языке – украинском. Однако в самом обществе существует двуязычие: русский язык и украинский, чаще представляющий собой ассорти русских и украинских слов.

В киевских школах, по статистике, 66% учеников говорят по-русски, а на переменах – 82%. Дети больше смотрят русскоязычные мультфильмы, взрослое население просматривает новости на обоих языках, и даже самые националистические СМИ держат русскоязычные версии сайтов.

На Украине с 16 января 2021 года вся страна должна была перейти на украинский язык – русский был официально запрещён в общественной жизни. Но даже в дошкольных учреждениях родители не возражают, чтобы воспитатели говорили с детьми на русском языке. «На Украине большинство чиновников и парламентариев продолжают использовать русский язык в повседневной работе», – заявил бывший депутат Верховной Рады Украины Олег Царёв, комментируя переговоры Москвы и Киева в Стамбуле в 2025 году, которые прошли на русском языке. «Все совещания в офисе Зеленского проходят на русском. Украинский язык воспринимается многими представителями власти как формальность», – добавляет Олег Царёв. [1, с. 4]. Что уж говорить про общественные места?

Особое место на постсоветском пространстве занимают страны Прибалтики.

Латвия – русскому языку официально присвоен статус иностранного языка. С 2000 года все государственные учреждения не принимают документы на русском языке. В 2011 году был организован сбор подписей за присвоение русскому языку статуса «государственный язык», в стране проводился референдум, и, хотя около 40% населения в быту использует русский язык, за изменение статуса русского языка проголосовали лишь 25% участников. В стране предъявляются высокие требования к знанию латышского языка. В школах ученики не могут выбрать для изучения второго иностранного языка русский, только языки из списка официальных языков Евросоюза. Русскоязычные учителя преподают физику, алгебру, информатику, химию только на латышском языке, так как образовательная деятельность разрешена только на нём. Обучение на русском языке можно получить лишь в частных вузах и школах.

Без знания латышского языка устроиться на работу нельзя. В Латвии действует Центр государственного языка Латвии, его основная задача – контроль выполнения закона о языке. Русскоязычных жителей могут вызвать в Центр и проэкзаменовать на знание языка, если они не сдают экзамен, их штрафуют и предоставляют три месяца для подготовки к следующему экзамену.

Русскоязычное эфирное время радио и телевидения резко сократилось, журналов и газет в широком доступе нет. Любая информация преподносится лишь на латышском языке.

Литва. Литовская ССР не была русскоязычной республикой Советского Союза: родным языком русский считали здесь всего 12% жителей. Однако русским языком владеют более 60% жителей страны. В столице Литвы – Вильнюсе большинство местных жителей говорит на русском языке, как они отмечают «это просто удобно».

В настоящее время, как и в других странах постсоветского пространства, в Литве всё чаще встречаются выходцы из Средней Азии, и на своих рабочих местах – сфера услуги, строительства – они общаются с местным населением на русском языке, и хотя в январе 2026 года принят закон, запрещающий работать в сфере услуг мигрантам, не знающим литовского языка, пока существенных изменений не происходит. Литовцы признают, что даже украинские беженцы стараются отдать своих детей на обучение в русские школы. Высшее образование на русском языке можно получить в Литве лишь

на филологических факультетах Вильнюсского и Шауляйского университетов по специальности русский язык и русская литература. Сегодня в литовских школах русский язык прочно занимает второе место после английского языка.

В Литве неоднократно поднимался вопрос о тотальном запрете на использование и изучение русского языка. Однако, как показывает практика, русский язык доказал свою востребованность и жизнеспособность даже среди литовской молодёжи: молодое поколение не против русского языка, а запреты и языковое давление со стороны власти только усиливает устойчивую миграцию в страны Западной Европы.

В основном доступ к информации на русском языке обеспечивают российские СМИ. Своего теле- или радиоканала у русскоязычного населения Литвы нет. В рамках проекта «Русское радио – Евразия» в некоторых городах в эфир выходит радиостанция «Русское радио». Российские газеты и журналы в стране можно купить свободно.

Обучение русскому языку проходит на базе российских учебных центров в очном, заочном и дистанционном форматах, также в этих центрах проходят переподготовку преподаватели средних учебных заведений. Большинство местных жителей понимают, что литовский язык – это язык малой нации, который не способен выиграть конкуренцию с русским языком.

Эстония. Русский язык – родной прежде всего для проживающих в стране русских, украинцев, белорусов, татар, евреев и других народов. Это 42% от населения страны. Старшее поколение успешно пользуется русским языком в качестве языка коммуникации. А вот молодое поколение чаще пользуется английским языком.

Русскоязычные школы сокращаются. В школах с обучением на русском языке эстонский язык изучается как обязательный учебный предмет, начиная с первого класса. Экзамен по эстонскому языку в русских школах является для всех выпускников обязательным. Также опрос населения показал, что почти 80% местных жителей желают, чтобы обучение национальных меньшинств эстонскому языку начиналось уже в дошкольном возрасте. Слабое знание эстонского языка становится преградой для поступления не только в гимназии, средние специальные учреждения, но и в вузы.

В Эстонии, как и в Латвии, существует языковая инспекция (Языковой департамент), которая экзаменует и преподавателей, а недостаточно владеющих эстонским языком наказывает штрафами. Штрафам подвергаются и те граждане, которые общаются на русском языке в общественных местах.

В Эстонии запрещено дублировать на русский язык фильмы, запрет не распространяется только на детские фильмы, мультфильмы.

Русскоязычные СМИ практически прекратили своё существование. Газета «Северное побережье» – русская версия регионального издания Põhjaranik, выходит три раза в неделю в приграничном с Россией регионе Ида-Вирумма, где большая часть населения – русские. Существует газета «МК-Эстония» – аналог «Московского комсомольца». Выходят журналы «Красивая жизнь» – аналог журнала «Караван», «Плуг», который позиционирует себя как культурное обозрение. Еженедельник «Комсомольская правда в Балтии» практически не имеет эстонского контента. Отметим, что русскоязычные издания в Эстонии популярны и принадлежат не только частным издательствам, но и государственными структурам.

В Таллине работает Русский драматический театр, есть литература на русском языке, организуются экскурсии на русском языке в разных музеях страны.

Совсем недавно в эстонских СМИ прошла информация, что специалистов, владеющих эстонским языком, в школах и вузах катастрофически не хватает, в связи с чем правительство Эстонии рассматривает вопрос о преподавании ряда дисциплин и предметов на русском языке.

«Ответы на вопрос, зачем русский язык нужен жителям новых независимых государств, отражают функции русского языка в следующем порядке.

1. Русский язык как средство общения с русскоязычными согражданами.
2. Русский язык как средство общения с друзьями/родственниками в России и других странах СНГ и Прибалтики.
3. Русский язык как средство передачи профессиональных знаний.
4. Русский язык как средство приобщения к русской культуре» [4, с. 237].

В эпоху глобальных перемен русский язык, несмотря на вызовы времени, сохраняет свою значимость как один из востребованных мировых языков. Он продолжает играть ключевую роль в международном сотрудничестве, науке, культуре, образовании и бизнесе, демонстрируя свою способность к развитию и адаптации.

«Русский внешней язык – это не только язык великой литературы, музыки и кинематографа, но и мощный инструмент сохранения и продвижения русской культуры в мировом масштабе. Он продолжает играть важную роль в образовательных системах стран бывшего СССР, а также служит языком межкультурного диалога и экономического сотрудничества на постсоветском пространстве, оставаясь востребованным в деловой среде и повседневной коммуникации» [7, с. 3].

Список литературы

1. Аргументы и факты / Газета от 02.06.2025. – С. 4.
2. Введенская, Л.А. Павлова Л.Г. Риторика и культура речи. – 11-е изд. – Ростов н/Дону, 2010.
3. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Г., Кашаева, Е.Ю. Русский язык и культура речи. – 32-е изд. – «Феникс» – Ростов н/Дону, 2014.
4. Воителева, Т.М. Русский язык в коммуникативном пространстве СНГ. Сборник материалов Международной конференции – Москва: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010.
5. Головин, Б.Н. Основы культуры речи: учеб. пособие. – М., 1980.
6. Даудов, А.Х. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – СПб, 2011.
7. Значение русского языка: культурное наследие, современность и международная роль. – https://chronohub.ru/all_articles/tpost/xx9dg8ek71-znachenie-russkogo-yazika-kulturnoe-nasl
8. Назарбаев, Н.А. Новый Казахстан в новом мире // Казахстанская правда. – 2007. – № 33 (25278). – С 6.
9. Русский язык в Армении: вопрос неполитический // Русский мир. – 26.07.2012.
10. Русский язык в мире: современное состояние и тенденции распространения. – Вып. 3. – М. 2005.
11. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Караулов Ю.Н. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 721 с.

Сведения об авторе

Федотова Луиза Леонидовна – доцент, кандидат филологических наук, Государственный университет просвещения. E-mail: ennushka@mail.ru

Information about the author

Fedotova Luiza Leonidovna – Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, State University of Education. E-mail: ennushka@mail.ru

ФОЛЬКЛОРИЗМ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НАЧАЛА XIX ВЕКА КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности фольклоризма русских писателей начала XIX века от А.С.Пушкина до писателей-романтиков А.А. Бестужева и О.М. Сомова. Доказывается, что обращение к русскому фольклору и инкорпорирование его различных жанров в художественную ткань произведений являлось неотъемлемым элементом их художественного творчества.

Ключевые слова: фольклоризм писателя, народнопоэтическое творчество, фольклорная традиция, романтизм, народные поверья и легенды.

Fokeev A.L.

FOLKLORISM OF RUSSIAN WRITERS OF THE EARLY 19TH CENTURY AS AN INTEGRAL ELEMENT OF THEIR ARTISTIC WORK

Abstract. The article examines the features of folklorism of Russian writers of the early 19th century from A.S. Pushkin to romantic writers A.A. Bestuzhev and O.M. Somov. It is proved that the appeal to Russian folklore and the incorporation of its various genres into the artistic fabric of works was an integral element of their artistic creativity.

Keywords: folklorism of the writer, folk poetry, folklore tradition, romanticism, folk beliefs and legends.

Фольклоризм писателя как категория идейно-эстетическая постоянно привлекает внимание исследователей, выясняется его роль в творческом процессе. Современной наукой учитываются и объясняются все сколько-нибудь заметные соприкосновения индивидуального художественного сознания с народнопоэтическими традициями. Многие исследователи поддерживают историко-литературный принцип исследования, определяющий взаимосвязь фольклора с литературой в ходе общественного развития (классические труды М.К. Азадовского, Д.Н. Медриша [1; 4]. Основными аспектами, в которых осуществляется изучение связей литературы с фольклором, являются: обнаружение устно-поэтических основ отдельных произведений, фольклорных мотивов и образов и их источников, фольклорно-изобразительных средств, изучение фольклорной поэтики, использования писателями жанров народного творчества. Рассматриваются идейно-художественные функции фольклора в произведениях, а также особенности народнопоэтического мышления писателя.

«Через обращение писателя к русскому народному творчеству происходит процесс самоидентификации, приобщенность автора к корневым традициям и обрядам». – пишет современный исследователь М.А. Дударева [3, с. 5].

Народнопоэтическое творчество вливалось в русскую литературу, русские писатели опирались на него, оно одухотворяло её, вносило русское национальное начало, обогащая их художественное творчество сюжетами и образами, героями из народа и народнопоэтическими стилистическими приёмами. Литературно-фольклорные связи основывались на глубоком интересе литературы к духовному миру народа, к проблеме народности, освоению фольклорных традиций. Литература опиралась на народное творчество, постигала его нравственные и эстетические идеалы.

Фольклор является питательной средой литературы, его живительными истоками. Богатством народной поэзии стремилась обогатиться вся русская литература. Жанры и фольклорные сюжеты, выразительно-изобразительные средства вливаются в русскую литературу и придают ей национальное своеобразие. Она обнаруживает идейную и художественную близость с устной поэзией. «Нет ни одного писателя, который прошёл бы мимо устной народной поэзии, не отразил бы в своём творчестве фольклорных традиций и не обратился бы к фольклору» [8, с. 139].

С особой глубиной народнопоэтические мотивы отразились в произведениях А.С. Пушкина. «Пушкин был первым русским писателем, – отмечал М. Горький, – который обратил внимание на народное творчество и ввёл его в литературу. Он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменным их смысл и силу» [2, с. 92]. Народные элементы входили в поэзию и прозу Пушкина естественно, поскольку она сама была народной, глубоко проникающей в духовный мир. Пушкина пленяло народное воображение, его фантазия, художественное образное мышление, стихия языка. Поэт последовал принципам фольклорной сказки. Его сказки, сложенные по образцу народных, отражали народный склад. В сказках Пушкина, как и в народных, открывался мир удивительных чудес: возникший на пустынном острове златоглавый город «с теремами и церквями», и затейливая белка, и тридцать три богатыря. Образ Царевны – Лебедь из «Сказки о царе Салтане» соотносится с фольклорными героинями: «а сама-то величава, выступает будто пава; а как речь-то говорит, словно реченька журчит» [5, с. 415]. Чудеса народного вымысла идут у Пушкина от народной сказки. Сам же Пушкин характеризует в поэме «Руслан и Людмила» изображаемый им сказочный мир как мир необыкновенный, сказочный, фантастический:

*«Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон без дверей»* [6, с. 16-17].

В его мире и колдуны, и богатыри, и царевна, и бурый волк, и ступа с Бабою Ягой, и царь Кощей. И все эти поэтические образы сказки исконно русские, национальные. В этом поэтическая народность пушкинских строк. Поэма «Руслан и Людмила» выдержана в народно-сказочных традициях: сказочный сюжет – похищение героини, её поиски героем, преодоление различных препятствий, народно-традиционные сказочные чудеса, счастливый конец. Пушкин опирается на народные былинные традиции. Действие происходит, как и в былинах, в древнем Киеве, в гриднице высокой пирует Владимир-солнце. Пир изображён также в былинной манере. Главный герой Руслан подобен былинным богатырям. Черты его гиперболизированы и героичны. Он освобождает Киев от печенегов, с которыми борется в одиночку. Поразительна и стихия народной речи, выраженная в пословицах и поговорках:

*«Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду-еду не свищу,
А как наеду, не спущу!»* [6, с. 50].

Народнопоэтические мотивы Пушкин использует и в других произведениях. Фольклорные темы, мотивы и сюжеты выступают как средство характеристики народной жизни, психологии и эстетических представлений народа. Народный «разбойничий» фольклор входит в сюжет повести «Дубровский», широко используется народное поэтическое творчество в «Капитанской дочке» в эпитафиях, пословицах. При помощи народных пословиц, песен, сказок создаются характеристики Пугачёва и пугачёвцев. О «привычках милой старины» Пушкин пишет и в романе «Евгений Онегин», рассказывая о деревенской жизни семьи Лариных.

*«Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели
Подблюдны песни, хоровод...»* [7, с. 44].

В поэтике романтизма проявлялся устойчивый интерес к национальной художественной старине, разрабатывалась концепция национальной самобытности художественного творчества и проблема национального характера, понимавшегося как «выражение национального духа» в обычаях, нравах, поверьях, обрядах, идущих от старины и отражающихся в народном творчестве, а также рассматривалась проблема обогащения искусства национальными жанрами и формами в соответствии с народной поэзией. Романтики стремились воплотить в своих произведениях фольклорные поэтические формы, обратиться к содержательной эстетической стороне фольклора. Из элемента образной системы произведения фольклора превращались в основу поэтики романтических жанров, способствуя появлению новых жанровых разновидностей. В романтическом творчестве отразились и другие типологические черты, проливающие свет на особенности поэтики художественных произведений, в том числе и различное эстетическое бытование фольклорно-этнографических материалов. Отрицание действительного мира, стремление ко всему необычному, экзотическому, что выходит за пределы отвергаемой каждодневной реальности – одна из типологических черт романтизма. Отсюда обращение писателей за пределы окружающей их реальной действительности. В одних случаях – к миру русской истории, героическим подвигам древности на основе художественной народной старины и интерпретация её в духе своих эстетических концепций и идей в исторической повести. В других случаях – обращение к фольклору: к поверьям, преданиям, обычаям, являющимся источниками особого рода представлений о «двоимирии» как параллельном, существующем наряду с окружающей человека действительностью сверхъестественном потустороннем мире, создании духа зла, вторгающегося в человеческую жизнь и оказывающего губительное влияние на судьбы людей, враждебного светлому миру, управляемому Богом. Воплощение этих представлений писателями-романтиками в их творчестве определяет характер фантастики и идейно-художественную сущность самого их творчества.

Народные поверья и легенды получили литературную обработку в творчестве В.А. Жуковского, А.А. Бестужева, О.М. Сомова и др.

Так, в повести А.Бестужева «Роман и Ольга» подробно описан день праздника в Новгороде: течёт вино рекою, заздравный рог кружится между гостями, певец Роман

поёт под живые струны гуслей русские песни. Фольклорный колорит придают и эпиграфы к отдельным главам, взятые из народных песен, такие как «Ах ты, душечка, красна девица, не сиди в ночь до бела света...». Или из старинной песни «Под звёздным небом терем мой, и первый друг мой - мрак ночной». А также пословицы: «крепка тюрьма, но кто ей рад» [8, с. 56, 64, 72].

С фольклором связаны и образы певца – гуслея Романа и атамана разбойничьей шайки Беркута.

В фольклорно-поэтической традиции рисуется Бестужевым встреча героя с колдуньей – чухонкой в рассказе «Замок Эйзен». Она представлена в типических картинах народной поэзии, в её народнопоэтической образности. Здесь постоянные сказочные элементы («дремучий, густой лес», «тёмный вечер», «избушка на курьих ножках, что от ветра шатается и от слова поворачивается») [8, с. 92].

Бестужев в повести «Страшное гаданье» описывает крестьянские посиделки. Писатель вводит описание крестьянских посиделок с подробной этнографической содержательностью, элементами одежды. Здесь и наряды красных девушек в «кокошниках, повязках разноцветных, в длинные косы их вплетены треугольные подкосники с подвесками или златошейными лентами»; и одежда молодцев в «пестрядиновых и ситцевых рубашках, с косыми галунными воротниками в суконных кафтанах, бренчащих на балалайке «Из-под дуба, из-под вяза»; и описание гаданий с петухом, пущенным по кругу, с кучками овса и ячменя, зарытыми в них кольцами, с подблюдными песнями. В народном сознании отражаются страхи крестьян перед неведомой силой. Они замечают: «Ведь канун-то Нового года чертям сенокос. Теперь чертям скоро заговенье: из когтей друг у друга добычу рвут: чёрный ангел, или, по-книжному, так сказать, Ефиоп, завсегда у каждого человека за левым плечом стоит, да несмигнувши сторожит, как бы натолкнуть на грех» [8, с. 126].

В предчувствие греховности вовлечены потусторонние силы. Иллюзорное возникновение в воображении героя в «страшных» фантазиях картин кровавого убийства, сцена на кладбище, падение в развёрзшуюся могилу соотносятся в развитии сюжета со страшными рассказами крестьян о колдунах и оборотнях. Так рисуется на посиделках в рассказе крестьянина Ванюши появление колдуна: «Начал входить по съезду... Тяжко скрипели брёвна под ногами оборотня; собака с визгом залезла в сених под корыто, и все слышали, как упала рука его на щеколду. Вот грянул он в ворота, и дубовый запор, как соль, рассыпался» [8, с. 127].

Писатели обращаются к образам народной демонологии (колдуны, знахарки, кикиморы, русалки), вводят элементы заклинаний и заговоров. Так в повести О.Сомова «Русалка» колдун окружён, как в народных поверьях, магическими атрибутами, такими как пень и произносимый им заговор, в соответствии с представлениями крестьян о сверхъестественной нечистой силе, – это старик скрюченный, сморщенный, «словно выходец с того света в майский жаркий день лежит он на голой земле» [8, с. 132]. Атмосферу нагнетания страха создают окружающие колдуна предметы – неизменные элементы его колдовства. «Около него был очерчен круг, в ногах у колдуна сидела огромная чёрная жаба, выпуча большие зелёные глаза, а за кругом кипел и вился клубами всякий гад: и ужи, и змеи, и ящерицы; по сучьям деревьев качались большие нетопыри, а филины, совы и девятимерты дремали по верхушкам и между листьями. Лишь только появилась старуха (Фенна – мать Горпинки – А.Ф.), вдруг жаба трижды

проквкала страшным голосом, нетопыри забили крыльями, филины и совы завыли, змеи зашипели, выпустив кровавые жала, и закружились быстрее прежнего» [8, с. 140].

В повести Сомова «Кикимора» она поселилась в доме старого крестьянина Панкрата Пантелеева и его семьи. В духе народной фантазии автор приводит её описание в виде большой кошки. Внучка хозяев Варюша видела подле светёлки «превеликую и претолстую кошку», «крупнее самого ражего барана», серую, с мелкими белыми крапинками, с большою уродливою головою, с яркими глазами, которые светились, как уголья, с короткими толстыми ушами, с длинным пушистым хвостом, который, как плеть, обвивался трижды вокруг туловища. Детальми её портрета были также длинные мохнатые лапы со страшными железными когтями, которые, как серпы, высывались из-под пальцев, лапы её были холодны, как лёд [8, с. 212]. Однако несмотря на принадлежность к нечистой силе, кикимора была добра. Она умиленно поглядывала на девочку, поводила усами, скалила зубы, помахивала хвостом, протягивала к девочке длинную лапу, по ночам холила её и заботилась о ней - умывала, причёсывала, а также ткала пряжу. Автор, создавая бытовую ситуацию, подчёркивает, что в обыденных условиях мифические существа уживаются с людьми. Крестьяне не видели от кикиморы никакого зла, однако их христианские представления не уживались с присутствием в доме нечисти.

Литературно-фольклорный синтез прослеживается и в творчестве писателей середины/второй половины XIX века от В.И. Даля до Л.Н. Толстого.

Таким образом, фольклор – корни и истоки русской литературы, тот неиссякаемый источник из которого из века в век наша культура черпает сокровища народной поэзии, мудрости, эстетического совершенства. Сливаясь с литературой, насыщая её фольклорными жанрами, народнопоэтическими образами – народной поэтикой, фольклор является выражением народной национальной традиции, духа народа, его нравственно-эстетических ценностей.

Список литературы

1. Азадовский М.К. История русской фольклористики.: В 2т. М., Учпедгиз, 1958, 1963.
2. Горький А.М. Собр. соч.: В 30 т.Т.24. М., Гослитиздат, 1956. 819 с.
3. Дударева М.А. Танатология в русской литературе XIX-начала XX века: от фольклорных истоков к индивидуальному осмыслению. М. – СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2005. 303 с.
4. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Саратов, Изд-во СГУ, 1980. 295 с.
5. Пушкин А.С. Сочинения: В 3т. Т. 1. М., Гослитиздат, 1955. 511 с.
6. Пушкин А.С. Сочинения: В 3т. Т. 2. М., Гослитиздат, 1955. 502 с.
7. Пушкин А.С. Сочинения: В 3т. Т. 3. М., Гослитиздат, 1955. 620 с.
8. Русская романтическая повесть (первая треть XIX века). – М., 1983. 320 с.
9. Фокеев А.Л. Неиссякаемый источник. По страницам литературной классики. Саратов, Изд-во Лицей, 2005. 219 с.

Сведения об авторе

Фокеев Александр Леонидович – доцент, доктор филологических наук, Педагогический институт Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. E-mail: fokal56@rambler.ru

Information about the author

Fokiev Aleksandr Leonidovich - Associate Professor, Doctor of Philological Sciences, Pedagogical Institute of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. E-mail: fokal56@rambler.ru

ДУХОВНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация. В содержании статьи главное внимание автора уделено вкладу отечественной духовной традиции в сохранение национального наследия представителей Церкви и творческой интеллигенции в кризисных обстоятельствах отчуждения от Родины. Развивая русскую культуру в условиях вынужденной эмиграции, её представители отдавали себе отчет в значимости и необходимости поддержания и укрепления православной культуры в Русском Зарубежье. Наряду с духовным просветительством активно интегрировались в европейские традиции практически все виды искусств, которые не только не утратили своего «кровного наречия», но значительно обогатили западноевропейскую культуру прекрасными произведениями. Особенно заметен расцвет свободного литературного творчества, ознаменовавшегося яркими именами наших соотечественников, снискавших мировую славу.
Ключевые слова: русская культура, Русская православная церковь, духовное просвещение, национальное наследие, Русское Зарубежье, отечественная традиция, литература, искусство, эмиграция, творческая интеллигенция.

Shafazhinskaya N.E., Yulina G.N.

SPIRITUAL AND LITERARY CREATIVITY OF DOMESTIC CULTURE ACTIVISTS ABROAD

Abstract. In the content of the article, the author's main attention is paid to the contribution of the national spiritual tradition to the preservation of the national heritage of representatives of the Church and the creative intelligentsia in the crisis circumstances of alienation from the Motherland. Russian culture developing in conditions of forced emigration, its representatives were aware of the importance and necessity of maintaining and strengthening Orthodox culture in the Russian Diaspora. Along with spiritual enlightenment, almost all kinds of arts were actively integrated into European traditions, which not only did not lose their "blood dialect", but significantly enriched Western European culture with beautiful works. Especially noticeable is the flourishing of free literary creativity, marked by the bright names of our compatriots who have gained world fame.
Keywords: Russian culture, the Russian Orthodox Church, spiritual enlightenment, national heritage, Russian Abroad, Russian tradition, literature, art, emigration, creative intelligentsia.

Русские эмигранты «первой волны», изгнанники после трагических событий 1917 года и последующей Гражданской войны, в большинстве случаев получали приют в тех странах, где христианство, а именно православие, не было господствующей конфессией. До революции за границей было несколько православных приходов, которые находились в основном при посольствах Российской империи – в крупнейших государствах, а также при дворах, представители которых принадлежали отчасти к Русской Православной Церкви – к примеру, *Гессен-Дармштадт, Вюртемберг*.

В условиях Русского Зарубежья эмигранты селились разбросанными небольшими группами, в результате образовывались эмигрантские приходы, которые располагались во временных помещениях. Такие приходы создавали условия для сохранения духовного общения, использования богослужебного языка, религиозного просвещения [1]. Благоприятным для русской диаспоры явилось то, что одно из

крупнейших издательств религиозной литературы в дореволюционной России, работало в *Почаевском монастыре святого Иова*, располагавшегося на территории, которая по условиям Рижского мира отошла к Польше. Учебная религиозная литература для русских изгнанников печаталась во Владимирове, куда архимандрит *Виталий (Максименко)* – настоятель Почаевского монастыря – вынужденно перенес издательство, и в других местах, хотя и в более скромных масштабах.

Приходская церковь старалась делать все возможное для религиозного просвещения и воспитания прихожан. Здесь с *детьми эмигрантов занимались изучением русского языка, грамматики, отечественной истории, литературы*. Эти уроки проводили добровольцы из числа прихожан, чаще всего – женщины. Там, где были начальные и средние русские школы, то есть, прежде всего, в больших городах и странах с наибольшей концентрацией эмигрантского населения – Югославии, Чехословакии, Балтийских государствах – религиозное обучение входило составной частью в учебные программы. Преподавание вели местные священники, оно было тесно связано с другими родственными русской культуре дисциплинами, которые изучались в школе наряду с предметами, обязательными в стране проживания.

Русский язык оставался важнейшим компонентом религиозного образования и воспитания, тем более что церковные службы в приходе проводились на родном языке (церковнославянском – в модернизированной русифицированной форме). Вдали от Родины представители творческой элиты всегда осознавали, что духовная основа русской культуры – это, прежде всего, идеи православной антропологии и принципы христоцентризма, разработанные ещё в учении богословов Восточной Церкви, и получившие дальнейшее развитие в святоотеческой традиции, а также трудах ведущих ученых – русских писателей, философов, богословов и культурологов – в контексте взаимосвязи Церкви и культуры, христианства и литературного творчества.

Влияние древневосточной традиции на русскоязычное сознание, философскую и антропологическую школу содержится во многих теоретических положениях, высказанных в произведениях эпохи Русского Зарубежья С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным, В.В. Зеньковским, И.В. Киреевским, К.Н. Леонтьевым, Н.О. Лосским, В.Н. Лосским, П.А. Флоренским, Г.П. Федотовым, Г.В. Флоровским, П.А. Флоренским и другими философами [6; 7; 8]. В отечественной православной антропологии ключевой позицией древнехристианской святости является мысль о той *«высоте богоподобия»*, к которой призван и способен человек, и как он может достигнуть совершенной духовной красоты. Именно эти духовно-нравственные ценности старались сохранить и отразить в своих произведениях деятели отечественной литературы, искусства в условиях вынужденной эмиграции.

О сохранении и воспроизводстве русской духовной культуры заботились даже нерелигиозные представители Русского Зарубежья. Все понимали необходимость бережного отношения к отечественной национальной традиции, которая «вскормила» многие поколения русского народа и которые необходимо транслировать в процесс развития следующих поколений соотечественников [1; 8].

Так, *950-я годовщина Крещения Руси* торжественно отмечалась в 1938 году не только в церквях, но и в школах, а также в светских организациях (следует сопоставить этот факт с тем, что творилось в этот период в Советском Союзе!). К этой дате в Русском Зарубежье были изданы несколько книг, в частности, «Владимирский

сборник»: эмигрантская историография давала более позитивную оценку периоду Киевской Руси в отечественной истории и культуре, в противоположность периоду Московского государства, когда интенсивно возвеличивались интересы государства и, соответственно, ослаблялись позиции в обществе Русской Православной Церкви. [8]

В Русском Зарубежье были разногласия между интеллигенцией и духовенством по поводу выбора даты в русской истории, ассоциированную с *Днём русской культуры*. Интеллигенция выбрала день рождения национального гения *А.С. Пушкина*, как очевидно символизирующую отечественную культурную традицию. И в большей части русской диаспоры церковь принимала участие в праздновании пушкинского дня.

В результате высылки из советской России в 1922-1923 годах более ста выдающихся представителей отечественной интеллигенции в Берлине, а позднее – в Праге и Париже оказались лидеры религиозной мысли дореволюционной России [4]. Они присоединились к эмигрировавшим ранее деятелям, таким как *С.Н. Булгаков*, *А.В. Карташев*. Самой яркой фигурой из высланных мыслителей на «философском пароходе» (1922) был *Н.А. Бердяев*. Благодаря его таланту, харизматичности, энергии и широкому кругу знакомств с западными интеллектуалами, ему вскоре удалось организовать в Берлине Свободное религиозно-философское общество.

Материальная поддержка обществу была предоставлена американской ИМКА (православное общекультурное издательство русской книги, основано в 1921 году в Праге, в 1923 году работало в Берлине, с 1925 по 1940 в Париже) [5]. Общество, в свою очередь, основало Академию, которая финансировала чтение курсов лекций на общекультурные, исторические, философские и религиозные темы. Когда *Н.А. Бердяев* переехал в Париж, эти две организации переместились вслед за ним, хотя некоторые ученые-активисты, например *С.Л. Франкл* и *Ф.А. Степун*, остались в Германии. Париж по праву становится центром русского православия за границей. В этой связи считаем необходимым указать на важное историко-культурное обстоятельство.

В Европе в послереволюционный период одновременно существовали три ветви (течения) Русской Православной Церкви. Одно из них возглавил митрополит *Евлогий (Георгиевский)*. Ссылаясь на «техническую» невозможность постоянной связи с Патриархом Московским и всея Руси (с ноября 1917 г. – *Тихон*, в миру *Василий Иванович Белавин*, 1865-1925), он объявил автокефалию, то есть самостоятельность зарубежной Русской Православной Церкви. После этого решения владыка Евлогий стал официально именоваться *митрополитом западноевропейских русских православных церквей*, полностью отделившись при этом от Московской патриархии.

В годы Второй мировой войны Евлогий встал на патриотическую позицию, а после Победы, уже в 84-летнем возрасте и будучи прикованным к постели тяжелым недугом, он благословил эмиграцию на возвращение на родину, в Россию. За несколько недель до своей смерти он принял советское гражданство и советский паспорт из рук советского посла во Франции *А.Е. Богомолова*. Символически этот паспорт был ему вручен под номером первым. Осенью 1945 года Евлогий написал ходатайство о воссоединении с Московским патриархатом и 11.09.1945 получил соответствующий Указ *Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского)*.

Митрополит Евлогий в историю Русского Православного Зарубежья вошел как собиратель либерально-философского направления русской религиозной мысли. Под его юрисдикцией находились практически все деятели «русского религиозного

возрождения»: С.Н. Булгаков (отец Сергей), Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, Г.П. Федотов, А.В. Карташев, Г.В. Флоровский, В.В. Зеньковский (отец Василий), П.Б. Струве, которым импонировали политическая корректность, взвешенность и конструктивный либерализм митрополита Евлогия. Важно также, что Евлогий явился создателем *Парижского Богословского института* – первого высшего духовного заведения русской эмиграции (если не считать Академию в Берлине, которая просуществовала недолго). Профессорами этого института стали самые известные ученые, философы и богословы Русского Зарубежья. При непосредственном участии Митрополита было организовано «Христианское движение», объединившее русскую религиозную молодежь, находившуюся под духовным влиянием и поддержкой Всемирного христианского совета молодых людей. Митрополит Евлогий стал также создателем новых православных храмов и приходов во Франции – в том числе знаменитого Сергиевского Подворья, а также храмов в Германии, Чехословакии, Бельгии, Италии, Норвегии, Швейцарии.

Другую часть Русского церковного Зарубежья возглавлял митрополит *Антоний* (в миру Алексей Павлович Храповицкий, 1863-1936). В противоположность Евлогию, Антоний был активно включен в эмигрантскую политику, заняв в ней крайний правый фланг и осудив «сотрудничество» Русской Православной Церкви с большевиками. Из югославского городка *Сремски Карловцы*, местопребывания созданного эмигрантского святейшего синода, где первые годы эмиграции находилась также резиденция барона Врангеля, на протяжении 25 лет раздавались призывы к «священной борьбе против большевизма», благословлялось всякое оружие, направленное против советской власти. Отсюда же раздавались слова, благословлявшие белых офицеров и солдат на вступление в ряды гитлеровского вермахта [3].

Третьим течением Зарубежной Русской Церкви была часть духовенства, которая изначально осталась верна Русской Патриархии и признавала её юрисдикцию. Деятельность этой части духовенства проходила в очень трудных условиях: большая часть русских эмигрантов, насильно отторгнутая от своей Родины советской властью, свое раздражение невольно переносила на православное духовенство, подчинявшееся Московской Патриархии. Таким образом, самая популярная в Европе ветвь Русской Православной Церкви находилась, прежде всего, во Франции, а руководитель этой ветви – митрополит Евлогий (Александр Семенович Георгиевский, 1868-1946) – стал одним из самых популярных за рубежом представителей русского православия. Насчитывалось в его епархии свыше 100 приходов. Центром всей церковной жизни Русского культурного Зарубежья был кафедральный собор в честь *Благоверного князя Александра Невского* на улице Дарю в Париже. В этом соборе 16 апреля 1938 года отпевали гениального певца, сына России *Федора Ивановича Шаляпина*.

Говоря о роли православия и Русской Православной Церкви в спасении, сохранении и созидании русской культуры за рубежом, приведем высказывание по этому поводу *Марка Раева*: «Церковь в Русском Зарубежье сумела занять видное место в интеллектуальной жизни эмиграции, способствовала сохранению культурных и национальных традиций» [4, с. 197]

Подлинно христианское служение Русской православной церкви в годы Второй мировой войны проявили и многие представители Русского Зарубежья, в частности участники движения знаменитого братства «Православное дело», созданного русской

монахиней, философом и поэтессой матерью *Марией (Елизаветой Юрьевной Скобцовой)*, ставшей впоследствии героиней движения Сопротивления во Франции и погибшей в гитлеровском концлагере Равенсбрюк (1945) [2].

Глубочайшая христианская вера и колоссальная внутренняя энергия материнской любви и сострадания, всецело направленная на самоотверженное благотворительное служение ближним, подняла на вершины святости выдающуюся русскую подвижницу. Иноческий путь, избранный матерью Марией (1891–1945), существенно отличается от пути, которым восходили «от силы в силу» великие учителя монашества, но истинное монашество и состоит в совершенной жертвенной любви и полному отказу от себя.

У Елизаветы Юрьевны Скобцовой, одаренной поэтессы, художницы, писателя и философа, стремление к иночеству как самоотверженному христианскому служению появилось именно в эмиграции, в период тяжелых личных испытаний. Это стремление поддержал и всецело одобрил глава русской православной Церкви в Париже митрополит Евлогий (Георгиевский), который сам и постриг её в монашество 16 марта 1932 года в церкви Парижского богословского института с именем Мария.

Свое подвижничество мать Мария понимала как *«материнство по отношению к миру»*, она не отдалась от общества и, находясь в гуще мирской жизни, всецело отдала себя делу благотворения, которое отныне стало новым смыслом ее жизни. В основу своей общественной деятельности она положила евангельскую заповедь о взаимной любви: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15:13), хотя многие из окружения инокини такую позицию не разделяли.

Монахиня Мария различала монашество аскетически-созерцательное и активное: именно во втором типе, «обращенном к миру монашестве, особенно сильно ощущается то, что созданный Богом мир во зле лежит. И монашество обращается к миру, потому что любит этот образ Божий мира, образ Божий человека, прозревает его в грехе и ... исторической действительности», – так писала мать Мария в одной из своих статей [2]. Такое монашество является неканоническим, нетрадиционным, хотя подобные прецеденты встречались в истории русской религиозной жизни. Мать Мария своими руками строила и украшала дом и церковь на улице Лурмель, вышила Тайную Вечерю над Царскими воротами, выполнила выдающееся художественное произведение – Богородичную ризу, епитрахиль с вышитыми на ней Богородичными праздниками.

В воспоминаниях Т.И. Манухиной говорится: «В устройстве храма мать Мария вложила все свои художественно-декоративные, живописные и рукодельные способности. Роспись стен и стекол придала гаражу вид терема, а вышитые гладью панно – история царя Давида — оживили стены оригинальным разнообразием фигур ...» [6]. Огромный труд матери Марии в создании новой церкви, в ее организации, строительстве и привлечении людей, а также многогранный художественно-эстетический талант монахини увенчались великим событием: церковь была создана и освящена в честь Покрова Богородицы.

В годы гитлеровской оккупации Франции Мать Мария и ее соратники активно помогали участникам Сопротивления, была создана целая система по спасению людей: хорошо отраженная антифашистская борьба, в центре которой находилась мать Мария и ее организация, сохранялась вплоть до февраля 1943 года. Даже после ареста в лагере Равенсбрюк, мать Мария не оставляла христианского творчества: в нечеловеческих

условиях была создана ее равенсбрюкская вышивка с образом Божией Матери, обнимающей крест, на котором изображен распятый Христос.

Март месяц 1945 года был последним в жизни Марии: она погибла на Страстной неделе (по Западной пасхалии) в Великую Пятницу, 31 марта, к вечеру этого дня ее отправили в газовую камеру. Сила духа русской монахини, выдающейся творческой личности, посвятившей себя служению Богу и людям – пример высоты святости и глубокой веры в Воскресшего из мертвых Христа Спасителя. В своей статье «Рождение в смерти» она возглашает о том, что ее «... духовное тело хочет восстать, потому что я хочу родиться в вечность, потому что мне в этой поднебесной утробе уже тесно, потому что я хочу исполнить назначенное, потому что я хочу домой, к Отцу, – и все готова отдать и любыми муками заплатить за этот Отчий дом моей вечности» [2].

Мать Мария мечтала принести в Россию новый дух – свободный, творческий, дерзновенный, и именно это условие, по ее убеждению, было необходимо для исполнения ее миссии. Возможно, и по ее молитвам, дух свободы, творчества, возрождения Русской Церкви и христианской духовной культуры возобладал в России в конце наполненного трагическими событиями XX столетия.

Значительную роль в сохранении русского языка и развитии русской культуры за рубежом сыграло внимание и расширение жанрового диапазона отечественной литературы. Одной из главных заслуг «второй волны» в литературе были *мемуарный жанр* и *художественная проза*, запечатлевшая опыт недавнего прошлого, поскольку трагедия народа в советской литературе объективно не отражалась, а вывести рукописи из СССР до войны было нелегко. Отметим такие произведения, как «Соловецкие острова» *Геннадия Андреева*, «Неугасимая лампада» *Бориса Ширяева*, «Враг народа» *Владимира Юрасова*, «Укращение искусств» и «Темный гений» *Юрия Елагина*.

Эмигрировав на Запад, русские писатели же «третьей волны» не прекращали активной творческой работы. По отношению к оппозиционным писателям советские власти применяли новую тактику – лишение гражданства. Первым писателем, которого лишили гражданства, был *Валерий Тарсис*, депортированный на Запад в 1966 г. Позднее были лишены советского гражданства *Александр Солженицын*, *Владимир Максимов*, *Александр Зиновьев*, *Василий Аксёнов*, *Георгий Владимов*, *Владимир Войнович*, *Эдуард Кузнецов*. В 70-80 годы родину вынуждены были покинуть такие талантливые писатели и поэты, как *Юз Алешковский*, *Иосиф Бродский*, *Наталья Горбаневская*, *Сергей Довлатов*, *Наум Коржавин*, *Эдуард Лимонов* и другие. Двое из писателей-эмигрантов «третьей волны» были удостоены Нобелевской премии по литературе: в 1970 г. – *А. Солженицын*, в 1987 г. – *И. Бродский*.

Спектр литературных направлений писателей «третьей волны» разнообразен. *А. Солженицын* и *В. Максимов* сохранили великие традиции реализма XIX в. Писатель традиционной реалистической школы *В. Некрасов*, применявший в творчестве эзопов язык, чтобы обходить советскую цензуру, был обескуражен отсутствием привычных для него рамок на Западе. Романы *В. Аксенова* «Остров Крым», *В. Войновича* «Москва 2042» и «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», *А. Зиновьева* «Зияющие высоты» можно отнести к облеченной в фантастику политической сатире. К жанру фантастики обращался *А. Синявский*, выражая в творчестве протест против реализма. В модернистском духе написана иго ироничная автобиография «Спокойной ночи». Один из самых наблюдательных и остроумных мастеров юмористического

рассказа Сергей Довлатов талантливо и иронично передавал детали эмигрантской жизни. Традиционные жанры и приемы представлены в творчестве Наума Коржавина и Натальи Горбаневской, авангардистское направление – в поэзии Алексея Хвостенко, Виктора Тупицына, Генриха Худякова, Константина Кузьминского.

Духовное и литературное творчество деятелей русской культуры за рубежом сыграло огромную роль в сохранении и воспроизводстве лучших национальных традиций несмотря на сложности, связанные с интеграцией в европейское секуляризованное общество. Наряду с этими процессами, происходила и *политизация искусства*, которая привела к крупному расколу в среде эмигрантских писателей: с одной стороны – сторонники «искусства для искусства», с другой – их непримиримые противники, политические «моралисты». Но в целом и те и другие внесли неоценимый вклад в общерусскую традицию литературного творчества и сохранения русского языка. Духовно-религиозное творчество и литература Русского Зарубежья не только представляют новую, более актуальную для времени модель видения мира как такового и себя в нем, но и воздействует на читателей и на параллельно создаваемые коллегами по перу на родине иные художественные картины мира.

Список литературы

1. Аронов, А.А. Культурный ренессанс Русского Зарубежья. Московский гос. ун-т культуры и искусств, Междунар. пед. акад. – М.: Экон-Информ, 2007.
2. Беневиц, Г.И. Мать Мария (1891–1945). Духовная биография и творчество. СПб: ВРФШ, 2003.
3. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке – М., 1995.
4. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919-1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. – 295 с.
5. Сарабьянов Д.В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. – М., 1993. С.215-246.
6. Шафажинская Н.Е. Тема духовного поиска в русской литературе и философской мысли // Вестник МГУКИ, № 1, 2013. – С. 41-46. ISBN: 1997-0803.
7. Шафажинская Н.Е. Монастырская просветительская культура России. – М., Инфра-М, 2014. – 232 с.
8. Юлина, Г.Н. Шафажинская, Н.Е., Положенцева, И.В. Духовные основы русской словесности, культуры и искусства. – М., 2019. – 116 с. ISBN 978-5-907092-88-4

Сведения об авторах

Шафажинская Наталия Евгеньевна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им.К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: shafazhinskaya@mail.ru

Юлина Галина Николаевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, декан факультета социально-гуманитарных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: g.yulina@mgutm.ru

Information about the authors

Shafazhinskaya Natalia Evgenievna – Doctor of Cultural Studies, Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Pedagogy and Psychology of Vocational Education Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: shafazhinskaya@mail.ru

Yulina Galina Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Pedagogy and Psychology of Vocational Education Department, Director of the Institute of Social and Humanitarian Technologies, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: g.yulina@mgutm.ru

МНЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА О МЕСТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Кожевников П.Г.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ВЗГЛЯД АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА)

Аннотация. Автор статьи рассматривает различные аспекты формирования позитивного образа России в современном информационном пространстве на основе своего опыта многолетнего проживания в США и преподавания русского языка в Колорадском университете.

Ключевые слова: русский язык, образ России, информационное пространство, русская литература, языковая политика.

Kozhevnikov P.G.

FORMING A POSITIVE IMAGE OF RUSSIA IN THE MODERN INFORMATION SPACE (VIEW OF AN AMERICAN JOURNALIST)

Abstract. The author of the article examines various aspects of the formation of a positive image of Russia in the modern information space based on his experience of many years of living in the United States and teaching Russian at the University of Colorado.

Keywords: Russian language, the image of Russia, information space, Russian literature, language policy.

Тему я выбрал непростую. Ещё год назад я бы вряд ли взялся за неё – уж слишком образ России в «мировом пространстве» был заплёван, оболган, искажён. И виновата была не только мощная западная машина пропаганды, но, как мне кажется, и российские неумелые, робкие действия на международной арене. О некоторых ошибках в этом направлении я уже неоднократно говорил на предыдущих конференциях.

Сейчас же ситуация меняется на глазах. Меняется стремительно, как шарик, скачущий в рулетке, и никто не может с уверенностью сказать, в какую ячейку она угодит. Приход Трампа, оскорблённого обвинениями его политических врагов в связях с Путиным, неумные действия «всемирного попрошайки из Киева», сделавшего ставку на престарелого Байдена, кардинально изменили политический ландшафт во всём мире. Чутьочку приоткрылся нежелезный занавес, и все увидели, что Россия-то была кое в чём права, что её экономика не только не загнулась от тысяч дурацких санкций запада, но и вырвалась вперёд. Да ещё самый главный буржуин в Белом Доме сказал, что не Россия начала войну.

И хотя политическая цензура в мейнстриме не отменена, появились журналисты, такие как Скотт Риттер, Такер Карлсон, Джон Миерсхаймер, Судья Наполетано, Майкл Аверко и другие, которые стали давать честные материалы о России.

Оживилась и российская пропаганда, которая, правда, ещё не совсем умеет работать с западным потребителем информации, но уже переходит из обороны в робкое наступление. И, конечно, огромный вклад во всём этом принадлежит В.В.

Путину, этому, несомненно, гению, имеющему холодный расчёт, тактику гроссмейстера в игре с любителями от политики, окончивших «гарварды», где до сих пор преподают по лекалам холодной войны современную Россию.

Сейчас тем из нас, кто выступает за нормализацию отношений между Россией и США, стало легче здесь объяснять, что современная Россия – не является врагом США, что это страна – не «бензоколонка с ядерным оружием», что там дороги во многих местах лучше, чем у нас, что «дураки» почти все слиняли, кто в Обетованную, а кто в свои виллы на западе. Если несколько лет назад, особенно в начале СВО, в моих дебатах на американских чатах, я был один против ста оппонентов, то теперь, примерно половина американцев поддерживает меня, когда я объясняю российскую точку зрения на тот или иной конфликт в мире.

Но не всё ещё так гладко. Трудно бывает тогда, когда мои бывшие студенты пишут мне, что я их обманывал, что Муратов - Нобелевский лауреат, Каспаров - бывший чемпион мира по шахматам, и другие «русские» знаменитости рассказывают прямо противоположное о России. И вся моя многолетняя работа по «формированию» честного образа России, стремление улучшить отношения между двумя великими народами, идёт насмарку.

И ведь всё ещё проигрывает Россия не только на западных площадках, но и у себя дома. Мне отсюда трудно понять многие вопросы, начинающиеся со слова «почему», которые у нас, русских-американцев, появляются.

Вот такие, например:

- почему всегда МИД России опаздывает, «играет от обороны»?
- почему СВО, а не война?
- почему даже ближайшие союзники по ОДКБ не всегда поддерживают Россию при голосовании в ООН, а Россия так вяло реагирует на их «флирты» с её врагами;
- почему нельзя сделать краткую дорожную карту на разных языках о том, что случилось между Россией и Украиной, и почему Россия напала на эту страну? (И Лавров С.В. и Путин В.В. умело это объясняют, но не все же смотрят их выступления);
- почему российские блогеры и СМИ («Одноклассники», «Стихи.ру», «Проза.ру», мой любимый «Дзен», к примеру) не контролируют свои платформы, куда стали толпами проникать укротролли и другие недруги России. Там есть кнопки, которые обещают удалять нарушителей и их вражеские нецензурные высказывания, но никто такие жалобы не проверяет. А попробуй на Фейсбуке сказать что-то за Россию, как тебя тут же удалят.

Я просмотрел много официальных документов по выбранной тематике.

Почти все они содержат общие фразы, написанные ещё, я думаю, в советское время. Написаны правильные мысли, но это не современная стратегия, а казённые призывы. Ну, кто будет спорить с этим:

Формирование позитивного образа России в современном информационном пространстве – это стратегический процесс, направленный на создание привлекательного образа государства через СМИ, социальные сети и культурные проекты.

Или с этими клише:

Основные аспекты формирования имиджа России (русское слово «образ» почему-то не подошло, или не ведали авторы о нём):

- *Культурно-гуманитарное влияние: продвижение русского языка, искусства, литературы и образования как инструментов «мягкой силы».*
- *Научно-технические достижения: трансляция успехов в космосе, атомной энергетике, ИТ-сфере и медицине.*
- *СМИ и новые медиа: активная работа государственных информационных агентств и использование социальных сетей для преодоления стереотипов.*
- *Историческое наследие: акцент на победах, традиционных ценностях и многонациональном единстве.*

Остаётся только пожать плечами и спросить авторов этих советов, вы, вообще, знаете западный мир, мир, который не рассуждает общими фразами, какой должна быть идеология страны, или «чего это мы строим», а борется за свои интересы всеми способами, и не скрывает того, что способы зачастую они применяют жесточайшие, без оглядки на международные законы.

Пусть никого не обидит то, что я сейчас скажу: в России правильно говорят, но мало что делают для формирования позитивного образа России в современном информационном пространстве.

У меня есть друг – Майкл Аверко, довольно известный в США медиа критик и независимый политический аналитик.⁵ (Жаль, что его не приглашают на российские передачи. Майклу Бому, этому «мальчику для битвы» на федеральных каналах, или Дмитрию Саймсу, передачи которого в 1990-е о такой плохой России, мы, американские-русские, хорошо помним, везёт больше). Так вот, я сказал Майклу, что готовлюсь выступить в Москве и, назвав тематику своего выступления, спросил, что, на его взгляд, русские делают не так? Он не задумываясь ответил: *«Русские в целом, по сравнению с некоторыми другими странами, не придают большого значения предвидению вражеских выходов своих противников и важности эффективного быстрого ответа»*. То есть, опять эта пресловутая привычка «запрягать медленно» ...

Возьмём работу с «мягкой силой». Сколько раз Президент требовал улучшить это направление, а в ответ – гладкие отчёты о проведённых мероприятиях, фестивалях, концертах, которые не решают глубинных проблем. Да, сейчас трудно работать внутри некоторых стран, но есть же другие методы. Вон, американцы, британцы находят такие способы. Одна программа Конгресса США *«Open World Program»* чего стоит. Почитайте, что они творят, всё есть на интернете. Там активная работа по всем странам мира, сейчас особенно с бывшими советскими республиками и развивающимися странами: *Армения, Азербайджан, Беларусь, Болгария, Эстония, Фиджи, Грузия, Венгрия, Индонезия, Казахстан, Косово, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Монголия, Северная Македония, Папуа-Новая Гвинея, Польша, Румыния, Сербия, Соломоновы острова, Таджикистан, Украина, Узбекистан, Вануату и Вьетнам...* И капиталовложений-то надо мало...

⁵ Майкл Аверко – независимый внешнеполитический аналитик и медиакритик, Нью-Йорк. Он выступал в качестве приглашенного комментатора на ток-радио BBC, RT и WABC, участвовал в дискуссиях на Всемирном форуме по России, Российском форуме в Нью-Йорке и US-Russia.org Экспертной группе. Помимо колонки Аверко в Eurasia Review – Academia.edu, Counterpunch, Foreign Policy Journal, Global Research, History News Network, InoSMI.Ru, Johnson's Russia List, Journal of Turkish Weekly, Kyiv Post, Oriental Review, Пензенские новости, "Правда".Ru, Pravoslavie.Ru "Радио Свободная Европа/Радио Свобода", Russia Insider, Sputnik News, Фонд стратегической культуры, The Duran, Huffington Post, дискуссионный клуб "Валдай", Yonkers Tribune и WikiLeaks - это лишь некоторые из многочисленных сайтов, где публиковались его статьи или на них ссылались.

Мы, русскоязычные профессиональные учителя, журналисты, редакторы газет и журналов, блогеры ... – эта «мягкая сила» – остаёмся в стороне от событий в России. Узнаём, к примеру, случайно, что в Москве прошёл Конгресс соотечественников. Кто выбирает делегатов на такие конгрессы, что там обсуждают – неведомо.

Или такой важный аспект из програмного документа, как *формирование честного образа России: продвижение русского языка, искусства, литературы и образования*. Кто-нибудь собирает «русистов» на семинары в Москву? Нет, никто. По крайней мере мы не знаем. Вот и дивимся современному русскому – который превращается в нерусский – языку, слушая все эти «стартапы – кейсы – ристрикции – краудфандинги, фоллоуверы, трэки ...» Сколько лет кричим отсюда – не загрязняйте Великий и Могучий! Вроде бы приняли недавно Закон о Языке, который немного осадил любителей «мундиалей и шоппингов», но только на время.

Но, как частенько бывает (и не только в России), если в графе «ответственные за исполнение» стоят многочисленные министерства и ведомства, то это означает – никто. У семи нянек, как известно – дитя без глазу.

Вот и издеваются над прекрасным Русским языком все, кому не лень. Приведу только несколько примеров.

Ridero:

Здравствуй, автор!

Финальный день ярмарки non/fictio №27 обещает быть особенно насыщенным ...

Sports.ru

«Число членов ОКР сокращено на 89 единиц. Это разговор на юридическом языке. Теперь нет даже формальных причин для какого-то бана, – сказал М.В. Дегтярёв, министр Спорта.

Известия

1,22 млн подписчиков. IBU дисквалифицировал немецких биатлонистов после победы в сингл-миксте...

Комсомольская Правда:

*Выплаты школьникам и продление программы **туркэшибека**.*

*В «вэлком-зоне» был и детский уголок, где **аниматоры** обучали детей.*

ИСП:

*Краткое изложение сюжетной **парадигмы** (не послойный пересказ текста, а именно **компиляция** из наиболее знаковых его элементов).*

*Разумеется, всё прочесть невозможно, но чем больше литературный **бэкграуд** (видимо – бэкграунд?) **рецензента**, тем наиболее объективен он будет в своих выводах ...*

Newsru.com:

*На жителя Ростова возбудили дело за **мемчик**, подрывающий авторитет депутатов Госдумы. Что могло повредить репутации столь блестящего общества? Простая **пикча** с буквами на ней.*

ЖЖ.

Здесь целый набор, в котором даже мне, знающему английский, трудно разобраться:

- ... на **мимимишную бабическую литературу**;

- ... лайфхак, лёгкого пикапа, коллеги-кодеры, с бэджиком «Любовь», папик на бэхе, тормозному бойфренду ...,

«Этот чечик на велике стантит круче всех» — понимаете, о чём речь? А тут: «Сейшн вчера допоздна был, чуть на последнюю собаку не опоздал»?

Или это:

Учёные из Лаборатории ЖЖ lj_lab поймали правильный вайб и постарались обойтись без кринжа в новом исследовании, но многобукаф точно будет. Ауф!

ЖЖ:

Российский полузащитник футбольного клуба "Монако" Александр Головин занял третье место в голосовании на лучшего **плеймейкера** в символической сборной прошедшего сезона чемпионата Франции.

- ... не шеймит, не канселит, делал code review ...

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:

Теперь несетевым аптекам разрешат вести дистанционную торговлю лекарствами, а покупать препараты можно будет на **маркетплейсах**.

Опен-колл в рамках проекта «Поэзия как молитва»:

Дедлайн: ...

В анонсе конкурсов к существующим хэштегам (**поэзия, проза и т.д.**) добавить тэг про возрастное ограничение для авторов

О II МЕЖДУНАРОДНОМ КОНКУРСЕ БУКТРЕЙЛЕРОВ

Организаторы Конкурса:

Министерство культуры Российской Федерации;

3. Ридеры и Жюри Конкурса ...

Популярнейшая среди российской политэлиты передача «Эмпатия Манучи».

И никто не поправит, даже литераторы, которые к Вячеславу Манучарову толпой валят.

Могу продолжить. Могу привести примеры нарушения Закона о языке не только в письмах жертв ЕГЭ, но и в выступлениях политиков и писателей. А уж как пишут спортивные обозреватели и журналисты, на каком языке, даже и покойному В.Н. Маслаченко с его **«овертаймами и мундиалами»** и не снилось.

Что же делать, как остановить или контролировать поток англицизмов, хлынувший с появлением интернета во все языки мира? Да, первый шаг сделан – принят Закон о языке. Но нужна жёсткая политика и правительства и общества по контролю за его исполнением. Нужен один орган, а не «министерства и ведомства»!

Почему не взять опыт Франции? На сегодняшний день во Франции существуют структуры, которые вырабатывают и **проводят в жизнь «лингвистическо-культурную» политику Франции на международной арене**, определяют политику страны, связанную с Международной организацией «Франкофония» и с усилением роли французского языка в мире. [4]

Проводят в жизнь!!! Думаю, дальше ясно без комментариев.

Такое же положение дел и с требованием Президента о **Культурно-гуманитарном влиянии: продвижении русского языка, искусства, литературы и образования как инструментов «мягкой силы»**. Здесь я бы мог целый доклад сделать,

об этом «продвижении», но задам только один вопрос «продвигателям». Есть ли центры усовершенствования русского языка для наших американских и других зарубежных студентов? Нет, если есть, то там дельцы такую цену заламывают, что мы отправляем своих питомцев в Латвию, Киргизию, Финляндию, Казахстан ...

А ведь не эти страны должны принимать наших студентов, любящих Россию, а родина Есенина, Толстого, Шолохова.

Я коснулся только части, маленькой части тех проблем, которые показались мне и моим коллегам важными. «За бортом» остались и Голливудские фильмы, всё ещё доминирующие на российских экранах, и видеоигры, где русские чаще всего злодеи, и наплевательское отношение российских издателей к пишущей «братии» за рубежом.

И хочется снова повторить то, что я сказал на прошлой конференции и что осталось неслышанным теми, кто определяет внешнюю политику страны.

1. Проблемы формирования позитивного образа России в современном информационном пространстве, истоки русофобии – это отсутствие правдивой информации о России. Их, этих истоков ненависти к России, конечно, больше и не только у американцев, но и в бывших союзных республиках, о чём я неоднократно писал и говорил в разных СМИ, в частности, критиковал Академию наук России за молчание о переписке истории и учебников по ней в этих бывших братских республиках. Жаль, что МИД и другие организации России не займутся этой проблемой посерьёзнее.

2. Нет в государстве единого центра борьбы по противодействию вражеской русофобской, антигосударственной пропаганде.

3. Думаю, что в деле просвещения молодёжи, донесения ей всей правды о прошлом России, нужны не только такие конференции и работа шолоховедов (они-то как раз работают хорошо в этом плане), а и «круглые столы», дискуссии, публикации ведущих историков, литературоведов, премии, гранты на фильмы и книги о жизни М.А. Шолохова, его современников, которые прославили русскую, советскую литературу на весь мир. И всё это необходимо освещать во всех СМИ страны, на Центральном телевидении. И, конечно, давайте не побоимся об этом сказать, - нужна финансовая поддержка государства писателей-патриотов. Почему американский Госдеп выделяет огромные деньги на подобные программы типа *Open World* или *International Writing Program*, а Россия – нет?

4. В наше время, к сожалению, ничего никто бесплатно не будет делать. Вот была бы такая конференция организована, скажем, по книге З. Прилепина «Шолохов. Незаконный.» на родине Нобелевского лауреата и поддержана правительством, с участием чиновников самого высокого ранга, куда можно было бы пригласить литераторов с мировыми именами, редакторов русскоязычных литературных журналов, газет из ближнего и дальнего зарубежья, то и КПД её был бы достоин великого патриота России М.А. Шолохова!

5. Необходим общенациональный патриотический журнал. Этот журнал должен стать литературным журналом номер один в России, да и в мире. И премия по литературе должна быть не Нобелевская, а Шолоховская. В России сейчас более ста человек – долларовых миллиардеров, думаю им бы ничего не стоило «отстегнуть» необходимую сумму на эти нужные дела.

Список литературы

1. Кожевников П.Г. Драйв не застартуется! – 2013. – <https://proza.ru/2013/12/17/425>
2. Кожевников П.Г. «О сторителлингах и подкастах ... – 2023. – <https://proza.ru/2023/04/04/124>
3. Кожевников П.Г. Русский язык, который мы забыли ... – 2022. Денвер: Горизонт.
4. Кравченко О.В. Языковая политика Франции по предотвращению проникновения в язык иностранных слов и выражений // Филологический аспект. 2019. № 6 (50). С. 55-63.
5. Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. N 474 “Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации”. – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412219970/>
6. Языковая политика во Франции. – https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%B2%D0%BE_%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8

Сведения об авторе

Кожевников Павел Григорьевич – член редколлегии самой большой русскоязычной газеты «Горизонт», США, Денвер, Писатель. E-mail: pavelkoz@aol.com

Information about the author

Kozhevnikov Pavel Grigoryevich - Member of the Editorial Board of the Largest Russian-Language Newspaper "Horizon", USA, Denver, Writer. E-mail: pavelkoz@aol.com